

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения

Научное общество
Факультета международных отношений

Воронежское отделение
Российской Ассоциации исследователей
Иbero-Американского мира

М.В. Кирчанов

АВТОРИТАРИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ

(проблемы модернизации в Бразилии
1930 – 1980-х годов)

Воронеж
2009

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

Рецензенты:

Валентин Павлов Петрусенко,
доц., д-р политологии (Болгария),
к. полит. н. (Россия),
Пловдивский Университет «Паисий Хилендарский»
(Пловдив, Болгария)

Георгий Иванов Коларов,
доц., д-р политологии (Болгария),
к. полит. н. (Россия),
Софийский Университет «Климент Охридский»
(София, Болгария)
МГПУ / РУДН (Москва, Россия)

К 436 Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009. – 164 с.

В центре настоящей монографии – проблемы политической модернизации крупнейшего государства Латинской Америки – Бразилии.

Автор анализирует различные тренды политической модернизации, которые протекали в рамках авторитарной модели развития в период правления Жетулиу Варгаса, а так же военно-гражданских режимов. В монографии показана роль внесистемных политических движений, которые представляли вызовы авторитарной модели модернизации.

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

© М.В. Кирчанов, 2009
© Факультет международных отношений, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Модернизация в Бразилии: авторитаризм, политические культуры и политические пространства	
1. Основные направления и особенности модернизационных политических процессов в Бразилии в 1930-е гг.	18
2. Проблемы политической культуры и интеллектуальное сообщество в Бразилии: правая альтернатива модернизации в 1930-е гг.	29
3. Регионализация и проблемы антимодернизационных альтернатив в Бразилии	44
4. Проблемы маргинализации левых в контексте модернизационных процессов	62
Модернизационные процессы в Бразилии в рамках авторитарной модели	
1. Особенности модернизации в условиях политической нестабильности в Бразилии во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов	72
2. Авторитарная модель модернизации в Бразилии (1964 – 1970-е гг.)	87
3. Отражение модернизационных процессов в интеллектуальном дискурсе Бразилии 1950 – 1970-х гг.	99
4. Католические альтернативные политические тренды в Бразилии во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов	117
Заключение	
1. Модернизационный опыт в Бразилии: теоретические проблемы исследования	130
2. Бразильская модернизация, 1930 – 1985: авторитарный опыт и политические итоги	136
Библиография	142
Сокращения	164

Введение

В западной политической и исторической науке установилась традиция ассоциировать отдельные века в истории европейского и американского мира с доминированием тех или иных политических идеологий. Классическими в этом плане являются исследования крупного британского историка-неомарксиста Эрика Хобсбаума¹, посвященные проблемам европейской и американской истории, написанной в интеллектуальных, культурных, политических и экономических координатах трех «веков» изменения западного мира – «века революции», «века империи» и «века капитала».

С хронологией и концепцией, предложенной британским исследователем в первой половине 1960-х годов, можно не соглашаться, но именно Э. Хобсбаум был одним из тех, кто предпринял попытку преодолеть нормативные тренды в написании и описании истории, предложив комплексную и синтетическую концепцию, связав между собой политический процесс в событийном контексте с культурно-политической обусловленностью политических и исторических изменений. Иными словами, процессы возможны не в силу инерционного изменения общества – изменения вероятны лишь в случае перемен в рамках того бэк-граунда, на который опирается то или иное общество в процессе своего функционирования.

В этом контексте XIX и XX столетия в истории Европы и Америк предстают как века национализма и модернизации. Национализм и модернизация относятся к числу тех явлений, которые определили облик западной цивилизации в XX веке, создав потенциал для ее трансформации в сторону пост-современного и информационного общества. Если взглянуть на политическую карту мира, то мы увидим, что современное политическое пространство сконструировано по принципу национальных государств, появление которых было невозможно

¹ Хобсбаум Э. Век революции. 1789 – 1848 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999; Хобсбаум Э. Век капитала. 1848 – 1875 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999; Хобсбаум Э. Век империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999.

*Автор выражает благодарность декану факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета; профессору, доктору экономических наук **О.Н. Белену**; заведующему кафедрой международных отношений и регионоведения, доктору политических наук, профессору **А.А. Слинько**; доктору исторических наук, профессору **А.И. Сизоненко** (ИПА РАН); профессору, доктору политических наук **Б.Ф. Мартынову** (ИПА РАН / МГИМО/У/ МИД РФ), а также рецензентам, которые нашли время и возможность прочитать эту книгу: доктору политологии, доценту **Валентину Павлову Петрусенко** (Пловдивский Университет «Паисий Хилендарский», Пловдив, Болгария), доктору политологии, доценту **Георгию Иванову Коларову** (Софийский Университет «Климент Охридский», София, Болгария; МГПУ / РУДН, Москва, Россия).*

без модернизации, разрушения традиционных сообществ на смену которым пришли нации-государства и государства-нации. Этот процесс разрушения традиционного общества и утверждения национального (в ряде регионов – национализирующего) государства, основанного на принципах политического гражданского национализма, имел повсеместный характер, охватив Европу от Португалии до Украины и Балтии, Северную и Южную Америки.

Среди стран, которая пережила модернизацию, была и Бразилия. В истории бразильской модернизации можно выделить несколько этапов. Первый этап, вероятно, следует датировать XIX веком – историей Бразильской Империи и ранней Республикой. Именно тогда закладываются основы бразильской идентичности, национальной и политической, формируется (но не складывается окончательно) политическая бразильская нация. Вторым этапом в истории бразильской модернизации следует связывать с политическими процессами первой половины XX века: кризис республики привел к установлению авторитарного режима Жетулиу Варгаса, который использовал огромный мобилизационный потенциал популизма. Политические наследники Варгаса, Жуселину Кубичек и Жоау Гуларт, применяли не столь авторитарные методы, продолжая политику Ж. Варгаса. Военный переворот 1964 года стал началом нового этапа в модернизации, ознаменованного возвращением к авторитарным методам политического управления, но без заигрывания элит с массовыми движениями.

Вариант модернизации по Ж. Варгасу представлял собой модель политических перемен в рамках авторитарного режима с использованием мобилизационного потенциала массовых движений и энергии интеллектуалов. Модель модернизации, воспринятая армией во второй половине 1960-х годов, так же была авторитарной, но без массового политического участия, а на смену интеллектуалам-гуманитариям пришли интеллектуалы-технократы. Если первые способствовали окончательному формированию национальной идентичности, то вторые предприняли попытку переустройства социально-экономического бэк-граунда. Гражданские интеллектуалы создали в 1930 – 1950-е годы политический и культурный фундамент, который позволил функционировать военному режиму со второй половины 1960-х до середины 1980-х годов. Своим преемникам военные оставили не эффективно функционирующую систему, а страну, которая нуждалась в очередной волне модернизации. С другой стороны, стало очевидно и то, что ресурсы и потенциал для модернизации в рамках авторитарной модели исчерпаны. Именно поэтому гражданские элиты, пришедшие к власти во второй половине 1980-х годов, были вы-

нуждены решать не задачи национальной консолидации, но преодолевать экономические и социальные трудности, с которыми столкнулась нация.

Актуальность изучения опыта политической модернизации в Бразилии определяется тем, что современная Российская Федерация, столкнувшись с внутренними системными вызовами, в значительной степени исчерпав инерционный потенциал развития 1990-х – первой половины 2000-х годов, пытается выстроить такую модель политической модернизации, которая учитывала национальный (российский), мировой (западный) и региональный (например, латиноамериканский, бразильский) опыт проведения политических и социальных реформ.

Националистические модернизационные тактики и стратегии принадлежат к числу тех политических процессов, предпосылки и само протекание которых приводит к появлению не только национального государства и современной (современной) нации, но и значительного корпуса текстов, которые формируют **источниковую базу** настоящего монографического исследования. Националистический дискурс, определяющий процесс модернизации, представлен в различных текстах художественного характера, текстах политических деятелей, а так же научных исследованиях.

Исходя из такой специфической базы используемых текстов, **объектом исследования** является национализм как политическое движение и идеология, а так же как фактор, способствовавший политической модернизации. **Предмет исследования** – особенности развития и функционирования националистического дискурса, а так же направления модернизации, в рамках которых политический (гражданский) национализм был основным фактором, стимулирующим политические, социальные и культурные перемены. **Хронологические рамки** исследования ограничены наиболее важным с точки зрения модернизации этапом – периодом от начала 1930-х до конца 1970-х годов – диктатурой Жетулиу Варгаса, нестабильными политическими режимами 1950-х – начала 1960-х, военным режимом, установленным в 1964 году.

К числу **основных положений** монографии, исходя из объекта, предмета, а так же выбранного хронологического этапа, относятся:

1) национализм представляет собой двухуровневый феномен, состоящий как из политических, так и этнических трендов; в зависимости от ситуации доминировать могут политические или этнические течения в национализме; в Бразилии на протяжении анализируемого периода доминировал политический гражданский национализм;

2) национализм относится к числу интеллектуальных и интеллектуалистских политических идеологий; поэтому основными теоретиками и адептами национализма являются интеллектуалы, которые конструируют националистический политический дискурс;

3) национализм опирается на бэк-граунд, представленный различными моделями политической культуры, которая приписывает тому или иному сообществу определенные культурные практики и стратегии политического поведения;

4) национализм относится к числу феноменов процессуального плана; следовательно, развитие национализма является процессом конструирования идентичностных моделей и политических наций, который функционируют в рамках этих моделей;

5) модернизация – процесс, в результате которого разрушается традиционный дискурс и утверждаются принципы политического национализма, для которого приоритетной является гражданская идентичность;

6) националистическое воображение является процессом выработки и экспорта национальной идентичности со стороны националистов-интеллектуалов в направлении традиционных сообществ, подвергающимся модернизации путем разрушения традиционных идентичностей, на смену которым приходят современные политические идентичности; националистическое воображение (конструирование политического опыта) является одним из наиболее важных и действенных инструментов модернизации;

7) политические нации представляют собой не примордиальные категории, а современные (современные) конструкции, возникшие в результате националистического воображения интеллектуалов-националистов и рефлексии / спекуляции относительно националистического наследия со стороны политических наследников первых националистов.

Принимая во внимание упомянутые выше положения, **цель исследования** состоит в анализе гражданского национализма в контексте политической модернизации в Бразилии. Достижение поставленной цели предполагает решение **следующих задач**:

1) определение теоретических границ концепта «национализм» через анализ основных направлений и результатов деятельности интеллектуалов-националистов как теоретиков авторитарных политических режимов или режимов, имеющих тенденции к трансформации из нестабильных в авторитарные;

2) выявление характеристик политической модернизации в контексте развития национализма и утверждения современных идентичностей;

3) анализ динамики развития националистического и политического воображения в контексте конструирования идентичностей;

4) раскрытие роли политического (гражданского) национализма как основного фактора, способствовавшего проведению модернизации в рамках авторитарной модели политического режима или в условиях политического транзита.

Для реализации вышеставленной цели и решения задач автор использовал методы дискурс-нарративного анализа. Именно поэтому в **теоретико-методологической основе** монографии лежат методы, выработанные в рамках **исследований модернизации и национализма**. Появлению на Западе теорий модернизации предшествовало появление марксизма. Карл Маркс заложил одну из центральных идей, которая позднее доминировала в различных модернизационных теориях. Как известно, Маркс полагал, что все страны проходят в процессе своей истории одинаковые стадии экономического, социального и политического развития. В такой ситуации менее развитые страны исторически обречены на развитие, то есть не модернизацию. В 1966 году американский социолог С. Блэк опубликовал одно из первых теоретических исследований, посвященных модернизации. В своей монографии «Динамика модернизации» С. Блэк констатировал сложности, с которыми сталкивается исследователь модернизации: «современная литература, посвященная вопросам модернизации продолжает пребывать в процессе определения своего предмета у поиска основополагающих фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и структур»². Блэк полагал, что изучение модернизации невозможно в рамках одной гуманитарной науки – истории, политологии, социологии, культурологи.

По мнению С. Блэка, изучение модернизации – междисциплинарная задача. В этой ситуации изучение модернизации – «междисциплинарное изучение человечества путем описания и объяснения во всей сложности процессов изменения, которым приписывается мировое значение»³. Появление исследования С. Блэка стало отправной точкой в начале модернизационных исследований. С. Блэк определял модернизацию как процесс, при помощи которого различные общества

² Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975. – P. 186.

³ Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

стремятся адаптироваться и адаптируются к окружающим изменениям⁴. Американский социолог Нейл Смелзер считает возможным определить модернизацию как «постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той или иной мере подвержены изменениям». Израильский ученый Ш. Эйзенштадт оценивает модернизацию как процесс изменения различных обществ в направлении политических моделей Запада⁵.

Американский политолог Р. Уорд полагал, что модернизация является целенаправленным изменением социальных отношений и окружающей среды⁶. Р. Бендикс указывает на то, что под модернизацией следует понимать комплекс политических и социальных перемен, связанных с процессами индустриализации⁷. С. Ваго полагает, что модернизация является трансформацией аграрных обществ в индустриальные⁸. По мнению В. Цапфа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную революцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы⁹. Модернизация, как сложный и комплексный процесс, обладает целым рядом характеристик.

Важнейшие из характеристик модернизации следующие: комплексность (модернизация является универсальным процессом, который охватывает все сферы жизни общества); системность (в рамках модернизации изменение любого элемента системы влечет изменения других элементов); глобальность (и хотя процесс модернизации исторически начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток); темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения); разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными особенностями).

В методологической основе авторского анализа в рамках настоящей монографии лежат теоретические представления о феномене национализма, выработанные в рамках англо-американского академического дискурса в XX столетии. Социальноэкономический модернизм

⁴ Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

⁵ Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.

⁶ Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.

⁷ Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.

⁸ Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.

⁹ Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.

представленный исследованиями Тома Нэйрна¹⁰ и Майкла Хечтэра¹¹, предлагает видеть в национализме явление современной истории, возникшее в результате появления новых социальных, политических и экономических факторов, которыми были капитализм, региональные особенности и диспропорции в развитии регионов. Согласно социокультурному модернизму в лице его крупнейшего теоретика Эрнеста Геллнера¹², национализм возникает как неизбежное последствие модернизации. Местные интеллектуалы создают «высокую культуру» и, как результат, нацию, которая поддерживает индустриализацию, порождающую, в свою очередь, политическую идеологию национализма.

Интеллектуальный конструктивизм – теория, автором которой признан Бенедикт Андерсон¹³ и, согласно которой, национализм принадлежит к числу современных феноменов, имеет ангажированный (социально, политически, религиозно, культурно) маркированный характер и значительное число проявлений-дискурсов (в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях), но формируется благодаря усилиям националистов-интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые совершенно сознательно и намеренно «воображают» нацию. Нарративная теория национализма, возникшая благодаря исследованиям американских и канадских специалистов по восточно-европейским литературам, представлена исследованиями Джорджа Грабовича, Тараса Кознарського, Максима Тарнавського, Олега Ильницького¹⁴. Ее сторонники предлагают анализировать различные националистические дискурсы через различные авторские и коллективные нарративы (narratives), отталкиваясь от анализа литературных произведений как не просто памятников литературы, а как памятников националистической мысли, как «чистых»

¹⁰ Nairn T. *The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism* / T. Nairn. – L., 1977; Nairn T. *Faces of Nationalism* / T. Nairn. – L., 1997.

¹¹ Hechter M. *Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966* / M. Hechter. – L., 1975.

¹² Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – L., 1983.

¹³ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму* / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

¹⁴ Грабович Г. *Поет як міфотворець* / Г. Грабович. – Київ, 1996; Грабович Г. *До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка* / Г. Грабович. – Київ, 1997; Ильницький О. *Український футуризм (1914 - 1930)* / О. Ильницький. – Львів, 2003; Кознарський Т. *Із суржикіади* / Т. Кознарський // Жолдак Б. *Бог буває. Drive Stories* / Б. Жолдак. – К., 1999; Тарнавський М. *Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного* / М. Тарнавський. – Київ, 2004.

текстов. Эта теория нередко ведет к разрушению традиционного националистического дискурса в политической сфере.

Системная теория характерна для работ американского политолога, социолога и исследователя международных отношений Иммануила Валлерстайна, который предлагает анализировать националистический феномен в контексте не просто системы международных отношений, но в контексте отношений центра и периферии. Системная теория оказала значительное влияние на постколониализм. *Дискурсивная теория национализма*, виднейшими представителями которой следует признать Дж. Эли¹⁵, Кр. Калхуна¹⁶ и Р. Суни¹⁷, полагает, что национализм следует анализировать не в контексте общих и локальных особенностей различных национализмов, а уделять внимание конкретным формам и проявлениям националистического дискурса.

Теории модернизации и национализма оказали значительное влияние на развитие гуманитарного знания и политических исследований в Бразилии, США и странах Западной Европы, что отражается на **степени научной разработанности** проблем бразильской модернизации. На фоне значительного числа работ, посвященных Латинской Америке в целом и отдельным испаноязычным странам региона число специальных исследований о Бразилии продолжает оставаться незначительным. Следует упомянуть работы Ю.А. Антонова, Б.Ф. Мартынова, А.Н. Глинкина, Т.Ю. Забелиной, А.А. Сосновского, Н.П. Калмыкова, Б.И. Ковалья, Л.С. Окуновой, С.М. Хенкина, А.Ф. Шульговского¹⁸. Анализируя эти исследования, следует принимать во внимание, что модернизация не является предметом отдельного исследования, будучи одной из изучаемых тем на фоне широкого исторического или политологического фона. Попытки анализа модернизации как процесса, связанного с политическими трансформациями, разви-

¹⁵ Eley G. Reshaping of German Right / G. Eley. – Oxford, 1980.

¹⁶ Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.

¹⁷ Becoming National. A Reader / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996.

¹⁸ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973; Бразилия: перемены и постоянство / ред. Б.Ф. Мартынов. – М., 2004; Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961; Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский. – М., 1986; Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981; Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968; Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005; Окунева Л.С. На путях модернизации: опыт Бразилии для России / Л.С. Окунева. – М., 1992; Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии / Л.С. Окунева. – М., 1994. – Т. 1 – 2; Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. – М., 1985; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.

тием национализма и различных идентичностей предприняты в исследованиях М.В. Кирчанова¹⁹.

Наибольших успехов в изучении бразильской модернизации достигли исследователи, политологи, социологи, культурологи, экономисты и историки Бразилии. В рамках бразильского гуманитарного курса возникли исследовательские направления, связанные с изучением национализма²⁰ в контексте генезиса модернизации и интеллекту-

¹⁹ Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке.* – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008; Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008; Кирчанов М.В. *Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова* / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19; Кирчанов М.В. *Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов)* / М.В. Кирчанов // *Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара* / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. – Воронеж, 2007. – С. 19 – 30; Кирчанов М.В. *Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова* / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37; Кирчанов М.В. *Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации* / М.В. Кирчанов // *Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции* / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75; Кирчанов М.В. *Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова* / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С.11 – 21; Кирчанов М.В. *Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова* / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53; Кирчанов М.В. *Раса, феминность, маскулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова* / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67.

²⁰ Abreu A. de, *O nacionalismo de Vargas ontem e hoje* / A. de Abreu // *As instituições brasileiras de era Vargas* / ed. M.C. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1999; Capelato M.H. *Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva* / M.H. Capelato // RBH. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32; Paiva V. *Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo?* / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Lins do Rego J. *Notas sobre Gilberto Freyre* / J. Lins do Rego // *Região e tradição.* – Rio de Janeiro, 1941. – P. 9 – 21; Maggie Y. *Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão* / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Macieira A. *Mundo e construções de Oliveira Viana* / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Murilo de Carvalho J. *A utopia de Oliveira Viana* / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.

ального бэк-граунда перемен; модернизма²¹ как комплекса интеллектуальных предпосылок для политической модернизации и самой модернизации²² как совокупности идентичностных, политических и культурных перемен²³; феномена авторитаризма Жетулиу Варгаса²⁴, политической и интеллектуальной истории «нового государства»²⁵.

²¹ Diogo A., Monteiro R.S. *Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas*. – Lisboa, 1993; Fokkema D. *Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária* / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Moraes E.J. de, *A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica* / E.J. de Moraes. – Rio de Janeiro, 1978.

²² Corvalho J.M. *A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil* / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990; Chauí M. *Cultura e democracia* / M. Chauí. – São Paulo, 1980; Coutinho C.N. *A democracia como valor universal* / C.N. Coutinho. – São Paulo, 1980; Cupertino F. *Classes e camadas sociais no Brasil* / F. Cupertino. – Rio de Janeiro, 1978; Ferreira de Castro Fr. *Modernização e democracia (O desafio brasileiro)* / Fr. Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969; Figueiredo A. *Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política: 1961-1964* / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993; Gabriel de Resende P. *Nacionalismo* / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959; Girardet R. *Mitos e Mitologias Políticas* / R. Girardet. – São Paulo, 1987; Freyre G. *Casa grande e senzala. Formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1936; Oliven R.G. *Brasil, uma modernidade tropical* / R.G. Oliven // *Etnográfica*. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.

²³ Allain Teixeira J.P. *Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectivas* / J.P. Allain Teixeira // *BRIL*. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118; Alves B.M., Pitangay J. *A que é meminismo* / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. *Intelectuais: sociedade e política* / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003; Baêta Neves L.F. *História intelectual e história da educação* / L.F. Baêta Neves // *RBE*. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 376; Bastos E. *Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil* / E. Bastos // *ES*. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72; Miceli S. *Intelectuais e classes dirigentes no Brasil, 1920 – 1945* / S. Miceli. – São Paulo, 1979; Miceli S. *Intelectuais à Brasileira* / S. Miceli. – São Paulo, 2001.

²⁴ Brito Silva G. *No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo* / G. Brito Silva // *História*. – 2005. – No 30. – 225 – 241; Cachapuz P.B. *A trajetória política de Getúlio Vargas* / P.B. Cachapuz // *Getúlio Vargas e seu tempo* / ed. R.M. Silva. – Rio de Janeiro, [n.d.]. – P. 45 – 74; Cândido A. *A Revolução de 1930 e a cultura* / A. Cândido // *NE*. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36; Borges V.P. *Getúlio Vargas e a oligarquia paulista* / V.P. Borges. – São Paulo, 1979; Chor M. *O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945* / M. Chor // *EH*. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310; Tucci Carneiro M.L. *Sob a máscara do nacionalismo. Autoritarismo e anti-semitismo na Era Vargas (1930-1945)* / M.L. Tucci Carneiro // *EIAL*. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

²⁵ *Estado Novo: ideologia e poder* / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Carone E. *O Estado Novo, 1937 – 1945* / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977; Chacon V. *Estado e povo no Brasil: as experiências do Estado Novo e da democracia populista. 1937 – 1964* / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977; Guimarães S.G. *Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo* / S.G. Guimarães. – São Paulo, 1984; Goulart S. *Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo* / S. Goulart. – São Paulo, 1990; Gomes A. de C. *História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo* / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Pimenta Velloso M. *Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo* / M. Pimenta Velloso // *O Brasil Republicano*. – Rio de Janeiro, 2003; Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. *Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945)* / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // *Iniciação Científica*

Особое внимание уделяется проблемам генезиса, функционирования, развития и изменения феномена бразильского авторитаризма²⁶. В контексте модернизации бразильские политологи, социологи и культурологи исследуют проблемы истории бразильского интегрализма²⁷ и коммунизма²⁸, как правой и левой альтернативы авторитарной модернизационной стратегии. Следует упомянуть исследования, посвященные судьбе национальных (политических) меньшинств в рамках бразильской модернизации²⁹, которые воспринимались политическими элитами как препятствие для модернизации политического про-

Newton Paiva 2003-2004 / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133; Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999.

²⁶ D'Araújo M.C. Estado, classe trabalhadora e política sociais / M.C. D'Araújo // O tempo do nacional-estatismo: do início da década de 1930 ao apogeu do Estado Novo / eds. J. Ferreira, L. de Almeida Neves Delgado. – Rio de Janeiro, 2003; Chauí M. Brasil – Mito fundador e sociedade autoritária / M. Chauí. – São Paulo, 2000; Dutra E. O ardil totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997; Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – São Paulo, 1982 (1988); Lanni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Lanni. – Rio de Janeiro, 1968.

²⁷ Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987; Barbosa J.R. A ascensão da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81; Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98; Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um partido de massa no Brasil (1932 - 1937) / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999; Ideologia e Mobilização Popular / orgs. M. Chauí, C. Franco. – Rio de Janeiro, 1978; Integralismo: novos estudos e reinterpretações / eds. R. Dotta, L. Passas, R. Cavalari. – Rio Aaro, 2004; Estudos do integralismo no Brasil / ed. G. Silva. – Recife, 2007; Trindade H. Integralismo: O fascismo brasileiro na década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.

²⁸ Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946; Brandão G.M. A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista (1920-1964) / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997; Cavalcanti B. Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira / B. Cavalcanti. – Rio de Janeiro, 1986; Dulles J.F. O comunismo no Brasil 1935 – 1945: repressão em meio ao cataclismo mundial / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985; Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977; Dulles J.F. A Faculdade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984; Zaidan Filho M. Comunistas em céu aberto / M. Zaidan Filho. - Belo Horizonte, 1989.

²⁹ Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plínio Salgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentes / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105; Bertonha J.F. O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943 / J.F. Bertonha // RBPI. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130; Bertonha J.F. A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943 / J.F. Bertonha // CI. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164; Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1; Gertz R.E. Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30 / R.E. Gertz // Relapões internacionais dos países americanos / eds. A.L. Cervo, W. Doepcke. – Brasília, 1994; Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999; Roche J. A Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 1969.

странства и унификации политического дискурса в стране. Значительное внимание в рамках бразильской исследовательской традиции уделяется и изучению феномена политического, культурного, интеллектуального и идентичностного регионализма³⁰, его трансформациям в условиях политической модернизации в рамках как авторитарных, так и демократических режимов.

Кроме этого американскими и британскими политологами создан значительный корпус исследований, посвященных проблемам авторитаризма – функционированию авторитарных режимов, тенденциям их демократизации, роли вооруженных сил в генезисе и воспроизводстве авторитарного дискурса, отношениям между гражданскими и военными политическими элитами³¹. В рамках англоязычной политологической традиции значительное внимание уделено проблемам развития авторитарного режима Жетулиу Варгаса³², изучению внутренних антиваргасовских и антимодернизационных трендов, представленных регионализмом³³ и коммунизмом³⁴. Бразильская и англо-американская

³⁰ Albuquerque D.M. de, *A invenção do Nordeste e outras artes* / D.M. de Albuquerque. – Recife – São Paulo, 2001; Alves de Cunha M. *O novo Rio de Janeiro: Geografia e realidade sócio-económica* / M. Alves de Cunha. – Rio de Janeiro, 1975; Chaves C.L. *O ensaio literário no Rio Grande do Sul (1868 – 1960)* / C.L. Chaves. – Brasília, 1979; Costa W.M. da, *Estado e políticas territoriais no Brasil* / W.M. da Costa. – São Paulo, 1985; Jacks N. *Mídia Nativa. Indústria cultural e cultura regional* / N. Jacks. – Porto Alegre, 1998; Nedel L. *A recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul* / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118; Oliveira Fr. de, *Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes* / Fr. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977; Seyferth G. *O regionalismo da tradição na perspectiva nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre* / G. Seyferth // *Anais do Seminário Internacional Novo Mundo nos Trópicos*. – Recife, 2000. – P. 180 – 193.

³¹ Andreski S. *On the Peaceful Disposition of Military Dictatorship* / S. Andreski // JSS. – 1980. – Vol. 30. – No 9. – P. 3 – 10; Arceneaux C.L. *The Military in Latin America* / C.L. Arceneaux // *Developments in Latin America Political Economy* / eds. J. Buxton, N. Miller. – Manchester, 1999. – P. 93 – 111; Castro C. *The Military and Politics in Brazil: 1964-2000* / C. Castro. – Oxford, 2000; *Civil-Military Relations* / ed. C.L. Cochran. – L., 1974; Feaver P.D. *The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civil Control* / P.D. Feaver // AFS. – 1996. – Vol. 23. – No 2. – P. 149 – 178; Finer S.E. *The Man on Horseback: the Role of Military in Politics* / S.E. Finer. – Boulder, 1988; Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies* / S.P. Huntington. – New Haven – L., 1968 (Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М., 2004); Huntington S.P. *The Soldier and the State* / S.P. Huntington. – NY., 1952; *The Military and Democracy* / eds. L. Goodman, J. Mendelson, J. Rial. – Mass., 1990; *New Military-Civil Relations* / eds. J. Lovell, P. Kronenberg. – New Brunswick, 1974; *The Political Influence of Military* / eds. A. Perlmutter, V. Plave Barette. – New Haven, 1980; *Political-Military Systems* / ed. C. McArdle Kelleher. – Beverly Hills – L., 1974.

³² Davilla J. *Under the Long Shadow of Getúlio Vargas: A Research Chronicle* / J. Davilla // EIAL. – 2001. – Vol. 12. – No 1; Dulles J.W. *Vargas of Brazil* / J.W. Dulles. – Austin, 1967; Loewenstein K. *Brazil under Vargas* / K. Loewenstein. – NY., 1942.

³³ Love J.L. *Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism, 1882–1930* / J.L. Love. – Stanford (California), 1971; Love J.L. *São Paulo in the Brazilian Federation* / J.L. Love. – Stanford

традиции в изучении модернизации и национализма близки во внимании к процессуальной стороне процесса, в анализе культурных и интеллектуальных трендов в рамках политического процесса, изучении политической культуры как своеобразного бэк-граунда, который позволяет функционировать политическим элитам как инициаторам модернизационных перемен и социальных изменений.

В настоящем исследовании автором используются ряд терминов (национализм, идентичность, националистический дискурс, модернизация, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, нарратив, политическая культура, политический / интеллектуальный бэк-граунд), образующих **понятийный аппарат работы:**

в определении национализма автор следует за Э. Геллнером, понимавшим под национализмом, принцип при котором политическая и этническая единицы должны совпадать; идентичность (identity) – совокупность представлений, нарративов и политических предписаний, образующих националистический дискурс;

нарративы (narratives) – институционализированные в виде текстов политические предпочтения и культурные идеи интеллектуалов-националистов;

модернизация (modernization) – процесс разрушения традиционного культурного дискурса и традиционных идентичностей, на смену которым приходит националистический дискурс и современные (национальные) идентичности;

интеллектуальное сообщество (intellectual community) – профессиональная корпорация исследователей (как правило, гуманитариев), конструирующих националистический дискурс;

националистический дискурс (nationalistic discourse) – текстуализированная или иная среда проявления национализма, представленная текстами, создаваемыми интеллектуалами-националистами, а так же национально значимыми и маркированными памятниками, монументами, «местами памяти»;

националистическое воображение (nationalistic imagination) – процесс выработки идентичности и формирования националистиче-

(California), 1988; Oliven R.G. National and regional identities in Brazil: Rio Grande do Sul and its Peculiarities / R.G. Oliven // Nations and Nationalism. – 2006. – Vol. 12. – No 2. – P. 303 – 320; Weinstein B. Brazilian Regionalism / B. Weinstein // LARR. – 1982. – Vol. XVIII. – No 2. – P. 262 – 276; Wirth J.D. Minas Gerais in the Brazilian Federation / J.D. Wirth. – Stanford (California), 1977.

³⁴ Alexander R. Communism in Latin America / R. Alexander. – New Brunswick, 1957; Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972 / R.H. Chilcote. – NY., 1974; Dulles J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983; Goebel M. Nationalism, the Left and Hegemony in Latin America / M. Goebel // BLAR. – 2007. – Vol. 26. – No. 3. – P. 311 – 318.

ского дискурса националистически ориентированными интеллектуалами для того или иного сообщества;

воображаемое (воображенное) сообщество (*imagined community*) – концепт групповой идентичности, предложенной националистами-интеллектуалами для того или иного сообщества; потенциальная политическая нация;

политическая нация или нация-государство (*Nation State*) – институционализированное воображенное сообщество, которое характеризуется наличием государственности (национальной независимой или национальной автономии), идентичности, исповедующее идеологию политического национализма в виде соблюдения гражданских политических ритуалов, поддерживаемых интеллектуальным сообществом, обладающим корпоративными объединениями (научные общества, университеты, фонды, Академии Наук и Искусств);

политический центр – сообщество, в рамках которого процессы национализации и модернизации, формирования современных типов идентичностей – политических и этнических – протекали быстрее, чем в других регионах;

политическая периферия – сообщество, которое оказалось в меньшей степени, в отличие от центра, подверженным политической модернизации; на территории периферий, как правило, националистические движения возникают позднее, чем в центре; для развития периферийных национализмов характерна догоняющая динамика;

культурный бэк-граунд (*cultural back ground*) – националистический дискурс, культивируемый интеллектуальным сообществом и обеспечивающий функционирование и воспроизводство политической нации.

Завершая настоящее Введение, автор считает необходимым акцентировать внимание на актуальности бразильской тематики для современной российской латиноамериканистики, хотя речь об этом шла выше. Бразильская модель политической модернизации представляет собой уникальный опыт проведения политики, направленной на укоренение политических, идентичностных, социальных и экономических перемен в нестабильном обществе в рамках как авторитарных, так и неавторитарных политических режимов. Вероятно, изучение опыта и традиций бразильской модернизации, политической культуры и бразильского гражданского национализма могут оказаться полезными не только для российского научного политологического сообщества, но и для тех, кто формирует и определяет направления политического дискурса в современной Российской Федерации.

Модернизация в Бразилии: авторитаризм, политические культуры и политические пространства

Основные направления и особенности модернизационных политических процессов в Бразилии в 1930-е гг.

Политическая история Бразилии в XX столетии может быть интерпретирована в категориях модернизации³⁵, в то время как более ранние периоды отмечены формированиями современных наций. Начало активных модернизационных перемен в Бразилии связано с правлением президента Жетулиу Варгаса³⁶, режим которого в отечественном политологическом дискурсе понимался как «реакционная диктатура буржуазии и помещиков»³⁷ или «диктатура националистически настроенных кругов буржуазии, сохранивших связь с помещичьими группами»³⁸. Варгас – знаковая фигура в бразильской истории, изучением режима которого были вынуждены заниматься и советские историки, временно забыв о его недемократическом характере и своих антипатиях в адрес бразильского политика, признав наличие прогрессивных элементов в его политике, что, по их мнению, выразилось в стремлении Варгаса ослабить в Бразилии позиции «американского империализма»³⁹. Бразильская историография правления

³⁵ О проблеме модернизации в бразильском политическом и интеллектуальном дискурсе см.: Corvalho J.M. A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990; Da Matta R. Carnavais, Malandros e Heróis. Para uma Sociologia do Dilema Brasileiro / R. Da Matta. – Rio de Janeiro, 1979; Oliven R.G. Brasil, uma modernidade tropical / R.G. Oliven // Etnográfica. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.

³⁶ О Жетулиу Варгасе и его правлении существует обширная историография. См.: Loewenstein K. Brazil under Vargas / K. Loewenstein. – NY., 1942; Dulles J.W. Vargas of Brazil / J.W. Dulles. – Austin, 1967; Henriques A. Vargas, o Maquiavélico / A. Henriques. – São Paulo, 1961. См. мемуары дочери Жетулиу Варгаса – Алсиры Варгас. Vargas A. Getulio Vargas, meu Pai / A. Vargas. – Rio de Janeiro, 1960. См. так же: Queiroz J. Memórias sobre Getulio / J. Queiroz. – Rio de Janeiro, 1957.

³⁷ Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961. – С. 14.

³⁸ История Латинской Америки. 1918 – 1945 / ред. Н.П. Калмыков. – М., 1999. – С. 159.

³⁹ Различные аспекты политического режима Жетулиу Варгаса проанализирована в ряде исследований. См.: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973; Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968; Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. –

Жетулиу Варгаса очень значительна. Его изучение началось практически сразу после свержения. Оно продолжалось на протяжении всей второй половины XX века⁴⁰.

Фигура Варгаса привлекает внимание и современных бразильских интеллектуалов. Мнения историков полярно различны – от обьявления его авторитарным до идеализации. Точки зрения американских историков так же полярно противоположны⁴¹. Даже новейшая историография дискутирует о природе режима, хотя значительная часть авторов склонна оценивать режим как «корпоративистскую диктатуру»⁴². Автор не ставит под сомнение сам факт того, что режим не соответствовал нормам демократии⁴³, но, с другой стороны, такой авторитарный вариант модернизации так же нуждается в изучении и осмыслении. Жетулиу Варгас приходит к власти в Бразилии в ноябре 1930 года. До этого он принимал участие в президентских выборах, где уступил Жулиу Престесу. Но оппозиция, которая стала группироваться вокруг Варгаса, не приняла таких результатов и осенью 1930 года Престес уступил и вынужденно передал власть Варгасу⁴⁴. Примечательно, что еще на выборы 1930 года Варгас шел с лозунгами необходимости проведения широкой модернизации страны⁴⁵. В 1930 году, во время избирательной компании, Варгас говорил о необходимости «примирения всех бразильцев», за проведение такой политики, которая гарантировала и обеспечивала бы «прямое и действенное уча-

М., 1985; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.

⁴⁰ Borges V.P. Getulio Vargas e a oligarquia paulista / V.P. Borges. – São Paulo, 1979; Brandi P. Vargas: da vida para a história / P. Brandi. – Rio de Janeiro, 1983; Levine R. O regime de Vargas / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.

⁴¹ Режим Варгаса в ряде исследований оценивается как фашистский или режим фашистского типа. См.: Szulc T. The Twilight of Tyrants / T. Szulc. – NY., 1959; Skidmore T. Politics in Brasil, 1930 – 1960 / T. Skidmore. – NY., 1967.

⁴² Davilla J. Under the Long Shadow of Getúlio Vargas: A Research Chronicle / J. Davilla // EIAL. – 2001. – Vol. 12. – No 1.

⁴³ Авторитарный характер режима Ж. Варгаса достаточно хорошо исследован. См. например, о чистках университетов от нелояльных интеллектуалов как проявление репрессивной политики – Ribeiro J. História do Brasil / J. Ribeiro. – São Paulo, 1957. О преследовании левой оппозиции см.: Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959. – С. 14 – 18.

⁴⁴ См. подробнее: Fausto B. A Revolução de 1930: historiografia e história / B. Fausto. – São Paulo, 1997; Cândido A. A Revolução de 1930 e a cultura / A. Cândido // NE. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36; Goulart S. Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S. Goulart. – São Paulo, 1990; Miceli S. Intelectuais e classes dirigentes no Brasil, 1920 – 1945 / S. Miceli. – São Paulo, 1979.

⁴⁵ О событиях 1930 года см.: Fausto B. Revolução de 1930. Historiografia e História / B. Fausto. – São Paulo, 1970; Love J.L. O regionalismo gaúcho e as origens da Revolução de 1930 / J.L. Love. – São Paulo, 1975.

стие народа в выборе своих депутатов». Кроме этого декларировались и принципы, на основе которых следовало развиваться Бразилии – «уважение конституционных свобод и законов, экономическое и финансовое укрепление страны, улучшение деятельности государственного аппарата»⁴⁶.

Политика модернизации Бразилии в период правления Варгаса отличалась значительными особенностями. Ее инициатором оказался правящий режим, а часть интеллектуалов⁴⁷, которые были лояльны, декларировала модернизацию как продолжение и развитие консервативных традиций⁴⁸. Поэтому уже сам приход к власти Варгаса понимался как «консервативное движение, поддержанное всеми патристическими и консервативными элементами»⁴⁹. Кроме этого, в период правления Варгаса в Бразилии усиленно формировался положительный образ проводимой им политики⁵⁰. В период правления Варгаса культивировался официальный нарратив о том, что Бразилия должна развиваться, основываясь на началах классового мира и солидарности, полного отказа от классовой борьбы. Сам Варгас утверждал, что его идеалом является такое общество, где отсутствовало бы деление на богатых и бедных. По словам Варгаса в будущем бразильское общество будет представлять собой «народ, объединенный взаимопониманием и стремлением к общему благу»⁵¹.

Таким образом, в рамках модернизационной политики, проводимой Варгасом, усиленно культивировался официальный дискурс идентичности, которая проявлялась в лояльности режиму. К этой лояльности, мирным отношениям между социальными классами призывал и сам Варгас, пропагандировавший нарратив о том, что новый режим предусматривает и новую лояльность и новую идентичность. Режим начал широко использовать социальную риторику, которая проч-

⁴⁶ Silva H. 1930 – A Revolução Traída / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1966. – P. 62.

⁴⁷ Об интеллектуальном сообществе в контексте политических процессов в Бразилии см.: Miceli S. Intelectuais e classe dirigente no Brasil (1920-1945) / S. Miceli. – Rio de Janeiro, 1979.

⁴⁸ См. подробнее: As instituições brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1999; Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Abreu A. de, O nacionalismo de Vargas ontem e hoje / A. de Abreu // As instituições brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1999; Chor M. O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945 / M. Chor // EH. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310; Levine R. O regime de Vargas: os anos críticos / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.

⁴⁹ Silva H. 1930 – A Revolução Traída. – P. 330.

⁵⁰ Официальный дискурс восприятия и позиционирования режима Ж. Варгаса представлен в многочисленных публикациях. См.: Alcides Marinho Rego. A vitória do direito operário no governo Getúlio Vargas / A. Marinho Rego. – Rio de Janeiro, 1942; Costa C. As realizações de governo Getúlio Vargas no campo do direito / C. Costa. – Rio de Janeiro, 1942.

⁵¹ Vargas G. Brasil en Armas / G. Vargas. – Buenos Aires, 1944. – P. 100.

но вошла в его идеологический инструментарий⁵². Варгас популяризировал идею о том, что новый режим является более современным, чем те, что существовали ранее, так как он не представляет интересы исключительно армии или буржуазии, а призван стать выразителем чаяний всех бразильцев: «по существу и по форме революция избежала служения исключительно определенным классам. Ни гражданские элементы не победили военных, ни эти последние не поставили первых перед свершившимся фактом... все социальные категории, сверху и снизу, без различия возраста и пола, причастились единой мыслью – создание нового отечества»⁵³.

Поэтому, мы можем констатировать и то, что модернизация в том варианте, в котором ее предлагал Варгас, была направлена на демонтаж устойчивых социальных, в том числе и наиболее консервативных – гендерных, идентичностей и их вытеснение национальной идентичностью бразильской нации⁵⁴. На значительный националистический импульс своей политики указывал и сам Варгас, указывавший на то, что «революция была националистической, одна из ее главных целей состояла в стимулировании национального производства и в развитии национальных ресурсов»⁵⁵. Такая мотивация у рядовых бразильцев обеспечивалась стимулированием их лояльности режиму и репрессиями против несогласных с политикой Варгаса. По мнению бразильской исследовательницы А. де Кастро Гомес, усилиями официальных газет формировался особый тип лояльного бразильца, готового поддерживать мероприятия властей, игнорируя инициативы оппозиции⁵⁶. В таком контексте модернизация протекала как, с одной стороны, культивирование национальной политической бразильской идентичности, а, с другой, как и отказ от некоторых экономических институтов в пользу новой, более современной, экономики.

Модернизационный характер политики Ж. Варгаса проявился и в попытках развития рабочего законодательства, которое было призвано придать отношениям в сфере труда более современный и справедливый характер. Некоторые мероприятия правительства в этой сфере были направлены на ломку сложившихся отношений и их замену современными. На протяжении 1932 – 1936 годов в Бразилии вводятся в действие новые законы, призванные улучшить положение рабочих.

⁵² См.: Silva H. 1934 – O Constituinte / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1969.

⁵³ Silva H. 1930 – A Revolução Traída. – P. 413.

⁵⁴ О Бразилии до провозглашения «нового государства» см.: Carone A. A Segunda República, 1930 – 1937 / A. Carone. – São Paulo, 1973.

⁵⁵ The New York Herald Tribune. – 1931. – February 11.

⁵⁶ Castro Gomes A. Construção de Homem Novo // Estado Novo: Ideologia e Poder. – Rio de Janeiro, 1982. – P. 151 – 166.

Например, в 1932 году был запрещен труд детей младше 14 лет⁵⁷, были введены штрафы для работодателей за нарушение трудового законодательства⁵⁸. Таким образом, политика модернизации, проводимая Варгасом, была и социальной модернизацией. Правда, в ряде случаев ее эффект был незначителен. Тем не менее, решимость, с которой режим Варгаса, пытался демонтировать традиционные экономические институты еще раз подчеркивает, что он имел не только авторитарный, но и модернизационный характер.

Кроме этого, политика модернизации в целом носила умеренный характер, и, поэтому, Варгас был вынужден реагировать на политические вызовы, которые исходили от политических оппонентов, который были сторонниками крайних идей – правых или левых. Правый дискурс оппозиции был представлен Плинию Салгаду – лидер интегрализма, бразильского варианта фашизма⁵⁹. Левый оппозиционный дискурс был представлен коммунистами. В 1935 году Варгас пытается разоружить отряды интегралистов, что ему не совсем удается. С другой стороны, это свидетельствует о том, что режим на законодательном уровне пытался обезопасить себя от угрозы справа. Примечательно то, что правая оппозиция была в значительной степени маргинальной и не имела шансов реально захватить власть. Тем не менее, уже к 1950-м годам в бразильской интеллектуальной традиции сформировался антиваргосовский правый нарратив, который усиленно культивировался, например, Олбиану де Мелу, писавшим, что «в будущем историки расценят предоставление избирательных прав всем, кто может читать и писать, как тяжелый удар, нанесенный Варгасом, интересам нации»⁶⁰.

С другой стороны, левые группировки, связанные с иностранным коммунизмом, были более активны, представляя более реальную угрозу режиму⁶¹. Поэтому, в официальной риторике режима значитель-

⁵⁷ Bezerra de Freitas. *Legislação do Trabalho e Previdência Social* / Bezerra de Freitas. – Rio de Janeiro, 1938. – P.23.

⁵⁸ *Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio*. – 1937. – No 35. – P. 36.

⁵⁹ О крайне правой альтернативе модернизации, проводимой Ж. Варгасом см.: Lima Motta P., Mello Barboza J. *El nazismo eb el Brasil* / P. Lima Motta, J. Mello Barboza. – Buenos Aires, 1938; Sombra L.H., Guerra L.F. *Imagens do Sigma* / L.H. Sombra, L.F. Guerra. – Rio de Janeiro, 1998; Trindade H. *Integralismo: O fascismo brasileiro na década de 30* / H. Trindade. – São Paulo, 1979.

⁶⁰ Olbiano de Melo A. *A marcha da revolução social no Brasil, 1925 – 1954* / A. Olbiano de Melo. – Rio de Janeiro, 1957. – P. 144.

⁶¹ О коммунистическом движении в истории Бразилии в период правления Ж. Варгаса и об отношении коммунистов к политике режима см.: Alexander R. *Communism in Latin America* / R. Alexander. – New Brunswick, 1957; Chilcote R.H. *The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972* / R.H. Chilcote. – NY., 1974; Dulles J.W. *Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval* / J.W. Dulles. – Austin, 1983.

ное место принадлежало культивированию нарратива о том, что «Бразилия стала объектом нападения мирового коммунизма»⁶². Подобная точка зрения имела право на существование, так как в 1935 году Коммунистическая партия пыталась совершить государственный переворот и захватить власть. Попытка мятежа была подавлена, что, с одной стороны, позволило левым интеллектуалам культивировать нарратив об утопленной в крови «пролетарской революции»⁶³, а, с другой, дало возможность Варгасу еще несколько лет проводить политику модернизации сверху.

Новый этап в истории модернизации Бразилии, проводимой Ж. Варгасом, наступает в 1937 году, когда он распустил Конгресс и подписал новую Конституцию⁶⁴, которая наделяла его, как президента, более широкими полномочиями. В такой ситуации Ж. Варгас попытался перенести основное внимание в своей политике именно на те социальные силы и слои общества, которые выступали в качестве «движущих сил» социальных изменений⁶⁵. Бразилия официально была объявлена «новым государством»⁶⁶, а в 1940 году страна стала позиционироваться как «новый тип демократии – дисциплинированная демократия»⁶⁷. В российской историографии преобладает мнение, унаследованное от советской исследовательской традиции, о том, что «новое государство» было недемократическим режимом, который проводил политику, направленную на поддержание буржуазии при игнорировании интересов широких масс населения в условиях копирования политических норм, характерных для фашистской Италии⁶⁸. В бразильской историографии диапазон мнений о «новом государст-

⁶² BMTIC. – 1939. – No 64. – P. 209.

⁶³ Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946. – P. 341.

⁶⁴ Constitution des Etats Unis de Brésil. Promulgué le 10 novembre de 1937. – Genève, 1938.

⁶⁵ Wasburn Ph. Political Sociology in the United States / Ph. Wasburn // HR. – 1974. – Vol. XXVII. – No 4. – P. 332.

⁶⁶ О проекте «нового государства» и попытках его реализации см.: Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiencias do Estado Nôvo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977; Cancelli E. O mundo da violência: a polícia da Era Vargas / E. Cancelli. – São Paulo, 1992; Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241; Carone E. O Estado Novo, 1937 – 1945 / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977; Dutra E. O ardil totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997; Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999; Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999; Schwartzman S. Estado Novo um auto-retrato / S. Schwartzman. – Brasília, 1983.

⁶⁷ Одним из теоретиков этой доктрины был министр юстиции Франсиску Кампос, автор книги «Национальное государство» (1940). См.: Campos F. O Estado Nacional / F. Campos. – Rio de Janeiro, 1940.

⁶⁸ История Латинской Америки. 1918 – 1945. – С. 158 – 160.

ве» более широк, варьируясь от интерпретаций в категориях авторитарного режима до попыток анализа его как попыток институционализации идей мессианизма⁶⁹.

В Бразилии после 1937 года демократические политические институты, действительно, были демонтированы или ослаблены, а сами власти апеллировали к народу, видя в нем источник своей власти. Поэтому в Конституции 1937 года ее авторы ссылались на «законные устремления бразильского народа к политическому и социальному миру»⁷⁰. В целом «новое государство» отвечало тем идейным настроениям, которые господствовали в среде бразильских интеллектуалов, значительная часть которых опасалась, что возвращение к демократии чревато кризисом, ростом внутренней нестабильности⁷¹. С другой стороны, им импонировало то, что значительная часть экономических ресурсов была направлена в сферу модернизационных процессов. Модернизации подверглась не только экономическая, но и политическая сфера. Режим Варгаса поставил задачу консолидации общества, в которой он видел неотъемлемое условие успешной модернизации⁷². Именно с политикой Ж. Варгаса следует связывать значительное усиление национализма и националистических идей в политической жизни Бразилии, хотя роль самого Варгаса в этом стала очевидна уже в пост-варгасовский период⁷³. Поэтому, в 1990-е годы бразильскими интеллектуалами был признан факт значительного позитивного влияния «нового государства» на внутривнутриполитическое положение в стране, что проявилось в попытках побороть существовавшие социальные различия и консолидировать нацию⁷⁴.

Значительный модернизационный импульс закладывался в самой Конституции 1937 года. Например, Статья 144 Конституции предусматривала возможность более активного вмешательства государства в развитие экономики, декларируя необходимость «постепенной национализации шахт, рудников, водопадов, рудных запасов и других источников энергии, равно как и отраслей производства, являющихся

⁶⁹ Girardet R. *Mitos e Mitologias Políticas* / R. Girardet. – São Paulo, 1987. – P. 63.

⁷⁰ *International Conciliation: Documents for the Year 1939*. – Washington, 1939. – P. 30.

⁷¹ Carone E. *O Estado Novo (1937-1945)* / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977. – P. 212

⁷² См. в частности политические работы самого Жетулиу Варгаса: Vargas G. *A nova política do Brasil* / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1938 – 1945. – Vol. 1 – 10; Vargas G. *Correspondência* / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1943.

⁷³ См.: Burns E.B. *Nationalism in Brazil* / E.B. Burns. – NY., 1968; Guilherme O. *O nacionalismo e a política internacional do Brasil* / O. Guilherme. – São Paulo, 1957; Gabriel de Resende P. *Nacionalismo* / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959.

⁷⁴ Droulers M., Engel Gerhardt T., Biaggi E. de, *Dynamique du peuplement et du developpement* / M. Droulers, T. Engel Gerhardt, E. de Biaggi // CAL. – 1995. – No 20. – P. 86 – 87.

основой для развития экономики и обороны нации»⁷⁵. С другой стороны, использование тех же шахт, рудников и водопадов частными лицами теперь зависело исключительно от решения государства.

В такой ситуации и сам Варгас преподносил свой режим как модернизационный. В одном из выступлений, в 1937 году, он, в частности, акцентировал внимание на следующем: «если в политической области мы отмечаем существенный прогресс, то еще в большей степени мы можем говорить о прогрессе в социальной сфере. Привилегиями, предоставленными трудящимся, и гарантиями, которые мы предложили труду, мы завершили перестройку институтов, которые еще отражали недостатки прежнего режима, основанного на рабском труде и патриархальной экономике»⁷⁶. С другой стороны, режим позиционировался, как форма правления, которая отвечает интересам большинства бразильцев. Поэтому, Варгас нередко утверждал, что каждый гражданин ощущает свою причастность к тем изменениям, которые имели место: «каждый бразилец на своем рабочем месте, приложив максимум усилий, должен с честью выполнить свое задание, а, если можно, то и перевыполнить. Мы, как предусмотрительные муравьи, должны поддерживать житницы полными»⁷⁷. Именно такой порядок вещей и казался Варгасу наилучшей гарантией стабильности, о чем он говорил, например, в 1939 году, указывая на то, что в Бразилии «нет борьбы классов, а трудящиеся массы охвачены глубоко гуманным законодательством... основы социального мира, в котором живет Бразилия, тверды»⁷⁸.

Такая политика модернизации дала свои позитивные результаты, что выражалось в следующем: увеличился годовой прирост в экономике с 2.3 % (1929 – 1937 годы) до 2.9 % в 1937 – 1949 годах. К 1938 году по сравнению с 1929 годом выплавка чугуна в Бразилии увеличилась на 342 %, стали - 238 %, металлопроката – на 200 %, а цемента – на 253 %. К началу 1941 года стоимость продукции обрабатывающей промышленности в два раза превышала стоимость произведенного сырья. Если в 1920 году в Бразилии было зарегистрировано 13334 предприятий, то к 1940 году их численность составила 49418. Изменилось и соотношение импортных и бразильских товаров на внутреннем рынке, с 22 % в 1929 до 13 % в 1939 году⁷⁹.

⁷⁵ International Conciliation: Documents for the Year 1939. – Washington, 1939.

⁷⁶ Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio. – 1939. – No 37. – P. V.

⁷⁷ Vargas G. Brasil en Armas / G. Vargas. – Buenos Aires, 1944. – P. 70.

⁷⁸ El Mercurio. – 1939. – June 10.

⁷⁹ См. статистические данные: Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981. – С. 145 – 146.

Анализируя модернизационные процессы в Бразилии в период правления Ж. Варгаса необходимо помнить и о том, что они обладали значительной спецификой. Стремления к модернизации экономики и попытки разрешения социальных проблем и вопросов сочетались с ростом консервативных и националистических идей. Анализируя режим Варгаса, бразильская историография указывает на то, что политический маятник резко сместился вправо. В исследованиях бразильских историков констатируется особая популярность таких концептов как антикоммунизм⁸⁰, антииудаизм⁸¹, антипротестантизм, антилиберализм.

В Бразилии, действительно, стали популярны идеи португальского интеллектуала Аугусто Косты, изречения которого нередко цитировались на страницах официальных изданий: «политическое равенство – нелепость, порожденная мозгом Руссо, экономическое равенство – абсурд, созревший в сознании Маркса». Поэтому, популяризовалась другая точка зрения: «подлинное равенство людей заключается ни в чем ином, как в догмате католической церкви, являющемся достижением христианской цивилизации»⁸². Сам Варгас позиционировал себя как доброго католика и нередко апеллировал к опыту Церкви, «великой семьи христиан», противостоящей вызовам коммунизма⁸³. Это свидетельствует о том, что модернизация была модернизацией, проводимой сверху, у истоков которой стояли правоориентированные политики, пытавшиеся приспособить современные принципы с традиционными ценностями.

Именно сочетание модернизации с консервативными традициями, столь характерное для режима Ж. Варгаса, и стало причиной неудачи модернизации Бразилии в том варианте, в котором предлагал Варгас. К 1945 году, после пятнадцати лет правления, стало невозможным мирно сочетать правую традицию, носителем которой был сам Варгас, и левые идеи значительной части бразильского интеллектуального сообщества, которая, как и президент выступала за модернизацию страны, но предполагала, что модернизационные процессы должны протекать иначе. Поэтому, 29 октября 1945 года часть бразильского генералитета потребовала от Варгаса добровольного отказа от власти. Жетулиу Варгас был вынужден согласиться и передать

⁸⁰ Об антикоммунизме в Бразилии в период правления Ж. Варгаса см.: Silva C.L. *Onda vermelha: imaginários anticomunistas brasileiros (1931-1934)* / C.L. Silva. – Porto Alegre, 2001.

⁸¹ Tucci Carneiro M.L. *Sob a mascara do nacionalismo. Autoritarismo e anti-semitismo na Era Vargas (1930-1945)* / M.L. Tucci Carneiro // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

⁸² ВМТIC. – 1939. – No 62. – P. 99.

⁸³ Vargas G. *Palavras aos Brasileiros* / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1937. – P. 10.

власть военным, которые продекларировали необходимость решения вопроса о власти на демократических выборах. Варгас не столкнулся ни с репрессиями и препятствиями – он сам принял участие в выборах и был избран сенатором и депутатом Палаты депутатов.

В заключении настоящего раздела, подводя итоги, попытаемся выявить основные черты политики модернизации Ж. Варгаса, определить ее место в истории процесса модернизации в Бразилии. Первая особенность модернизационных процессов 1930-х – первой половины 1940-х годов состояла в том, что они протекали сверху, осуществляясь в рамках авторитарного политического режима. Второе, что следует упомянуть особо – модернизация была и особой формой развития национализма. Модернизируя экономические институты и отношения в Бразилии Варгас стремился сделать экономическую жизнь более бразильской, национальной. Поэтому, модернизационный вариант Варгаса – это, в первую очередь, экономический национализм.

В то же время, развиваясь в рамках недемократического авторитарного режима, модернизация сочеталась с тем, что режим конструировал для себя лояльность и идентичность бразильцев, в первую очередь – интеллектуалов. Вот почему, в истории Бразилии в период правления Варгаса мы наблюдаем две тенденции – модернизацию, с одной стороны, усиление официального национализма, конструирование лояльности режиму, ее искусственное стимулирование. Именно поэтому, Варгас считал возможным бороться, с одной стороны, со значительным влиянием американского капитала, пытался проводить национализацию, развивал трудовое законодательство, а, с другой, поощрялась Католическая Церковь, развивался бразильский национализм, тщательно культивировались традиционные ценности.

Поэтому, такая своеобразная дихотомия «модернизация – авторитарный режим» оказалась жизнеспособной в крайне ограниченной хронологической перспективе. К середине 1940-х годов и бразильским интеллектуалам и бразильской буржуазии стало тесно в рамках создаваемого Варгасом «нового государства». Вероятно, режим к тому времени уже выполнил свою задачу, ослабив традиционные институты, заложив мощный модернизационный импульс. Режим перестал соответствовать интересам интеллектуалов, недовольных цензурными ограничениями и насаждением исключительно правых настроений. Левый дискурс в интеллектуальной жизни Бразилии и Латинской Америки в целом, действительно, оказался очень мощным. Кроме этого режим личной власти Варгаса был осознан и буржуазией уже не как стимул, а как препятствие на пути к экономическому росту.

Тем не менее, основной вывод может быть сформулирован следующим образом: несмотря на наличие явных авторитарных элементов, на проведение репрессий против коммунистических и других левых сил, свертывание демократических институтов – режим Жетулиу Варгаса не был фашистским, как его были склонны оценивать советские историки. С другой стороны, он не был и уникальным явлением в бразильской истории, что пытаются доказать правоориентированные бразильские интеллектуалы. Несмотря на наличие бразильской специфики, режим Варгаса немало заимствовал у других недемократических режимов Европы. Режим Варгаса, «новое государство» были правыми модернизационными проектами, которые нуждаются в дальнейшем изучении на ряду, как с либерально-демократической, так и левой авторитарной моделями модернизации. С другой стороны, именно Варгас своими усилиями создал мощный модернизационный импульс. О бразильской модернизации после Варгаса и альтернативах ей речь пойдет в дальнейших разделах настоящей монографии.

Проблемы политической культуры и интеллектуальное сообщество в Бразилии: правая альтернатива модернизации в 1930-е гг.

В настоящем разделе автор попытается затронуть такие проблемы как «консервативная революция в Бразилии», «интеллектуальные и литературные дискурсы правой политической традиции в Бразилии 1920 – 1930-годов», «бразильские и европейские правые» не столько в контексте политической истории, сколько в рамках бразильской интеллектуальной истории⁸⁴. Вероятно, тот методологический и историографический инструментарий, который автор использовал в этой части исследования может показаться относительно бразильской истории искусственным, хотя периодически среди бразильских интеллектуалов идут дискуссии о путях изучения национальной истории и интеграции бразильского исследовательского дискурса в западный научный контекст в целом⁸⁵.

В исследовательской литературе в отношении самого понятия «консервативная революция» нет единого мнения⁸⁶. С другой стороны, исследовательское сообщество далеко от единства в определении тех стран, которые были затронуты феноменом консервативной революции. Автором термина «консервативная революция» принято считать немецкого историка середины XX века А. Молера, который одну из своих работ так и назвал «Консервативная революция в Германии. 1918 – 1932»⁸⁷. Но точка зрения А. Молера, полагавшего, что понятие «консервативная революция» объединяет политические идеи отличные от традиционного монархического консерватизма и крайнего национал-социализма, в отношении самого названия этого явления нашла много оппонентов. Один из критиков А. Молера, который в названии своей программной работы не смог избежать обращения к кри-

⁸⁴ Об «интеллектуальной истории» как направлении исторических исследований в Бразилии см.: Murilo de Carvalho J. Intellectual History in Brazil: Rhetoric as a Key to Reading / J. Murilo de Carvalho // PRHI. – 1998. – No 2. – P. 149 – 168. См. так же: Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctrinaires à história social das idéias / M.A. Lopes // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127.

⁸⁵ Об интеллектуальных дебатах в интеллектуальном и политическом сообществе в Бразилии см.: Silva Gouvêa M.F. A História política no campo da história cultural / M.F. Silva Gouvêa // RHR. – 1998. – Vol. 3. – No 1; Moscateli R. Um Redescobrimto Historiográfico do Brasil / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1.

⁸⁶ Обзор основных концепций консервативной революции см.: Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации / С.Г. Алленов // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 94 – 107.

⁸⁷ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932 / A. Mohler. – Darmstadt, 1972.

тикуемому им термину, высказал предположение о большей корректности понятия «новый национализм»⁸⁸. Иная точка зрения высказана Р. фон дер Бусше, указавшим на возможность определения событий в политической жизни межвоенного Запада в рамках концепта «нового утопизма»⁸⁹.

В целом, в исследовательской литературе (по инерции продолжающей использовать термин, введенный А. Молером, но сомневающейся в его адекватности⁹⁰) с «консервативной революцией» относительно четко соотносится несколько явлений, а именно – рост политического влияния интеллектуалов, которые выступали за отказ от некоторых культурных и политических ценностей западной культуры; создание сильного и независимого государства на основе исконно национальных ценностей того или иного региона; резкая антипатия в отношении либеральных и демократических ценностей, партий и политиков⁹¹. Значение политиков, которые были носителями таких идей, трудно определить, но, вероятно, правые консерваторы внесли свой, и немалый, вклад в ослабление либеральных и демократических институтов⁹², расшатывание основ либеральной демократии. В такой ситуации и на правых лежит часть ответственности за падение демократических режимов и их замену авторитарными или тоталитарными режимами.

В рамках консервативной революции в Европе, хронологически совпавшей с утверждением в рамках бразильской культуры новых тенденций, в первую очередь – модернизма⁹³, имело место усиление деятелей, интеллектуалов и политиков, правого толка, которые ставили под сомнение демократические ценности. Параллельно усиление правых националистических тенденций, которые варьировались между традиционным политическим и религиозным консерватизмом и фашизмом имело место и в других государствах Латинской Амери-

⁸⁸ Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt, 1995.

⁸⁹ Bussche R. von den, Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen / R. von den Bussche. – Heidelberg, 1998.

⁹⁰ Weißmann K. Konservative Revolution – Forschungsstand und Unpolitischen / K. Weißmann // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus / hrsg. C. von Schrenck-Notzing. – Berlin, 2000. – S. 119 – 139; Schildt A. Konservatismus in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart / A. Schildt. – München, 1998.

⁹¹ Байссвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения / М. Байссвенгер // Консерватизм в России и мире / ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж, 2004. – Т. 3. – С. 49 – 73.

⁹² Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918. und 1933. / K. Sontheimer. – München, 1994.

⁹³ Moraes E.J. de, A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica / E.J. de Moraes. – Rio de Janeiro, 1978.

ки⁹⁴. В Бразилии в период между двумя мировыми войнами мы можем констатировать существование двух этих тенденций. С одной стороны, в политической жизни страны правые интеллектуалы⁹⁵ стали играть более заметную роль, а, с другой, движения нового типа, которые отличались от традиционного консерватизма и от европейского континентального фашизма и национал-социализма, так же стали заметным явлением в политической жизни. Из лидеров правых бразильских интеллектуалов упомянем Оливейру Виану (Francisco José de Oliveira Viana)⁹⁶, а политиков – Плинию Солгаду. Оливейра Виана (1883 – 1951) известен как историк и социолог, исследователь различных проблем бразильской истории, политики, социальной жизни и культуры⁹⁷. Плинию Солгаду (1895 – 1975) вошел в историю Бразилии как один из крупнейших правых политиков, который ставил под сомнение современные ценности, предлагая радикальный отказ от буржуазной политической культуры в пользу культуры нового типа, которая сочетала бы сильное государство и патерналистскую власть лидера в отношении граждан.

Первая проблема, которая будет в центре настоящего параграфа, хронологические рамки консервативной революции в Бразилии. Для их определения нам следует обратиться к истокам консервативной ре-

⁹⁴ Spektorowski A. Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera / A. Spektorowski // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 1.

⁹⁵ О правой политической традиции в Бразилии см.: Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Madeiros J. Introdução ao estado do pensamento político autoritário brasileiro, 1914 – 1945. Oliveira Viana / J. Madeiros // RCP. – 1974. – Vol. 17. – No 2. – P. 31 – 87; Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99; Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Torres V. Oliveira Viana. Sua vida e sua posição nos estudos brasileiros de sociologia / V. Torres. – Rio de Janeiro, 1956; Vieira E.A. Oliveira Viana e Estado corporativo / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.

⁹⁶ Alves Filho A. Fundamentos metodológicos e ideológicos do pensamento político de Oliveira Viana. Tese de mestrado / A. Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1977; Lima M.R., Cerqueira E.D. O modelo político de Oliveira Viana / M.R. Lima, E.D. Cerqueira // RBEP. – 1971. – No 30. – P. 85 – 109; Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Vieira E.A. Oliveira Viana e o Estado corporativo (um estudo sobre corporativismo e autoritarismo) / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976; Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.

⁹⁷ Oliveira Viana F.J. de, Populações meridionais do Brasil / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1920; Oliveira Viana F.J. de, O idealismo na evolução política do Império e da República / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1922; Oliveira Viana F.J. de, A evolução do povo brasileiro / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1923; Oliveira Viana F.J. de, Problemas de política objetiva / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1930; Oliveira Viana F.J. de, Raça e assimilação / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932; Oliveira Viana F.J. de, Formação étnica do Brasil colonial / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932; Oliveira Viana F.J. de, Instituições políticas brasileiras / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1949.

волюции в Европе. В западной исторической литературе доминирует точка зрения, согласно которой консервативная революция стала результатом поражения Германской и Австро-Венгерской Империй, что привело, с одной стороны, к разрушению старых политических институтов, и, с другой, вызвало острый идентичностный кризис, связанный с тем, что интеллектуалы и политики, ранее доминировавшие, подверглись значительной маргинализации. В такой ситуации в Германии и Австрии усиливаются правые консервативные группировки и интеллектуалы, которые воспользовались ослаблением старого традиционного консерватизма.

Для Бразилии была характерна совершенно иная ситуация. Первая мировая война не затронула Бразилию в степени сравнимой с ее воздействием на немецкоязычную часть континентальной Европы. С другой стороны, в 1889 году Бразилия испытала серьезные политические потрясения, которые мы можем сравнить с политическими результатами первой мировой войны для Германской и Австро-Венгерской Империй. Речь идет о свержении в Бразилии Империи и установлении республики. Иными словами, если в Германии и Австрии волна недовольства изменениями, вызванными свержением империи, захлестнула местных интеллектуалов в 1920-е годы, то подобные тенденции в политической жизни Бразилии стали очевидны в 1880-е годы.

Свержение Империи привело к немалым изменениям в интеллектуальной жизни Бразилии. В 1890-е годы бразильские интеллектуалы дискутировали над проблемами бразильской идентичности в контексте тех изменений, которые произошли в Бразилии и были вызваны отменой рабства⁹⁸. В такой ситуации бразильское интеллектуальное сообщество, поставленное перед вызовами республики, в виду того, что далеко не все интеллектуалы приветствовали ее провозглашение, было призвано выработать каноны новой политической идентичности, с одной стороны, и популяризации республиканской лояльности, с другой. В течение тридцати лет бразильские интеллектуалы размышляли над исторической судьбой и предназначением Бразилии. Но стимул, который сделал дискуссию более динамичной, пришел из Европы.

⁹⁸ См.: Borges D. Puffy, ugly, slothful and inert: degeneration in Brazilian social thought, 1880-1940 // JLAS. – 1993. – Vol. XXV. – No 2. – P. 235 – 256; Stepan N. The Hour of Eugenics: Race, Gender and Nation in Latin America / N. Stepan. – Ithaca, 1991; Mattoso K. To Be A Slave in Brazil, 1550-1888 / K. Mattoso. – New Brunswick, 1986; Reis J.J. Slave Rebellion in Brazil: The Muslim Uprising of 1835 in Bahia / J.J. Reis. – Baltimore, 1993; Triner G. Race, With or Without Color? Reconciling Brazilian Historiography / G. Triner // EIAL. – 1999. – Vol. 10. – No 1.

В начале 1920-х годов, под явным впечатлением, от европейской, как тогда писали, «великой войны», бразильские интеллектуалы, подобно многим европейцам, в политическом и мировоззренческом плане сместились резко вправо⁹⁹. В период между двумя войнами ряд государств Латинской Америки испытал мощное влияние интегрального национализма¹⁰⁰, под которым в историографии понимается, как правило, «теория и идеология, альтернативная, с одной стороны, классическому либерализму, и марксистскому социализму, с другой»¹⁰¹. В 1920 году Оливейра Виана, о котором мы говорили выше, опубликовал книгу «Южное население в Бразилии»¹⁰², где предложил новое прочтение расовых проблем и отношений в стране¹⁰³. Виана писал свою книгу в условиях активизации черного населения¹⁰⁴, с одной стороны, и тем, что бразильские современники определили как «branqueamento» или «arianização», а американские историки называют трудно переводимым словом «Aryanizing» – массовым притоком белых европейских эмигрантов.

Если консервативная революция в континентальной Европе оказалась крайне непродолжительной и многие ее идеологи пострадали от правых режимов, например от немецкого национал-социализма, то в Бразилии сложилась иная ситуация. Многие правые консервативно ориентированные интеллектуалы смогли успешно интегрироваться в режим «нового государства» Варгаса – например, Оливейра Виана

⁹⁹ См.: Cleary D. Race, nationalism and social theory in Brazil: rethinking Gilberto Freyre. Paper of David Rockefeller Center for Latin American Studies Harvard University, Harvard University, 1999.

¹⁰⁰ О национализме в Латинской Америке в период между двумя мировыми войнами см.: Buchrucker Ch. Nacionalismo y peronsmo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955) / Ch. Buchrucker. – Buenos Aires, 1987; Alvarez Z. El nacionalismo argentino / Z. Alvarez. – Buenos Aires, 1975; Gerassi M.N. Los nacionalistas / M.N. Gerassi. – Buenos Aires, 1968; Senkman L. Nacionalismo e Inmigración: La Cuestión Etnica en las Elites Liberales e Intelectuales Argentinas: 1919-1940 / L. Senkman // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1. Латино-американская «националистическая» проблематика представлена и в исследованиях классика изучения национализма британского политолога и историка Энтони Д. Смита. См.: Smith A.D. Nacionalismo e indigenismo: la búsqueda de un pasado auténtico / A.D. Smith // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 2.

¹⁰¹ Spektorowski A. Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera / A. Spektorowski // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 1.

¹⁰² Oliveira Viana F.J. de, Populações meridionais do Brasil / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1920.

¹⁰³ Об особенностях расовой ситуации в Бразилии см.: Karasch M. Slave Life in Rio de Janeiro, 1808-1850 / M. Karasch. – Princeton, 1988; Wade P. Race and Ethnicity in Latin America / P. Wade. – L., 1997; Marx A. Making Race and Nation: A Comparison of the United States, South Africa and Brazil / A. Marx. – Cambridge, 1998; Skidmore T. Black into White: Race and Nationality in Brazilian Thought / T. Skidmore. – Durham, 1993.

¹⁰⁴ Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156.

стал министром образования¹⁰⁵, а некоторые его идеи нашли свое применение, будучи интегрированными в официальный исследовательский дискурс¹⁰⁶. Идеологическая и пропагандистская составляющая политики «нового государства» была невозможна без участия местных интеллектуалов¹⁰⁷. С другой стороны сам Варгас использовал идеи правых интеллектуалов. В одном из выступлений он, в частности, утверждал: «социальный порядок, мир, труд, терпение ведут нас к тому, что творческие способности народа начинают интенсивно развиваться. Жизнь народа стала лучше и стабильнее... литература, культура, искусства получили новые импульсы интеллектуального и эстетического развития»¹⁰⁸. Союз власти и правых авторов сделал возможным и то, что консервативная революция в Бразилии продолжалась несколько дольше чем в континентальной Европе.

Поэтому, работы, которые идейно близки к печатной продукции европейских «консервативных революционеров», в Бразилии выходили и в 1940-е годы, хотя расцвет правой идеи в бразильской политике, период ее наибольшего влияния пришелся на 1930-е годы. В 1942 Кассиану Риккарду опубликовал книгу «Натиск на Запад»¹⁰⁹, которая базируется на своеобразной дихотомии – Бразилия отличается уникальной расовой ситуацией и многим в своей истории обязана «португальскому гению». С другой стороны, бразильские правоориентированные интеллектуалы в ряде случаев добровольно шли на сотрудничество с режимом Варгаса потому, что полагали, что добровольное соединение культуры с политикой может позитивно сказаться не только на культуре, но и на политике.

В Бразилии периода правления Варгаса имел место своеобразный «призыв интеллектуалов в политику»¹¹⁰. Бразильские интеллектуалы охотно откликнулись на это призыв потому, что власть от них требовала только того, к чему они сами стремились – развивать националь-

¹⁰⁵ Vieira E.A. Oliveira Viana e o Estado corporativo: um estudo sobre corporativismo e autoritarismo / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.

¹⁰⁶ О месте идей Оливейры Вианы в Бразилии в период правления Ж. Варгаса см.: Allain Teixeira J.P. Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectives / J.P. Allain Teixeira // BRIL. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118.

¹⁰⁷ См.: Capelato M.H. Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva / M.H. Capelato // RBH. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32; Guimarães S.G. Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S.G. Guimarães. – São Paulo, 1984.

¹⁰⁸ Vargas G. A democracia brasileira diante da América e do mundo / G. Vargas // CP. – 1941. – No 6; Vargas G. Discurso em Cuiabá / G. Vargas // CP. – 1941. – No 7.

¹⁰⁹ Ricardo C. Marcha Para Oeste: A Influência da Bandeira na Formação Social e Política do Brasil / C. Ricardo. – Rio de Janeiro, 1942.

¹¹⁰ Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. Intelectuais: sociedade e política / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003. – P. 86.

ную бразильскую культуру. Например, в 1941 году Алмир дэ Андрадэ писал, что «между политикой и культурой существует устойчивое единство, культура способствует тому, что политика вступает в отношения с жизнью и чаяниями народа. Политика, в свою очередь, способствует организации культуры, проявлению своего социально полезного содержания»¹¹¹. Близость интеллектуалов в политической элите создавала благоприятные условия для развития ее некоторых направлений. Кроме этого, некоторые представители интеллектуального сообщества склонялись к тому, что включение культуры в политическую сферу может привести к тому, что политика станет более национальной, а политики будут проявлять больший интерес к самой народной культуре и чаяниям масс.

Между процессами усиления европейских и бразильских правых между двумя мировыми войнами, несмотря на значительное количество локальных особенностей, существует одна весьма существенная особенность. И в Европе и в Бразилии рост популярности правых идеологий, значительная востребованность национализма и консерватизма как массами, так и интеллектуалами, стал ответной реакцией интеллектуального сообщества на левые вызовы. Словно отвечая на левый вызов, политический режим Варгаса стремился позиционировать «новое государство», как строй, который максимально отвечает интересам не только правящей элиты, но и широких слоев населения. Поэтому, в официальном идеологическом дискурсе, например в работах Н. Палмейру¹¹², *Estado Novo* позиционировалось как государство, которое в одинаковой степени защищает интересы и рабочих и всех других слоев населения.

В целом, в рамках бразильской консервативной волны, которая захлестнула страну в период правления Ж. Варгаса, мы можем констатировать определенное сближение между правыми, консервативно настроенными, интеллектуалами и режимом¹¹³. Для определенной части бразильского интеллектуального сообщества, которое на дан-

¹¹¹ Andrade A. A bandeira, a democracia e o Estado nacional / A. Andrade // CP. – 1941. – No 32.

¹¹² Palmeiro N. Getúlio Vargas, estadista / N. Palmeiro // CP. – 1941. – No 6.

¹¹³ Подобный феномен был характерен не только для Бразилии, но и для других стран Южной Америки. См.: Fiorucci F. *Neither Warriors Nor Prophets: Peronist and Anti-Peronist Intellectuals, 1945-1956. PhD Thesis* / F. Fiorucci. – London, Institute of Latin American Studies, 2002; Fiorucci F. *¿Aliados o enemigos? Los intelectuales en los gobiernos de Vargas y Perón* / F. Fiorucci // EIAL. – 2004. – Vol. 15. – No 2; Capelato M.H. *Os intelectuais e o Poder No Varguismo e Peronismo* / M.H. Capelato // HQD. – 1999. – No 13. – 5 – 39; Ciria V.A. *Política y cultura popular: la Argentina peronista, 1946-1955* / V.A. Ciria. – Buenos Aires, 1983.

ном этапе пережило процесс активной политизации¹¹⁴, режим, установленный Ж. Варгасом, казался своим, и они в качестве такового его и позиционировали. Современные бразильские правые интеллектуалы, связанные в частности с «Fundação Getúlio Vargas», в принципе не отрицают того, что между гуманитариями, например, историками и официальными структурами существовали в целом нормальные отношения¹¹⁵, а «новое государство», курс на строительство которого взял Варгас, нуждалось в моральном и историческом обосновании, которое были призваны обеспечить интеллектуалы.

Поэтому, режим не применял в их отношении репрессивной политики – поэтому, они культивировали и предлагали бразильскому обществу особый вариант лояльности режиму, который был скорее авторитарным, чем демократическим¹¹⁶. Тот вариант постепенной политики модернизации страны без радикальной ломки существовавших политических, культурных и социальных институтов показался бразильским интеллектуалам наиболее оптимальным. С другой стороны, сама политика Варгаса, импонировала бразильским интеллектуалам, в первую очередь – гуманитариям¹¹⁷. В 1934 году в Сан-Пауло был основан университет, а в стране было открыто несколько новых музеев, что способствовало развитию бразильской национальной идентичности.

В целом, значительная часть интеллектуального сообщества в Бразилии в период правления Варгаса на страницах, например «Cultura Política»¹¹⁸ приветствовала политику, направленную на консолидацию общества, стабилизацию и модернизацию государства¹¹⁹. В частности, в 1941 году Нелсон Вернекк Содре приветствовал решительность Варгаса, с которой тот пытался проводить свою политику.

¹¹⁴ О политической роли интеллектуалов см.: *Intellectuals in Politics: From the Dreyfus Affair to the Rushdie Affair* / eds. J. Jennings, A. Kemp-Welch. – L.-NY., 1997.

¹¹⁵ Gomes A. de C. *História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo* / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996. «Fundação Getúlio Vargas» выступил в качестве издателя книги.

¹¹⁶ О политической и собственно интеллектуальной истории бразильских интеллектуалов в Бразилии между двумя мировыми войнами см.: *Miceli S. Intelectuais à Brasileira* / S. Miceli. – São Paulo, 2001; Pécaut D. *Os intelectuais e a política no Brasil. Entre o povo e a nação* / D. Pécaut. – São Paulo, 1990.

¹¹⁷ Pimenta Velloso M. *Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo* / M. Pimenta Velloso // *O Brasil Republicano*. – Rio de Janeiro, 2003.

¹¹⁸ Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. *Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945)* / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // *Iniciação Científica Newton Paiva 2003-2004* / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133.

¹¹⁹ *Cultura Política*. – 1941. – Agosto.

ку¹²⁰, а в 1943 году Вольфганг Хоффманн Харниш писал, что политика Варгаса позитивна уже потому, что провозглашенное им «новое государство» способствует превращению Бразилии в национальное государство¹²¹. С другой стороны, В.Х. Харниш особо подчеркивал, что политика Варгаса, который им позиционировался как выразитель чаяний и надежд бразильцев¹²², направлена на реформирование всего государства в целом. В то время, как европейские правые интеллектуалы и правые в некоторых странах Латинской Америки¹²³, с которыми ассоциируется консервативная революция, были слабы и не смогли консолидироваться вокруг одного политического движения, уступив свое место национал-социализму и близким течениям, то бразильские правые смогли создать движение, которое было и националистическим, и консервативным, использовало социалистическую риторику, но не вылилось в национал-социализм в его германском варианте. Речь идет об уже упомянутом Плиниу Солгаду¹²⁴.

Если германский национал-социализм, появление которого, по мнению ряда исследователей, было невозможно без консервативной революции, отвергал многие фундаментальные идеи европейского консерватизма, из которого и выросла консервативная революция, то бразильские правые в отстаивании подобных ценностей и идеалов были более последовательны. В данном случае наиболее очевиден различный подход к христианским ценностям. Если германские национал-социалисты многие ценности католицизма и протестантизма отвергли, пытаясь заменить их набором ритуалов, которые ими позиционировались как древнее германское язычество, то для движения Плиниу Солгаду, как и для других подобных течений в регионе¹²⁵, было характерно куда более трепетное отношение к католичеству. С другой стороны, если германский национал-социализм усиленно форсировал милитаризацию германской промышленности и ее рост, то

¹²⁰ Sodré N.W. O problema da unidade nacional / N.W. Sodré // CP. – 1941. – No 6; Sodré N.W. Novos aspectos da circulação social no Brasil / N.W. Sodré // CP. – 1942. – No 20; Sodré N.W. Primeiros documentos literários no Brasil / N.W. Sodré // CP. – 1942. – No 17; Sodré N.W. Sentimento da nacionalidade na literatura brasileira / N.W. Sodré // CP. – 1943. – No 25; Sodré N.W. Influência da terra na literatura brasileira / N.W. Sodré // CP. – 1943. – No 22.

¹²¹ Harnisch W.H. Getúlio Vargas e o Brasil / W.H. Harnisch // CP. – 1943. – Maio.

¹²² Cultura Política. – 1943. – Janeiro.

¹²³ Young G.F. Jorge González von Marées: Chief of Chilean Nacism / G.F. Young // JGSWGL. – 1974. – Bd. 11. – S. 309 – 333; Sznajder M. El Movimiento Nacional Socialista: Nacismo a la chilena / M. Sznajder // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

¹²⁴ Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987.

¹²⁵ Nascimbene M.C., Neuman Conicet M.I. El nacionalismo católico, el fascismo y la inmigración en la Argentina (1927-1943): una aproximación teórica / M.C. Nascimbene, M.I. Neuman Conicet // EIAL. – 1993. – Vol. 4. – No 1.

Плиниу Солгаду выступал не только за развитие Бразилии на корпоративистских началах¹²⁶, но и стремился использовать значительный мобилизационный потенциал таких факторов как гендер и раса¹²⁷.

Анализируя проблемы «консервативной революции» в Бразилии между двумя мировыми войнами следует принимать во внимание и немецкий фактор¹²⁸, который значительно усилился в политической жизни страны 1930-х годов¹²⁹. Параллельно тенденции к активизации немцев наблюдались не только в Бразилии, но так же в Чили¹³⁰ в Аргентине¹³¹. В исследовательской литературе уже неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой в Бразилии, стране со значительным немецким сообществом, компактно сосредоточенным на территории четырех штатов (Сан-Паулу, Парана, Эспириту Санту, Рио Гранди ду Сул), в межвоенный период произошла не только активизация местных немцев, особенно консервативно ориентированных интеллектуалов немецкого происхождения¹³², но и имела места дискуссия среди местных бразильских интеллектуалов, которых условно можно разделить на две группировки – на германофилов

¹²⁶ См. подробнее: Salgado P. O que é integralismo / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1933; Salgado P. A voz de oeste / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. O sofrimento Universal / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. Despertemos a nação / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1935; Salgado P. A doutrina do sigma / P. Salgado. – São Paulo, 1935; Salgado P. A quarta humanidade / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1936; Salgado P. O cavaleiro de Itararé / P. Salgado. – São Paulo, 1948; Salgado P. O integralismo Penante a Nação / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1950; Salgado P. Obras Completas / P. Salgado. – São Paulo, 1955; Salgado P. Trepande / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1972; Salgado P. O esperado / P. Salgado. – São Paulo, 1981; Salgado P. O dono do mundo / P. Salgado. – São Paulo, 1999.

¹²⁷ Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um partido de massa no Brasil (1932 - 1937) / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999; Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RIC FFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2. – P. 62 – 77.

¹²⁸ См.: Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке / Ю.М. Григорьян. – М., 1974.

¹²⁹ Gertz R.E. Influencia política alemã no Brasil na década de 1930 / R.E. Gertz // EIAL. – 1996. – Vol. 7. – No 1; Gertz R.E. Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30 / R.E. Gertz // Relações internacionais dos países americanos / eds. A.L. Cerro, W. Doepcke. – Brasília, 1994.

¹³⁰ Potashnik M. Nacismo. National Socialism in Chile 1932-1938 / M. Potashnik. – LA., 1974; Ojeda Ebert G.J. El Movimiento Nacional Socialista Chileno. Presentación de fuentes diplomáticas inéditas / G.J. Ojeda Ebert // Estudios Latinoamericanos, 1982 – 1984. – Wrocław, 1985. – P. 249 – 265; Young G. Jorge González von Marées: Chief of Chilean Nacism / G. Young // JGSWGL. – 1974. – Bd. XI. – S. 309 – 333; Allende González R. El Jefe. La vida de Jorge González von Marées / R. Allende González. – Santiago de Chile, 1990.

¹³¹ Ebel A. Das Dritte Reich und Argentinien. Die diplomatischen Beziehungen unter besonderer Berücksichtigung der Handelspolitik (1933-1939) / A. Ebel. – Köln – Wien, 1971; Nationalsozialismus und Argentinien / hsgb. Holger M. Meding. – FaM., 1995.

¹³² Gertz R.E. O fascismo no sul do Brasil / R.E. Gertz. – Porto Alegre, 1987.

(germanófilos) и нацифилов (filonazistas)¹³³. В период правления Ж. Варгаса и особенно на этапе активного строительства «нового государства», имели место попытки не только культивировать лояльность среди немецкого населения в отношении правящего режима, но и, в значительной степени, и интегрировать его, в условиях роста популярности среди немцев, живших компактно на юге страны нацистских настроений¹³⁴, в бразильское государство¹³⁵.

Но немецкий фактор, проявлявшийся в межвоенный период в разных формах в Южной Америке в целом¹³⁶, не был единственным, который способствовал росту популярности консервативных идей в Бразилии¹³⁷. Наряду с немецким сообществом на территории Бразилии проживало немало выходцев и из Италии¹³⁸, где пришел к власти первый в истории режим, признанный фашистским, который проявлял немалую заинтересованность не только в положении итальянцев в мире, но и в продвижении фашистской политической доктрины за пределами Италии¹³⁹. Как в Бразилии, так и в Италии действовал ряд совместных бразильско-итальянских научно-культурных центров (например, «Amigos da Itália», «Centro Cultural Ítalo-Mineiro», «Centro Cultural Ítalo-Riograndense», «Associazione Brasiliana di Studi Italiani», «Institutos Ítalo-brasileiros de Alta Cultura»), активность которых вела к росту популярности консервативных настроений среди бразильских интеллектуалов.

¹³³ Harms-Baltzer K. Die Nationalisierung der deutschen Einwanderer and ihrer Nachkommen in Brasilien als Problem der deutsch-brasilianischen Beziehungen 1930-1938 / K. Harms-Baltzer. – Berlin, 1970.

¹³⁴ Bartelt D. “Fünfte Kolonne” ohne Plan. Die Auslandsorganisation der NSDAP in Brasilien, 1931-1939 / D. Bartelt // IAA. – 1993. – Bd. 19. – No 1 – 2. – S. 3 – 35.

¹³⁵ Konrad G. Vieira Ramos: A política cultural do Estado Novo no Rio Grande do Sul. Dissertação de mestrado / G. Konrad. – Porto Alegre, Pontifícia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 1994.

¹³⁶ Gaudig O., Veit P. El Partido Alemán Nacionalista en Argentina, Brasil y Chile frente a las comunidades alemanas: 1933-1939 / O. Gaudig, P. Veit // EIAL. – 1995. – Vol. 6. – No 2; McGee Deutsch S. Las Derechas. The Extreme Right in Argentina, Brazil and Chile / S. McGee Deutsch. – Stanford, 1999. McGee Deutsch S. Counterrevolution in Argentina, 1900-1932: The Argentine Patriotic League / S. McGee Deutsch – Lincoln, 1986.

¹³⁷ О сочетании бразильских и немецких правых трендов в Бразилии между двумя мировыми войнами см.: Gertz R. Os teuto-brasileiros e integralismo / R. Gertz. – Porto Alegre, 1989; Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plínio Salgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentes / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105.

¹³⁸ Bethlem H. O vale do Itajaí: jornadas de civismo / H. Bethlem. – Rio de Janeiro, 1939; Nogueira R.A. Nacionalização do vale do Itajaí / R.A. Nogueira. – Rio de Janeiro, 1947; Borges S.M. Italianos: Porto Alegre e o trabalho / S.M. Borges. – Porto Alegre, 1993.

¹³⁹ Bertonha J.F. Divulgando o duce o fascismo em terra Brasileira: a propaganda Italiana no Brasil, 1922 – 1943 / J.F. Bertonha // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 2.

Итальянские интеллектуалы в Бразилии стали авторами ряда книг¹⁴⁰, которые могут быть отнесены к правому консервативному дискурсу в бразильской интеллектуальной истории между двумя мировыми войнами. С другой стороны, на территории Бразилии, в районах компактного проживания итальянцев, существовали отделения фашистской партии, которые косвенно влияли на усиление правых настроений¹⁴¹. В такой ситуации бразильские власти пытались маневрировать между двумя крупнейшими авторитарными режимами нового типа в Европе, подчеркивая свою заинтересованность в достижениях и успехах как германского национал-социализма, так и итальянского фашизма¹⁴². С другой стороны, не только национал-социалистическое государство активно вело внешнюю политику, направленную на укрепление немецких позиций в Латинской Америке¹⁴³, но и отдельные немецкие авторы, например правые интеллектуалы из *Deutsche Ausland-Institut*¹⁴⁴, вызывая раздражение и местных левоориентированных латиноамериканских авторов¹⁴⁵, между двумя мировыми войнами проявляли немалый интерес к бразильской проблематике, наблюдая за успехами местных бразильских и немецких правых (особенно – за движением интегралистов¹⁴⁶), и акцентируя

¹⁴⁰ Calmon P. *Storia della civiltà brasiliana* / P. Calmon. – Rio de Janeiro, 1939; De Carvalho R. *Piccola storia della Letteratura brasiliana* / R. De Carvalho. – Firenze, 1936.

¹⁴¹ Bertonha J.F. *O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943* / J.F. Bertonha // RBPI. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130; Bertonha J.F. *Sob o Signo do Fascio – O fascismo, os imigrantes italianos e o Brasil, 1919-1945*. Tese (Doutorado em História Social) / J.F. Bertonha. – Campinas, Universidade de Campinas, 1998; Bertonha J.F. *A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943* / J.F. Bertonha // CI. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164; Bertonha J.F. *Uma política externa não estatal? Os fasci all'estero e a política externa do Partito Nazionale Fascista, 1919-1943* / J.F. Bertonha // Anos 90. – 1999. – No 10. – P. 40 – 58.

¹⁴² Trento A. *Relações entre fascismo e integralismo: o ponto-de-vista do Ministério de Negócios Estrangeiros Italiano* / A. Trento // CC. – 1982. – Vol. 34. – No 12; Trento A. *Fascismo Italiano* / A. Trento. – São Paulo, 1986.

¹⁴³ *Der deutsche Faschismus in Lateinamerika 1933-1943* / hrsg. H. Sanke. – Berlin 1966; Kossok M. *Lateinamerika zwischen Emanzipation und Imperialismus. 1810-1960* / M. Kossok. – Berlin 1961; Frye A. *Nazi Germany and the American Hemisphere 1933-1941* / A. Frye. – New Haven, 1967; Pommerin R. *Das Dritte Reich und Lateinamerika. Die deutsche Politik gegenüber Süd- und Mittelamerika 1939-1942* / R. Pommerin. – Düsseldorf, 1977.

¹⁴⁴ См.: Ritter E. *Das Deutsche Ausland-Institut in Stuttgart 1917-1945* / E. Ritter. – Wiesbaden, 1976.

¹⁴⁵ Giudici E. *Hitler conquista América* / E. Giudici. – Buenos Aires, 1938; Tejera A. *Penetración nazi en América Latina* / A. Tejera. – Montevideo, 1938.

¹⁴⁶ Aldinger B. *Der Integralismus in Brasilien and die Deutschbürtigen* / B. Aldinger // *Eiserne Blätter*. 1935. – Bd. XVII. – No 50. – S. 562 – 566; Kahle M. *Die integralistische Bewegung in Brasilien* / M. Kahle // *Deutsche Arbeit*. – 1935. – Bd. 35. – No 33. – S. 125 – 129; Kahle M. *Der brasilianische Integralismus* / M. Kahle // *Weltpost*. – 1935. – Bd. II. – No 42; Kahle M.

внимание на той роли, которую в усилении консервативных тенденций сыграли бразильские немцы¹⁴⁷.

Феномен консервативной революции, временного усиления бразильских интеллектуалов правой ориентации, столь активно использовавших консервативную, антилевую и антикоммунистическую риторику был крайне сложным явлением, которое растянулось в бразильской истории на несколько десятилетий. Мы не можем категорически утверждать, что события, последовавшие после свержения Империи и связанные с ранней республиканской историей были аналогичны и тем более идентичны тем явлениям, которые имели место в Европе после завершения первой мировой войны. Но разочарование определенной части интеллектуального сообщества в ценностях свободы и демократии явно сближает культурную и политическую историю Бразилии с теми процессами, которые имели место, например, в межвоенной Германии и Австрии.

Трудно судить насколько бразильская интеллектуальная история связана с европейской, но в идейных исканиях немецко-австрийских и бразильских интеллектуалов немало общего. Идеи и настроения политической реакции, ностальгирующей и славном прошлом и постоянно рефлексировавшей о неполноценной и ненужной демократии были, вероятно, не смогли бы так громко заявить о себе в Европе, если бы в Бразилии в начале XX века не свершился своеобразный качественный интеллектуальный скачок, совпавший со значительной политизацией общества. Иными словами, в Бразилии произошла своеобразная неонатальная консервативная революция: новые тенденции в политической и культурной жизни стали очевидны, но отсутствовала ясность в отношении их жизнеспособности. Если раннее политическое поле было той сферой, где было место для маневра только политической элиты и аристократии, то XX век, связанный с политизацией масс, изменил ситуацию. Если в Бразильской Империи политическое поле было аморфно и не имело четких границ, то своеобразная консервативная волна первых лет XX столетия, позднее переросшая в бразильский аналог европейской континентальной консервативной революции, разделило бразильское общество на левых и правых, хотя тенденции к его дефрагментации наблюдались и ранее.

Integralismus - die brasilianische Erneuerungsbewegung / M. Kahle // N.S.-Erzieher. – 1936. – Bd. 4. – No 24; Lechler A. Der Integralismus in Brasilien: seine Einstellung zur Rassenfrage and zur Kirche / A. Lehler // Der deutsche Auswanderer. – 1935. – Bd. 31. – No 1. – S. 3 – 9.

¹⁴⁷ Peschke R. Die Neudeutschen in Brasilien / R. Peschke // Der Auslanddeutsche. – 1926. – Bd. IX. – No 5.

Но именно свержение Империи, как специфического типа государства с его патерналистской риторикой, как государства, претендовавшего на статус государства всех белых бразильцев, окончательно зафиксировало выделение в бразильской политике нескольких диаметрально противоположных по своим предпочтениям и интеллектуальным ориентирам спектров. Одним из них оказался правый полюс в бразильской политической и культурной жизни. На правом фланге формировалась своя особая политическая культура, с характерными только для нее типами политической и / или культурной идентичности и политической и / или мировоззренческой лояльности. Каковы были важнейшие признаки этого политического правого дискурса в интеллектуальной истории Бразилии?

Бразильские правые в первой половине XX века сосредоточили свои усилия именно на культивировании и развитии бразильской идентичности. В такой ситуации консервативная революция стала правым ответом на левый идентичностный вызов, который предлагал совершенно новый тип как самой политической идентичности, так и политической лояльности¹⁴⁸. С другой стороны, консервативная революция отвечала и на тот интеллектуальный вызов, который исходил из прошлого, из имперского периода в истории. Бразильские «новые» правые (а для 1920 – 1930-х годов идеи были действительно новы) отреагировали на реставрационный имперский вызов, хотя опасность, исходившая от монархистов, была куда меньше, чем опасность, связанная с бразильскими левыми. Поэтому, бразильский правый дискурс окончательно выкристаллизовывается в период между двумя мировыми войнами, особенно – во время правления Ж. Варгаса.

Этот новый дискурс, подобно идеям европейских консервативных революционеров, отличался синкретическим характером и, поэтому, среди идеологических доминант «нового государства» мы находим и политический, гражданский, национализм, и попытки интегрировать в политический инструментарий заряд исходивший от модернистской культурной традиции, и религиозность, которая играла символическую роль, подчеркивая преемственность между различными поколениями правых политиков. Крайнее проявление правого политического дискурса в бразильской политической культуре 1930-х – движение интегралистов¹⁴⁹, которое представляло собой радикальное, но, вместе с тем, и маргинальное течение в правом движении.

¹⁴⁸ См. подробнее: *Integralismo: novos estudos e reinterpretações* / eds. R. Dotta, L. Passas, R. Cavalari. – Rio de Janeiro, 2004; *Estudos do integralismo no Brasil* / ed. G. Silva. – Recife, 2007.

¹⁴⁹ О феномене бразильского интегрализма см.: Araújo R.B. *Totalitarismo e Revolução. O Integralismo de Plínio Salgado* / R.B. Araújo. – Rio de Janeiro, 1987; Chasin J. *O Integralismo*

Но если в континентальной Европе немецкие нацисты убили саму идею консервативной революции, дискредитировав ее и развязав вторую мировую войну, то в Бразилии завершение войны, вылившееся в волну демократизации, привело к маргинализации правых интеллектуалов. Уход Ж. Варгаса стал началом конца бразильской правой традиции, выдержанной в духе европейской консервативной революции. Второе правление Ж. Варгаса была коротким и правые с идеями, заложенными еще в 1920-е годы, уже не имели никаких шансов на восстановление своих доминирующих позиций в интеллектуальном и политическом сообществе. Во второй половине XX века правые интеллектуалы уже никогда безраздельно не господствовали в политической и культурной жизни Бразилии, уступив свои позиции политикам левой или умеренной ориентации.

Анализируя ту роль, которую сыграли правые интеллектуалы, отметим, что именно они заложили основы для того мощного модернизационного импульса, который доминировал в бразильской истории во второй половине XX столетия. Сложно представить динамичное развитие Бразилии после 1945 года, без Бразилии 1930-х, но, с другой стороны, эта была Бразилия Ж. Варгаса с его «новым государством» и интегралистских шествий, выдержанных в традициях европейского фашизма. Как ни парадоксально звучит, но успехи бразильских левых и демократов в деле модернизации страны были заложены правыми политиками и интеллектуалами, политический триумф которых в 1920 – 1930-е годы, вероятно, можно интерпретировать в категориях консервативной революции как альтернативе авторитарной модели модернизации.

Регионализация и проблемы антимодернизационных альтернатив в Бразилии

Современная Бразилия принадлежит к числу ведущих региональных стран в Латинской Америке, что вызвано целым рядом факторов. С одной стороны, Бразилия, занимая географически очень значимую в территориальном плане часть Южной Америки, сама является в силу этого обстоятельства ярко выраженным регионом¹⁵⁰. С другой стороны, во внутривнутриполитическом плане факторы регионализации в ее различных формах играют важную роль. Регионализация проявляется в политических процессах, на различных уровнях развития политической культуры и, как результат, в различной степени участия регионов в политических процессах в первую очередь общебразильского масштаба. Примечательно и то, что Бразилия в силу своего потенциала, в первую очередь – экономического, способствует регионализации политического пространства Южной Америки в целом¹⁵¹. Третий аспект представляет собой экономическую регионализацию – политические расхождения становятся еще более очевидными на фоне экономических диспропорций.

Приступая к анализу процессов регионализации, соотношения регионов, центров и периферий в бразильской перспективе, следует акцентировать внимание на понятийном аппарате. В исследовательской литературе не сложилось единого определения понятия «регион». Регион может быть проанализирован в географической, политической и культурно-исторической перспективе. В отечественном исследовательском дискурсе на протяжении длительного времени доминировала географическая парадигма восприятия региона. Поэтому, под регионом понимали т.н. «институциональные районы» – районы, имеющие официальный статус в системе устройства того или иного государства в пространственном измерении¹⁵². В американской поли-

¹⁵⁰ Бразилия является пятым по размерам территории государством в мире, уступая РФ, США, Канаде и Китаю. Бразилия занимает 47.3 % от всей территории Южной Америки. Протяженность с севера на юг составляет 4320 км, а 4328 – с запада на восток.

¹⁵¹ Об этом процессе в теоретическом плане см.: Souto Maior L.A. *O Brasil e o regionalismo continental frente a uma ordem mundial em transição* / L.A. Souto Maior // RBPI. – 2006. – Vol. 49. – No 2. – P. 42 – 59.

¹⁵² О советском восприятии региона см.: Каганский В.Л. Классификация, районирование и картирование семантических пространств. Классификация как районирование / В.Л. Каганский // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1991. – № 3. – С. 1 – 8; Каганский В.Л. Советская территориальная тектоника / В.Л. Каганский // Состояние страны. Аналитический вестник Информационного Агентства Postfactum. – 1991. – № 6. – С. 39 – 41.

тологической традиции в отношении определения понятия «регион» нет единства среди представителей исследовательского сообщества. В целом регион осознается как сложное, комплексное и многоуровневое явление. Например, Энн Маркузэн подчеркивает, что регион – это, прежде всего, community, связанное со средой и пространственной организацией¹⁵³. С другой стороны само понятие «регион» пребывает на стыке различных концептуальных подходов, позиционируясь как стадия переходная от города к нации, как нечто среднее, расположенное между двумя этими категориями политического анализа.

Как бы ни анализировался регион, в каких категориях политической науки не развивалась бы его интерпретация, мы неизбежно переходим к изучению региона не просто как абстрактного пространства (культурного, географического, политического) и территории, но как комплексной системы, структурными элементами которой являются центр / центры и периферия / периферии. Периферия – понятие многосложное, она может быть определена как пространственное понятие, которому противостоит другое понятие – «центр»¹⁵⁴. Периферия – это своего рода пространственная судьба территории, край / окраина региона. Периферия – это пространственный разрыв. Сложившись как явление сначала географическое, как отдаленная окраинность, со временем периферия может приобрести качественно новые характеристики и наравне с географической отдаленностью от центра начинают играть роль местная специфика, которая проявляется в развитии местных идентичностных дискурсов – политической культуры, политической лояльности, участия в политических процессах на уровне государства в целом...

Тем, что современная Бразилия является региональной страной в трех вышеуказанных перспективах (с регионами, центрами и перифериями), она обязана своему прошлому¹⁵⁵. Возникнув как периферия раннебуржуазной Португалии, она достаточно быстро превратилась в крупнейшую португальскую колонию в Латинской Америке. Ее выделенность из массы сначала испанских и, поэтому, испаноязычных территорий, а позднее и независимых государств только подчеркивала ее региональную специфику. В XIX веке Бразилия перестает быть коло-

¹⁵³ Markusen A. *Regions: the Economics and Politics of Territory* / A. Markusen. – New Jersey, 1987. – P. 8.

¹⁵⁴ См.: Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследование периферии / Х.-Ю. Нитц // *Европейские внутренние периферии в XX столетии* / сост. Х.-Х. Нольте, ред. А.П. Садохин. – Калуга, 2001. – С. 20.

¹⁵⁵ Об исторических исследованиях в контексте регионалистики см.: Pfüller M. *Historische Regionalanalyse* / M. Pfüller // *Historische Regionalanalyse als Grundlage der Strukturentwicklung* / hrsg. von M. Wendt. – Schwerin, 1993. – S. 1 – 7.

ниальной политической провинцией и периферией другой европейской окраины – Португалии – и становится независимым государством.

Обретение независимости, существование в качестве крупнейшей Империи в Латинской Америке способствовали появлению значительного числа местных особенностей, которые достаточно хорошо и подробно изучены в исторической литературе. Если до начала XX века Бразилия была регионом в первую очередь географическим, то в XX эта географическая региональная специфика обретает и политический подтекст¹⁵⁶. Трансформация географической Бразилии в политическую общность, бразильскую политическую нацию, в крупнейшего игрока сначала в Южной Америке, а потом и крупного актора в политической жизни Латинской Америки в целом – все эти факторы существенно способствовали не просто политизации уже сложившегося бразильского регионализма¹⁵⁷, но и его постепенной институционализации.

Формирование бразильского, сначала культурного (а позднее и идентичностного) регионализма протекало на рубеже XIX и XX столетий. В начале XX века Бразилия становится чрезвычайно разнообразной в региональном плане страной. На смену традиционным устоям, где доминировали два полюса организации жизни социума, «*casa grande*» и «*senzala*» (по меткому выражению Жилберту Фрейре)¹⁵⁸,

¹⁵⁶ Значительная региональная перспектива характерна для большинства работ, посвященных Бразилии - истории и политическим процессам в регионе. См.: Fausto B. *História do Brasil* / B. Fausto. – São Paulo, 1997.

¹⁵⁷ О феномене бразильского регионализма в теоретическом плане см.: Cano W. *Desequilíbrio regionais e concentração industrial no Brasil: 1930-1970* / W. Cano. – São Paulo, 1985; Costa W.M. da, *Estado e políticas territoriais no Brasil* / W.M. da Costa. – São Paulo, 1985; Pelaes Mascaro L. *Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo* / L. Pelaes Mascaro // MRVH. – 2004. – Vol. 5. – No 10 // <http://www.seol.com.br/mneme>; Vianna da Cruz J.L. *Projetos nacionais, elites locais e regionalismo desenvolvimento e dinâmica territorial no Norte Fluminense*. Tese apresentada ao Curso de Doutorado do Programa de Pós-Graduação em Planeja – Mento Urbano e Regional, IPPUR, da Universidade Federal do Rio de Janeiro-UFRJ, como parte dos requisitos necessários à obtenção do grau de Doutor em Planejamento Urbano e Regional. – Rio de Janeiro, 2003.

¹⁵⁸ Freyre G. *Casa grande e senzala. Formação da família brasileira sob o rejime de economica patriarchal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1936. О Жилберту Фрейре см.: Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyrano no discurso governamental* / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Bastos E. *Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil* / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72; Ferreira A.C. *A epopéia bandeirante: letrados, instituições, invenção histórica (1870-1940)* / A.C. Ferreira. – São Paulo, 2002; Garcia A. *Les intellectuels et la conscience nationale au Brésil* / A. Garcia // ARSS. – 1993. – No 98. – P. 20 – 33; Lins do Rego J. *Notas sobre Gilberto Freyre* / J. Lins do Rego // *Região e tradição*. – Rio de Janeiro, 1941. – P. 9 – 21; Seyferth G. *O regionalismo da tradição na perspectiva nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre* / G. Seyferth // *Anais do Seminário Internacional Novo Mundo nos Trópicos*. – Recife, 2000. – P. 180 – 193.

приходят местные политические культуры, элиты и традиции. Культурно-идентичностный фактор имеет принципиально важное значение для изучения политических процессов в Бразилии XX века (бразильского регионализма и модернизации), так как он оказал существенное влияние на формирование различных типов политической культуры, дискурсов лояльности и политической идентичности, то есть тех категорий, которые лежат в основе успешного проведения (или в ряде случаев – поражения) политической модернизации.

Бразильский регионализм возник как явление, которое мы можем локализовать в сфере культуры, в том числе – и политической. Бразильская литература рубежа XIX и XX столетий, в условиях слабых политических партий, была тем каналом, где протекала политическая дискуссия. Примечательно то, что на данном этапе в бразильской литературе доминировало течение, которое известно именно как регионализм, основоположником которого являлся Ж.М. Мошаду ду Ассиз. Возникновение регионалистского течения в бразильской литературной традиции стало началом формирования регионального дискурса в бразильской политической культуре. Для бразильского литературного регионализма характерна дихотомия «город / негород», которая сначала имела идентичностный, но позднее обрела политический характер.

Триумф регионалистского течения в бразильской литературе ознаменован развитием идентичностной оппозиции, двумя полюсами которой были, с одной стороны, националистически (в политическом, то есть гражданском плане) ориентированная периферия и, с другой, европеизированный, но явно растворяющийся в географически обширной периферии, город. Но в политических процессах начала XX века лидером бразильской регионализации оказался именно город. Триумфу города в регионализации политической жизни содействовали два события: в 1895 году Жозе Вериссимо основывает журнал «Revista Brasileira», а в 1896 году создается бразильская Академия. И для журнала, и для Академии простор для интеллектуального и политического маневра существовал исключительно в городе. Бразильские города в начале XX века становятся двигателями политической регионализации.

В чем проявлялась эта ранняя и весьма своеобразная регионализация? Городские интеллектуалы позиционировали себя как местных европейцев: они читали европейскую литературу, следили за европейской политикой и сочувствовали европейским, в том числе – и новейшим, политическим идеям и веяниям. Таким образом, дав толчок бразильской регионализации, город стал и стимулом для начала модерни-

зационных процессов, которые на самом раннем, латентном, этапе осознавались как элементарная европеизация, но позднее слились с местным национализмом, что привело к их значительной политизации. Вероятно, подобно регионализму в Европе, ранний бразильский регионализм прошел в своем развитии т.н. скрытую или подавленную фазу, когда регион перестает быть понятием географическим, наполняясь политическим содержанием и оказывая влияние на динамику политических процессов, развитие политической идентичности и политической лояльности.

С другой стороны, бразильский политический ландшафт начала XX века не ограничивался городом. Своеобразная местная география, сертан (степь) стали одними из наиболее востребованных тем в литературных экспериментах бразильских интеллектуалов (Ж. дэ Аленкар, Б. Гимараэс, Ф. Тавора, Афонсу Ариносу, Валдомиру Силвейра), значительно поспособствовавших утверждению в политической жизни Бразилии националистического дискурса. Подлинными героями их прозы были сертаны, жагунсу, кангасейру, каипира и сельва. Таким образом, бразильский ландшафт подвергся сначала литературной, точнее идентичностной, регионализации. Иными словами постепенно в политические процессы, протекающие в Бразилии, втягиваются в регионы. В Бразилии начинается процесс трансформации пространства.

В такой ситуации в процессе регионализации бразильского политического пространства свою роль играла не только местная география. Мощным конструирующим региональные отличия фактором стали местные бразильские интеллектуалы. Вероятно, значение тех или иных регионов определяет не географическое положение, оно не является безусловным источником особенностей их политического, экономического, социального и культурного развития. Географическое положение определяется не ресурсами и природой региона, оно определяется местными интеллектуалами, которые воображают свой регион как нечто определенное. Географическое пространство наполняется идентичностным содержанием интеллектуалами. В такой ситуации регион, используя терминологический инструментарий, предложенный Б. Андерсоном¹⁵⁹, это «воображаемое сообщество»¹⁶⁰.

¹⁵⁹ См.: Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of the Nationalism / B. Anderson. – L., 1991. См. русское издание: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.

¹⁶⁰ О возможности развития региональных исследований в контексте исследовательской парадигмы, предложенной Б. Андерсоном, в частности, пишет и известный российский политолог И.М. Бусыгина: «... развивая идею Бенедикта Андерсона, регион так же мож-

Бразильские интеллектуалы, которые к началу XX века составляли основу не просто интеллектуального сообщества (но и политической элиты)¹⁶¹ постепенно начинают конструировать Бразилию, воображая и конструируя ее в тех или иных категориях. В развитии этого современного бразильского регионализма мы можем выделить несколько этапов, а именно: 1) начало XX века – середина 1940-х годов: оформление регионализма как политического явления и первые попытки политической модернизации Бразилии, связанные с правлением Ж. Варгаса; 2) середина 1940-х – середина 1960-х годов: период между двумя важными в развитии политических процессов военными переворотами – первого, отстранившего от власти Ж. Варгаса и второго, установившего военный режим, который продолжил модернизацию, используя авторитарные начала, заложенные еще Ж. Варгасом; 3) середина 1960 – конец 1980-х годов: попытка преодолеть тенденции регионализации, используя технократические методы управления; 4) начало 1990-х – современный этап: бразильская регионализация начинает развиваться как дихотомия, протекая во внутренней и во внешней сферах, что означает превращение Бразилии в мощное региональное государство, регионального лидера, но с многочисленными внутренними региональными проблемами.

Регионализация в Бразилии на первом этапе развивалась как процесс одновременно и политический и экономический. Ведущие позиции в политической жизни заняли выходцы из наиболее развитых кофейных штатов, где на том этапе производилось 75 % мирового кофе. Речь идет о ряде штатов, а именно: Минас-Жерайс¹⁶², Эспириту-Санту, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу¹⁶³. Именно за счет выходцев из них рекрутировалась политическая элита, формировавшая политиче-

но представить как воображаемое сообщество...» и далее: «... идея Андерсона применима к региону, поскольку он полагал, что любое сообщество крупнее деревни... является воображаемым». См.: Бусыгина И.М. Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. – М., 2006. – С. 8.

¹⁶¹ О развитии интеллектуального сообщества и его месте в политических процессах см.: Szmrecsányi T. Retomando a questão do início da historiografia econômica no Brasil / T. Szmrecsányi // NE. – 2004. – Vol. 14. – No 1. – P. 11 – 37.

¹⁶² О штате Минас-Жерайс и особенностях развития региональной политической идентичности и культуры см.: Araujo Antunes Á. de, Silveira M.A. Memória e identidade regional: historiografia, arquivos e museus em Minas Gerais / Á. de Araujo Antunes, M.A. Silveira // RECH. – 2007. – Vol. 2. – No 1 // <http://www.ichs.ufop.br/cadernosdehistoria>; Pascoal I. José Bento Leite Ferreira de Melo, padre e político o Liberalismo moderado no extremo sul de Minas Gerais / I. Pascoal // VH. – 2007. – Vol. 23. – No 37. – P. 208 – 222.

¹⁶³ О Рио-де-Жанейро в системе бразильского регионализма см.: Alves de Cunha M. O novo Rio de Janeiro: Geografia e realidade sócio-econômica / M. Alves de Cunha. – Rio de Janeiro, 1975.

ский режим и направлявшая политические процессы. На данном этапе регионализация развивалась в тесной связи с процессами формирования в первую очередь элит, что затрагивало крайне незначительный процент бразильского населения.

Новый этап в бразильской регионализации начинается после завершения в Европе первой мировой войны, которая привела к усилению левого спектра в политической жизни Запада. В 1920-е годы темпы бразильской регионализации ускоряются, а сами процессы регионализации постепенно смыкаются с массовыми политическими движениями¹⁶⁴. Первым признаком более широкой политизации масс в региональном контексте стали события, произошедшие в 1922 году в форте Копокабана, когда молодые офицеры бразильской армии открыто выступили против правящего политического режима. За событиями 1922 года последовал поход 1924 – 1927 годов офицеров и присоединившихся к ним недовольных через всю страну на Рио-де-Жанейро. Это был, вероятно, не просто социальный протест, но первая попытка институционализации бразильского регионализма в форме протеста аграрной традиционной, и поэтому проблемной, периферии против европеизированного и, как следствие, более стабильного и благополучного города.

Именно в контексте этих событий наметились тенденции постепенного перемещения регионалистского феномена из культурной в политическую сферу. Тенденции к последовательной политизации феномена бразильского регионализма стали еще более очевидны в период правления Ж. Варгаса. Режим Варгаса представлял собой авторитарный вариант не просто политической, но и экономической, модернизации. Вероятно главным препятствием на пути той модернизационной политики¹⁶⁵, которую пытался проводить Варгас, были именно отдельные бразильские регионы. Поэтому антиваргасовское выступление вооруженных сил носило именно региональный характер: в 1935 году произошли волнения в военных частях в Нитерое, Ресифи и Натале. Правящая элита середины 1930-х годов, вероятно, была напугана этими протестами и, поэтому, правящий режим из диктатуры

¹⁶⁴ Об этом феномене в теоретическом плане см.: Martin A.R. *Fronteiras internas e a “questão regional” no Brasil*. Tese de doutorado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP. 1993; Moraes A.C.R. *Ideologias geográficas: espaço, política e cultura no Brasil* / A.C.R. Moraes. – São Paulo, 1988; Oliveira Fr. de, *Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes* / Fr. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977.

¹⁶⁵ Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность*. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.

личной власти Варгаса постепенно трансформировался (начиная с 1937 года) в «новое государство»¹⁶⁶.

Ужесточение политического режима понималось элитой как путь удержать страну от еще большей регионализации¹⁶⁷. С другой стороны, целостной концепции и тем более программы преодоления регионализма у Ж. Варгаса тогда вероятно не существовало. Но в то же время, руководствуясь националистической идеей, Варгас способствовал внешней регионализации Бразилии, постепенному возрастанию роли Бразилии в Латинской Америке и в мире в целом¹⁶⁸. Иными словами, именно благодаря попыткам Варгаса ограничить проникновение иностранного капитала и, как результат, укрепить позиции национальной буржуазии Бразилия начинает все более и более превращаться в крупного политического игрока в регионе Южной Америки¹⁶⁹. Будучи не в силах преодолеть региональное разнообразие и диспропорции во внутренней жизни страны, режим Ж. Варгаса компенсировал эту внутривнутриполитическую неудачу внешнеполитическим подъемом и усилением.

Таким образом, Бразилия еще до момента установления политического режима Ж. Варгаса исторически развивалась как страна регионов, где были сильны тенденции к регионализации¹⁷⁰. Взглянув на карту современной Бразилии, мы заметим одну существенную закономерность. На побережье Атлантического Океана находится тринадцать штатов наиболее ранней и интенсивной колонизации. Штаты, находящиеся вне выхода к Океану, превосходят их размерами, но ус-

¹⁶⁶ О политических процессах в Бразилии на данном этапе см.: D'Araujo M.C. Estado, classe trabalhadora e política sociais / M.C. D'Araujo // O tempo do nacional-estatismo: do início da década de 1930 ao apogeu do Estado Novo / eds. J. Ferreira, L. de Almeida Neves Delgado. – Rio de Janeiro, 2003; Fonseca P.C.D. Vargas: o capitalismo em construção, 1906 – 1954 / P.C.D. Fonseca. – São Paulo, 1989; Levine R. Pai dos pobres? O Brasil e a era Vargas. – São Paulo, 2001.

¹⁶⁷ О политике Жетулиу Варгаса в отношении регионов в период «нового государства» см.: Diniz Filho L.L. Território e destino nacional: ideologias geográficas e políticas territoriais no Estado Novo (1937-1945). Dissertação de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP. 1994.

¹⁶⁸ См.: Cachapuz P.B. A trajetória política de Getúlio Vargas / P.B. Cachapuz // Getúlio Vargas e seu tempo / ed. R.M. Silva. – Rio de Janeiro, [n.d.]. – P. 45 – 74.

¹⁶⁹ См.: Moura G. Autonomia na dependência. A política externa brasileira de 1935 a 1942 / G. Moura. – Rio de Janeiro, 1980; Vizontini P.F. Relações exteriores do Brasil (1945 - 1964) / P.F. Vizontini. – Petropolis, 2004.

¹⁷⁰ Об основных тенденциях в развитии бразильской регионализации в XX веке см.: Love J.L. Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism / J.L. Love. – Stanford (California), 1971; Love J.L. São Paulo in the Brazilian Federation / J.L. Love. – Stanford (California), 1988; Wirth J.D. Minas Gerais in the Brazilian Federation / J.D. Wirth. – Stanford (California), 1977; Weinstein B. Brazilian Regionalism / B. Weinstein // LARR. – 1982. – Vol. XVIII. – No 2. – P. 262 – 276.

тупают численно. На границе с Парагваем находится штат Парана, а на границе с Аргентиной и Уругваем – Риу-Гранди-ду-Сул. Эти два штата, и находящийся между ними штат Санта-Катарина, занимают особое место в системе бразильских территорий и бразильского регионализма.

История Бразилии на протяжении XX века отмечена попытками выработки новой политической идентичности, которая, по мнению бразильских интеллектуалов, должна была прийти на смену неудачному проекту конструирования имперского типа идентичности в Бразильской Империи (1822 – 1889), которая в 1880-е годы потерпела политический крах и была заменена республикой. Империя представляла собой бывшие португальские колонии, объединенные под властью императора, между которыми никогда не было полного единства, так как они сохраняли местные локальные особенности, которые проявлялись в политической жизни – в протекании политических процессов, в рекрутировании политических элит, в развитии политических культур. После исчезновения Империи, в первой четверти XX века, в период острой политической борьбы (т.н. старая республика, существовавшая с 1889 по 1930 год) и позднее, после революции 1930 года, в условиях режима Жетулиу Варгаса и особенно в период «нового государства» бразильские интеллектуалы и политическая элита, составлявшие основу политического сообщества, пытались выработать новый тип политической культуры, в которой были ориентированы дискурсы как политической идентичности, так и лояльности.

В рамках этих интеллектуальных дискуссий, которые протекали в условиях существования взаимосменяемых режимов (период с 1930 по 1964 год принято называть «новой республикой»), шло формирование доктрины известной как «brazilidade». Формирование этого нового типа идентичности, которая сочетала различные идентичностные дискурсы (политические, национальные и культурные) продолжилось и во второй половине XX века – в рамках военно-гражданских и военных (с 1964 по 1985 год) режимов. Одним из важнейших препятствий на пути формирования этой идентичности был бразильский регионализм, от которого исходили вызовы, направленные против модернизации, в рамках которой протекало оформление новой политической идентичности, культуры и лояльности.

В системе бразильского регионализма большая часть регионов находятся на различных стадиях политического и экономического развития. С другой стороны, три региона (Риу-Гранди-ду-Сул¹⁷¹, Па-

¹⁷¹ О Риу-Гранди-ду-Сул см.: Almeida M.M. Introdução ao estudo da historiografia sul-riograndense: inovações e recorrências do discurso oficial (1920-1935). Dissertação de mestrado

рана, Санта-Катарина) успешно сочетают достаточно высокий экономический уровень с наличием сложившейся местной политической традиции, неотъемлемыми элементами которой являются особая политическая культура и идентичность. Развитие политических процессов в этих трех штатах обеспечивает нас классическими примерами для анализа того процесса, как на локальном уровне протекает процесс формирования таких категорий политической науки, как идентичность, лояльность и политическая культура. Риу-Гранди-ду-Сул стал заметен на политической карте Бразилии после 1930 года, то есть после прихода к власти Жетулиу Варгаса. Варгас, выходец из Риу-Гранди-ду-Сул, установил в Бразилии авторитарный политический режим, который поставил под сомнение сам факт существования в Бразилии регионов, так как их наличие не выписывалось в тот проект политической модернизации, который предлагался Варгасом и его сторонниками. Таким образом, политическое выдвижение Варгаса не повлекло политического продвижения его родного штата.

Политика режима Варгаса, отменившего выборы глав штатов, наоборот, была призвана постепенно размыть и уничтожить местные особенности. Антилокальные мероприятия особенно отчетливо проявились в попытках форсированно выстроить общенациональную политическую идентичность, ограничив использования в общественной и образовательной сфере всех прочих языков кроме португальского. В Риу-Гранди-ду-Сул, Паране и Санта-Катарине это имело форму ограничения сферы применения трех языков, которые на уровне локальных сообществ могли составлять и реально составляли конкуренцию португальскому. В Риу-Гранди-ду-Сул, Паране и Санта-Катарине такими языками были немецкий, украинский и итальянский. Апофеозом компании, направленной против регионализма, стала Конституция 1937 года (*Nova Constituição*), которая делала «использование только одного национального флага, одного гимна и одного герба обязательным на всей территории страны». Спустя месяц после принятия новой Конституции, Варгас организовал «похороны национальных флагов». Эта церемония была призвана подчеркнуть, что необратимость про-

em sociologia, IFCH/UFGRS. 1983; Nedel L. A recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118; Love J.L. Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism, 1882–1930 / J.L. Love. – Stanford, 1971; Nedel L.B. Paisagens da província: o regionalismo sul-rio-grandense e o Museu Julio de Castilhos nos anos cinquenta. Dissertação de mestrado em história, PPGH/UFRJ, 1999; Nedel L.B. Um passado novo para uma história em crise: regionalismo e folcloristas no Rio Grande do Sul (1948-1965). Tese de doutorado em história, PPGH/UnB, 2005; Oliven R.G. National and regional identities in Brazil: Rio Grande do Sul and its Peculiarities / R.G. Oliven // Nations and Nationalism. – 2006. – Vol. 12. – No 2. – P. 303 – 320.

цессов, связанных с преодолением регионалистских тенденций. Среди «похороненных» флагов были флаги и трех упомянутых штатов.

Во второй половине 1930-х годов режим Варгаса усиленно формировал новый идентичностный дискурс в Бразилии, который вылился в развитие идеи политического единства, в «бразилидад». Присутствовавший на «похоронах флагов» министр юстиции, развивая официальный нарратив, утверждал: «... О, бразильский флаг, ты сегодня один у нас... один единственный ты реешь над нашей землей и гордо развеваешься в сердцах бразильцев... ты у нас один как одна наша Бразилия...»¹⁷².

Режимы, которые правили в Бразилии уже после Ж. Варгаса, совершенно отчетливо понимали необходимость выработки доктрины региональной политики. С другой стороны, это осознание сочеталась и с пониманием того, что процесс политической и экономической модернизации должен развиваться и на региональном уровне. Начиная со второй половины 1950-х годов, в рамках политических процессов в Бразилии неизменно присутствовала дихотомия «модернизация / регионализация». Если Ж. Варгас, столкнувшийся в 1930-е годы с феноменом регионалистского протеста, попытался законсервировать ситуацию, что вылилось в частности в политику «нового государства», то пришедший к власти во второй половине 1950-х годов Жуселино Кубичек, наоборот, открыл каналы для широкой регионализации страны, ввергнув политический процесс в Бразилии в региональный / регионалистский дискурс.

Предпосылки для смены регионального внутреннего развития в Бразилии сложились еще до момента прихода к власти Ж. Кубичека, хотя именно он превратил политические процессы внутри страны в региональные, что вылилось в частности и в основание новой столицы – Бразилиа. Кубичек, пообещавший, что за период его президентства Бразилия «шагнет на пятьдесят лет вперед»¹⁷³, предпринял попытку изменить вектор внутренней регионализации, которая до него развивалась как дихотомия «город / негород», где индустриально развитые города доминировали над аграрными районами, политическая культура в которых продолжала оставаться традиционной. Политика Кубичека преследовала своей целью разрушить эту диспропорцию, несколько переместив политический центр из географической перифе-

¹⁷² As grandes comemorações cívicas de hontem nesta capital. Homenagem à bandeira e à memória dos que tombaram em defesa do regimen, em 1935 // CM. – 1937. – 27 November.

¹⁷³ Kubitschek Y. Diretrizes gerais do plano nacional de desenvolvimento / Y. Kubitschek. – Belo Horizonte, 1955.

рии в те регионы, который географически формируют центр бразильского государства.

Режимы, правившие в Бразилии, после Ж. Варгаса пошли на значительную либерализацию, хотя военный переворот 1964 года снова сместил вектор политического развития вправо. Лишь в условиях ограниченной демократизации первой половины 1980-х годов в различных бразильских штатах, в том числе и в Риу-Гранди-ду-Сул, Паране и Санта-Катарине снова сложились условия для начала регионалистского движения. В 1980-е годы политические оппоненты военных правительств выдвинули лозунги эффективного федерализма, административной децентрализации и более справедливого и равного использования доходов, получаемых от сбора налогов. Местные регионалисты не ставили под сомнение факт существования бразильской идентичности – они стремились к тому, чтобы локальные идентичностные проекты существовали, развивались и конкурировали с общенациональным в равных и соответственно демократических условиях.

Поэтому, военные совместно с интеллектуалами-технократами, пришедшие в 1964 году в результате военного переворота, были вынуждены продолжать линию, унаследованную от Ж. Варгаса, Ж. Кубичека и Ж. Гуларта, и направленную на последовательную модернизацию страны в условиях принятия во внимание и регионального фактора. В этой ситуации военные были вынуждены ориентироваться не только на мнение интеллектуалов-технократов, но и гуманитариев, которые являлись в Бразилии основными конструкторами регионов, имея значительный опыт регионального и политического воображения¹⁷⁴. К моменту прихода армии к власти в 1964 году региональная структура бразильской политики и экономики была уже четко сложившейся и оформившейся системой. Географически в рамках Бразилии к середине 1960-х годов можно было выделить пять больших регионов: Северо-Восток, Юго-Восток, Юг, Центральный Запад и Север. Эти регионы варьировались как своими размерами, соотношением с территорией страны в целом, так и особенностями политических процессов, которые в них протекали.

К середине 1960-х годов Северо-Восток являлся наиболее старым бразильским регионом, исторически представляя начальную зону

¹⁷⁴ Об интеллектуальном факторе см.: Baêta Neves L.F. *História intelectual e história da educação* / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 376; Paschoal Guimarães L.M. *IV Congresso de História Nacional: tendências e perspectivas da história do Brasil colonial (Rio de Janeiro, 1949)* / L.M. Paschoal Guimarães // RBH. – 2004. – Vol. 24. – No 48. – P. 145 – 170.

португальской колонизации¹⁷⁵. На том этапе население Северо-Восточного региона составляло большинство населения страны. Примечательно то, что несмотря на относительно «древний» и устойчивый местный регионализм здесь, в отличие от других регионов, не сложились местные традиции, которые способствуют выделению региона из среды других. Основной выделяющий фактор - экономический. С другой стороны, Северо-Восток в плане политической культуры представлял собой сосуществование городской и аграрной культур при наличии в городских центрах и сельских перифериях значительного числа населения, которое вело традиционный и замкнутый на уровне локальных сообществ образ жизни. Одним из проявлений такой замкнутости и доминирования архаичной культуры было то, что к 1970-м годам более 40 % населения не умело читать или писать.

В состав Юго-Восточного региона Бразилии мы можем включить ряд штатов (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс и Эспириту-Санту), которые занимают, с одной стороны только 11 % территории, но на которых, например, к концу 1970-х годов проживало около 40 % населения. Эти штаты могут быть отнесены к историческим регионам, так как еще в XVIII веке составляли важный элемент португальской колониальной системы. Во второй половине XX века, в связи с ускорением модернизационных процессов, в первую очередь экономических, эти штаты перестали быть просто историческими регионами, став и крупными экономическими центрами. Таким образом, для Юго-Востока характерна постепенная трансформация исторического регионализма на политических и экономических началах.

Южный регион в Бразилии на момент прихода к власти военнотехнократического режима занимал около семи процентов территории страны, но обладал рядом особенностей культурного, политического и экономического плана, что позволяет выделять его в отдельный регион. В чем важнейшая регионоформирующая особенность трех штатов (Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул), формирующих территориальную основу Южного региона? Юг представлял на том этапе активно развивающийся аграрно-промышленный регион с уникальной и особой политической культурой, нехарактерной для остальных бразильских регионов. Местная политическая культура формировалась в условиях формирования местного сообщества, которое, в свою очередь, складывалось из португалоязычных выходцев из других бра-

¹⁷⁵ О Северо-Востоке в контексте развития бразильского регионализма см.: Albuquerque D.M. de, *A invenção do Nordeste e outras artes* / D.M. de Albuquerque. – Recife – São Paulo, 2001.

зильских территорий, украиноязычных переселенцев в Паране и немецкоязычных эмигрантов в Риу-Гранди-ду-Сул¹⁷⁶.

Формирование Центрального Запада как региона связано с попыткой президента Ж. Кубичека изменить вектор негативной регионализации страны и использовать те экономические потенции, которые скрыты в региональном факторе, но которые не использовались его предшественниками - Ж. Варгасом и Ж. Гулартом. Центральный Запад стал регионом новой, своего рода «вторичной регионализации». Если раннее переселенцами были колонисты (португальцы, немцы, украинцы, итальянцы), то в 1960-е регион подвергся активной колонизации со стороны бразильцев. Таким образом, Центральный Запад – это новый, сознательно сконструированный бразильскими интеллектуалами географически-регионально-политический концепт и феномен, созданный колонизационными и модернизационными процессами регион. С другой стороны, Центральный Запад – это продукт сознательно направляемой регионализации.

Север к середине 1960-х годов был наиболее крупным с географической точки зрения регионом, занимая 59 % бразильской территории, но и одновременно наименее населенным: на его территории проживало около восьми процентов всего населения. В качестве региона на момент середины 1960-х годов Север может быть выделен только в географической перспективе в силу того, что он не был подвержен в отличие от других бразильских регионов политической и культурной регионализации. Север – регион относительно недавней, бессистемной и спорадической, колонизации, где в колонизационные процессы оказались вовлеченными не только бразильцы, но и выходцы из Азии, например, японцы¹⁷⁷. Во второй половине 1960-х годов экономические центры региона (Белен и Манаус) были именно экономическими центрами, не имея по сравнению с другими городами в Южном и Юго-Восточном регионах развитой и сложившейся местной политической культуры и, как результат, идентичности. Поэтому регионализация здесь имела форму постепенной провинциализации¹⁷⁸, что вело к замкнутости региона, его частичному исключению из бра-

¹⁷⁶ О немцах в Риу-Гранди-ду-Сул см.: Roche J. A Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 1969; Gertz R.E. Os luteranos no Brasil / R.E. Gertz // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 9 – 33.

¹⁷⁷ Об экономических и социальных процессах в бразильских регионах в период военного режима см.: Cupertino F. Classes e camadas sociais no Brasil / F. Cupertino. – Rio de Janeiro, 1978.

¹⁷⁸ О провинциализации в теоретической перспективе как политическом и экономическом процессе см.: Provinzialisierung einer Region. Zur Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. von G. Zang. – Frankfurt, 1978.

зильской экономики или к одностороннему (сырьевому) в ней участию.

В такой ситуации военные после переворота 1964 года получили не просто большую и малозаселенную территорию, но и маргинальную периферию¹⁷⁹, которую надо было модернизировать и, как следствие, регионализировать. К середине 1960-х годов часть бразильских регионов имела относительно стабильные темпы развития, другие были среди явных маргиналов и аутсайдеров. Поэтому часть регионов играла роль центра (или центров), другие были вынуждены довольствоваться статусом периферии. Анализируя бразильский регионализм перед началом активного этапа модернизации, проводимой военным режимом, мы можем выделить три типа бразильских регионов – центр, периферию и внутреннюю периферию.

Центр был общепризнанным лидером, который направлял политические процессы, формировал политический режим как способ функционирования политической системы и рекрутировал политическую элиту. Бразильская периферия (например, южные штаты Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул) имела достаточно прочные и стабильные позиции в экономике и политике, являясь в первую очередь географической окраиной, периферией в географическом понимании. Наряду с признанным политическим центром и географической периферией существовала и внутренняя периферия¹⁸⁰, представленная в Бразилии Севером. Бразильский Север был особым регионом в составе бразильского государства, преимуществами экономики которого пользовались в одинаковой степени и политический центр, установивший там правила игры, и географическая периферия, служившая одним из каналов для выхода на внешние рынки.

Пришедшие к власти в 1964 году Вооруженные Силы имели в своем распоряжении ряд государственных учреждений, созданных специально для коррелирования регионального развития, будучи призванными ликвидировать исторически сложившийся провал в развитии отдельных регионов. В 1950-е годы в Бразилии были созданы

¹⁷⁹ О маргинализации как составном элементе регионализации существует обширная литература. См. классическую статью Сидни Полларда «Маргинальные территории. Имеют ли они общую историю?» – Pollard S. *Marginal Areas. Do they have a common history* / S. Pollard // *Towards an International Economic and Social History* / ed. V. Etimad. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.

¹⁸⁰ О внутренней периферии в теоретическом аспекте см.: *Internal Peripheries in European History* / ed. H.-H. Nolte. – Göttingen, 1991; Nolte H.-H. *Comparing Internal Peripheries* // *Towards an International Economic and Social History* / ed. V. Etimad. – Genf, 1995. – P. 75 – 84; Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // *Европейские внутренние периферии в XX столетии* / сост. Х.-Х. Нольте, ред. А.П. Садохин. – Калуга, 2001. – С. 7 – 19.

Банк Северо-Востока Бразилии (1952), Управление плана развития Амазонии (1953), Управление по развитию Северо-Востока (1959). Военные выдвинули Доктрину национальной безопасности, в которой особое внимание было уделено необходимости модернизации бразильской экономики в сочетании с необходимостью развития регионов. Военные интеллектуалы начали позиционировать Бразилию как единое целое с политической, географической, культурной и идентичностной точек зрения. Например, один из теоретиков военного политического режима генерал Голбери ду Коэту-э-Силва писал, что современное бразильское государство, управляемое «национальной властью»¹⁸¹ является целостным политическим образованием. При этом факт наличия региональных диспропорций и политических противоречий относительно модели модернизационного развития не отрицался и военными.

Но и в такой ситуации в среде правящей элиты начал доминировать нарратив, согласно которому Бразилию следовало воспринимать как регион, где локальные, региональные, особенности и отдельные регионы являются лишь неотъемлемыми элементами большого политического региона – Бразилии. На раннем этапе правления военного режима существовала угроза постепенной регионализации политической оппозиции, что понималось и бразильскими генералами. В частности, один из них, генерал Кастелу Бранку, писал, что основную угрозу целостности бразильского государства представлял региональный, политически окрашенный в левые тона, дискурс: «мы вынуждены бороться против внутренней агрессии, выраженной в проникновении и распространении враждебной идеологии или в партизанском движении... ныне они являются более возможными и опасными формами конфликта, чем внешнее вторжение»¹⁸². Однако ядро крайней оппозиции, представленной различными группами левой ориентации, достаточно быстро маргинализировалось.

В такой ситуации регионализм для военного режима сместился из политической плоскости в сферу решения экономических и социальных проблем. Политика военных правительств привела к переходу феномена бразильского регионализма на качественно новый этап развития. Если ранее регионализм развивался как дихотомия «центр – периферия», где сторонники регионализма нередко были склонны абсолютизировать негативные качества центра, то военные смогли переломить эту тенденцию, в перспективе грозившую перерасти во фраг-

¹⁸¹ Revista brasileira de estudos políticos. – 1966. – No 21. – P. 78.

¹⁸² Цит. по: Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский. – М., 1986. – С.30.

ментацию. Благодаря модернизационной политике военных, пошедших на союз с интеллектуалами-технократами, регионализм в Бразилии постепенно потерял свои более ранние провинциалистские политические доминанты¹⁸³. Регионализм в такой ситуации перестал осознаваться как сознательная политическая и идентичностная оппозиция центру, а апологеты и адепты регионализма, которые начали рекрутироваться из числа представителей местных интеллектуальных сообществ, вошли в состав политической элиты, перестав быть маргиналами, но став проводниками модернизационных тенденций.

Взявшись решать региональные проблемы как проблемы социального и экономического плана (в социально-экономической структуре бразильского государства второй половины 1960-х годов существовали значительные диспропорции), военные правительства переместили регионализм из политических дискуссий в плоскость реально проводимой политики модернизации. С другой стороны, внутренняя структура Бразилии, ее политическая и идентичностная география, география развития политической культуры и протекания политических процессов, продолжала оставаться чрезвычайно разнообразной. Отдельные территории сохранили свои признаки, характерные в зависимости от ситуации для центра и / или периферии.

Новое рождение бразильского регионализма протекало в рамках движения известного как «abertura». Будучи призывом к открытию политического дискурса влиянием извне, а не только из Генерального Штаба и кабинетов чиновников-технократов, участники движения способствовали формированию тех институтов, где шел процесс кристаллизации бразильского гражданского общества. Возрождение демократических ценностей неизбежно вело к активизации регионалистского дискурса в политической жизни страны. Признав Бразилию национальным государством, регионалисты стремились к тому, чтобы это качество обрело и региональное измерение. И их требования, впервые позвучавшие в конце 1960-х, когда Э. Вериссимо, комментируя особенности штата, заявил: «мы – фронтир»¹⁸⁴, имели свои основания.

Например, Риу-Гранди-ду-Сул, занимая по сравнению с другими штатами территорию вдвое или даже втрое меньшую, сосредотачива-

¹⁸³ Подобные метаморфозы в развитии европейского регионализма 1990-х годов проанализировал М. Китинг (Keating M. *The New Regionalism in Western Europe* / M. Keating. – Cheltenham, 1998), хотя впервые такие тенденции проявились в 1970-1980-е годы в Бразилии. См. так же более ранние работы М. Китинга: Keating M. *State and Regional Nationalism: Territorial Politics in European State* / M. Keating. – N.Y. – L., 1988.

¹⁸⁴ Verissimo E. *Um romancista apresenta sua terra* / E. Verissimo // *Rio Grande do Sul: Terra e Povo* / ed. E. Verissimo. – Porto Alegre, 1969. – P. 3 – 13.

ет на своей территории (к концу 1990-х годов) 6.25 % всего населения¹⁸⁵, но, с другой стороны, обеспечивает двенадцать процентов всего бразильского экспорта и десять процентов ВВП. Из всего, преимущественно белого, населения штата 80 % живет в городах, являясь носителем особого типа политической культуры. К концу 1990-х годов Риу-Гранди-ду-Сул был самым белым штатом: 90 % жителей обозначало себя как белых¹⁸⁶.

С другой стороны, в Риу-Гранди-ду-Сул существует и исторически выработанные идентичностные предпосылки¹⁸⁷ для развития регионалистского движения: штат является единственным в Бразилии, который в прошлом имел опыт непродолжительного, но независимого политического развития: в 1836 году местная элита провозгласила Республику, которая вскоре добровольно отказалась от независимости при условии амнистии со стороны Империи. В 1980 – 1990-е годы политическая культура в Риу-Гранди-ду-Сул была отмечена мощным влиянием со стороны этого исторического нарратива, который оказался востребованным в среде местных интеллектуалов. В рамках местной политической культуры, носители которой склонны к исторической рефлексии, особое место принадлежит нарративу о «gaúcho», как добродетельных почти национальных предках.

Разработка и совершенствование региональной политики (в условиях постепенной модернизации, но при сбережении локальной специфики) стали одним из тех факторов, которые способствовали внешней регионализации Бразилии, ее постепенному превращению в регионального гиганта и лидера, который стал очагом новой регионализации, привлекая к себе новых внешнеполитических партнеров и в соответствии со своими национальными интересами выстраивая систему международных отношений на региональном, южно-американском, уровне.

¹⁸⁵ В Риу-Гранди-ду-Сул наиболее низкий уровень детской смертности и один из самых высоких уровней продолжительности жизни в Бразилии и во всей Латинской Америке.

¹⁸⁶ Для сравнения: к концу 1990-х годов только 50 % жителей Бразилии в целом соотносили себя с белой расой.

¹⁸⁷ Об историческом бэк-граунде и идентичностных основаниях регионализма в Риу-Гранди-ду-Сул см.: Chaves C.L. O ensaio literário no Rio Grande do Sul (1868 – 1960) / C.L. Chaves. – Brasília, 1979; Gutfreind I. A construção de uma identidade: a historiografia sul-riograndense de 1925 a 1975. Tese de doutorado em história, IFCH/USP. 1989; Gutfreind I. A historiografia sulrio-grandense e o mito do gaúcho brasileiro / I. Gutfreind // Nós, os gaúchos / orgs. S. Gonzaga, L. A. Flicher. – Porto Alegre, 1995. – P. 148 – 152.

Проблемы маргинализации левых в контексте модернизационных процессов

Политические процессы в Бразилии, особенно – связанные с модернизацией общества и политической системы, практически никогда не протекали в условиях консенсуса, а развивались при сохранении напряженной и постоянной конфронтации между различными политическими группами. С другой стороны, в политическом спектре в Бразилии уже на протяжении первой половины XX века достаточно четко выделяются течения маргинального характера, представленные движениями как правой, так и левой ориентации. Но ни бразильские крайне правые, ни крайне левые так и не получили шанса для реализации своих политических целей, оставаясь политическими и интеллектуальными маргиналами. В период от установления Республики до прихода к власти Жетулиу Варгаса крайние были маргинальны в силу того, что не были в состоянии конкурировать с мощными и влиятельными олигархическими группировками, которые направляли ход не только экономических, но и политических процессов, контролируя политический дискурс, удачно сочетая политическую риторику с совершенно реальными попытками модернизации существовавшей политической системы.

С другой стороны, в период правления Жетулиу Варгаса, в частности – в период «нового государства», политический режим Бразилии хотя и развивался как плюралистический, тем не менее участие в политической жизни правых и левых радикалов имело скорее символический, нежели реальный характер. Но именно от бразильских радикалов, крайне левых и крайне правых, исходили важные политические, идеологические, идентичностные вызовы, направленные против той модернизационной политики, которую в рамках авторитарного режима проводил Жетулиу Варгас. Левые радикалы стремились не просто подвергнуть ревизии те политические ценности, которые лежали в основе авторитарного режима. Левые предлагали иную модель политической идентичности, которая, подобно проекту Ж. Варгаса, была так же связана с национализмом¹⁸⁸, и, поэтому, относилась к числу наиболее опасных для режима политических вызовов.

¹⁸⁸ О связи националистического и левого политического дискурса в Бразилии и Латинской Америке в теоретическом плане см.: Benjamin J. *The Machadato and Cuban Nationalism, 1928 – 1932* / J. Benjamin // *HAHR*. – 1975. – Vol. 55. – No 1. – P. 66 – 91; Goebel M. *Nationalism, the Left and Hegemony in Latin America* / M. Goebel // *BLAR*. – 2007. – Vol. 26. – No. 3. – P. 311 – 318.

Поэтому, в настоящей части исследования автор остановится на процессах постепенной маргинализации радикальных группировок в Бразилии как составляющего элемента мощных модернизационных процессов, которыми отмечена политическая динамика XX века. Активизация бразильских интеллектуалов левой ориентации связана с событиями 1917 года в России, которые привели к политической институционализации большевизма. Приход к власти Жетулиу Варгаса, режим которого не имел демократического характера, а развивался в рамках правоавторитарной модели со значительным модернизационно-реформистским потенциалом, стал одним из важнейших стимулов для коммунистической активизации в Бразилии.

В то время, как режим Варгаса представляет собой правоавторитарный вариант проведения политической модернизации, то бразильские коммунисты¹⁸⁹ так же предлагали явно недемократический политический проект, о модернизационном потенциале которого судить крайне сложно в силу того, что для коммунистов сам факт борьбы за власть и ее возможного получения были куда важнее, чем та политика, которую в Бразилии проводил Ж. Варгас, пусть и не демократическая, но, направленная на модернизацию как политической системы, так и экономической жизни. Политическая активность бразильских левых коммунистической ориентации – важный и неотъемлемый дискурс той политической культуры, культуры политического участия, которая формировалась в период правления Варгаса и позднее, значительно измененная, доминировала на протяжении второй половины XX века, будучи составной частью модернизационной политики военных и гражданских режимов. Анализируя левый дискурс¹⁹⁰ антимодернизационной политической культуры, неизбежно возникает проблема истоков такой антимодернизационной политической идеологии, которая культивировалась бразильскими коммунистами.

¹⁸⁹ О коммунистических трендах в политических культурах и идентичностях Бразилии см.: Brandão G.M. *A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista, 1920- 1964* / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997; Cavalcanti B. *Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira* / B. Cavalcanti. – Rio de Janeiro, 1986; Dulles J.F. *O comunismo no Brasil 1935 – 1945: repressão em meio ao cataclismo mundial* / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985; Dulles J.F. *Anarquistas e comunistas no Brasil* / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977; Dulles J.F. *A Faculdade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas* / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984; Ferreira J.J. *Prisioneiros do Mito: Cultura e imagonário político dos comunistas no brasil, 1930 – 1956* / J.J. Ferreira. – São Paulo, 1996. *Dissertação de doutorado em História*; Montalvão S. *O intelectuale a política: a militância comunista de Caio Prado Junior, 1931 – 1945* / S. Montalvão // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 1. – P. 105 – 127.

¹⁹⁰ О левых в политических процессах в Бразилии в XX веке см.: Dulles J.F. *Anarquistas e comunistas no Brasil* / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977; Dulles J.F. *O comunismo no Brasil 1935-1945: repressão em meio ao cataclismo mundial* / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985; Zaidan Filho M. *Comunistas em céu aberto* / M. Zaidan Filho. - Belo Horizonte, 1989.

В советской латиноамериканистике на протяжении всего периода ее существования доминировал концепт, согласно которому бразильские коммунисты находились в последовательной оппозиции модернизационной политике буржуазных правительств в силу того, что та соответствовала интересам исключительно правящих кругов и в корне противоречила интересам широких слоев бразильского населения. Принимая во внимания то, что бразильские коммунисты на протяжении второй половины XX века пребывали на политической периферии, возможно другое объяснение. Модернизационный вариант развития страны предложенный сначала Ж. Варгасом и развитие которого позднее продолжилось в рамках гражданских и военных режимов диктовал такие условия участия в политической жизни, которые делали само участие коммунистов в ней невозможным. Поэтому, в период правления Варгаса со стороны крайне левых исходил в первую очередь интеллектуальный вызов¹⁹¹.

Иными словами, политический идеал бразильских коммунистов не выписывался ни в один из модернизационных проектов, что автоматически вело к их маргинализации, исключало из участия в политическом процессе, в первую очередь в процессах рекрутирования политической элиты и принятия политических решений. В такой ситуации бразильские коммунисты (Луис Карлос Престес) вытеснялись на периферию политической жизни, что способствовало тому, что формы их участия в политическом процессе, точнее – попытки такого участия, имели маргинальный характер и отторгались подавляющим большинством бразильского населения. Анализируя леворадикальный дискурс антимодернизационной политической культуры, которую следует определять как протестную, мы можем выделить ее важнейшие особенности.

Крайние левые в Бразилии в развитии своей политической доктрины ориентировались не на те политические проблемы, с которыми сталкивалось бразильское общество и, которые вынуждены были решать различные военно-гражданские и военные политические режимы, а на тот вариант политического развития, который предлагался со стороны Советского Союза и других коммунистических государств¹⁹². Бразильские крайне левые конструировали свой образ Бразилии, ко-

¹⁹¹ О левой интеллектуальной традиции и оппозиции в 1930-е годы см.: Montalvão S. O intelectual e a política: a militância comunista de Caio Prado Júnior / S. Montalvão // RHR. – 2002. – № 5. – P. 105 – 127.

¹⁹² Например, в 1954 году Луис Карлос Престес, идеализируя успехи СССР, писал, что «в Советском Союзе наблюдается подъем мирной экономики, повышение жизненного уровня трудящихся». См.: Престес Л.К. Коммунистическая Партия Бразилии в борьбе за мир, свободу и независимость родины / Л.К. Престес // Коммунист. – 1955. – № 3. – С. 87.

торый не только усиленно позиционировали в странах, от которых получали помощь (в первую очередь, в СССР), но и отличный от того, который культивировался некоммунистическими бразильскими интеллектуалами¹⁹³.

Если для значительной части бразильского интеллектуального сообщества¹⁹⁴, Бразилия была уникальной страной не только со значительной ролью пережитков традиционного общества, но и динамично развивающейся, модернизирующейся страной, то для крайне левых, которые широко использовали советскую политическую фразеологию, Бразилия представляла собой «полуколониальную и полуфеодальную страну». В такой ситуации интеллектуалы, принадлежавшие в разном политическом спектре, различно смотрели на саму проблему модернизации. Если для большинства интеллектуального сообщества, модернизация была продолжительным процессом формирования новой политической системы и новой политической культуры путем реформ при сохранении и укреплении национальной идентичности, то для левых был предпочтителен путь революции, которая определялась их идеологами, например, Луисом Карлосом Престесом, как «антиимпериалистическая и антифеодальная»¹⁹⁵.

Таким образом, в то время, как большая часть бразильского интеллектуального сообщества предлагала вариант политической модернизации, который базировался на континуитете политических институтов и традиций, преемственности политической культуры, то левые радикалы предлагали дискретный вариант, который перечеркивал более чем десятилетний период модернизации Ж. Варгаса и был чреват установлением в стране нового недемократического, леворадикального, авторитарного режима, который мог эволюционировать в тоталитаризм. В то время как крайне правые противники модернизации выступали за ее сворачивание и установление в Бразилии авторитарного, основанного на правых ценностях режима, крайне левые популяризировали левую альтернативу модернизации, в рамках которой они предлагали установить «народно-демократический строй».

Анализируя этот строй в леворадикальной интерпретации бразильских коммунистов, становится очевидным различие между модернизационными стратегиями военно-гражданских правительств и моделью предлагаемой коммунистами. Если политическая культура

¹⁹³ О влиянии советского коммунизма на эволюцию крайне левого дискурса в рамках политических процессах в Бразилии в середине XX века см.: Brandão G.M. *A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista (1920-1964)* / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997.

¹⁹⁴ О развитии интеллектуального сообщества в Бразилии см.: Jacks N. *Mídia Nativa. Indústria cultural e cultura regional* / N. Jacks. – Porto Alegre, 1998.

¹⁹⁵ Престес Л.К. *Коммунистическая Партия Бразилии в борьбе за мир...* – С. 90.

военно-гражданских режимов по сути своей оставалась плюралистической, не исключавшей не только участие в политической жизни оппозиции, но и само существование различных политических институтов, например – в форме политических партий, то политический режим, о котором, например, писал в 1950-е годы Л.К. Престес («по своей классовой сущности народно-демократический строй будет представлять собой диктатуру революционных, антифеодалных и антиимпериалистических сил, будет являться подлинно народной властью, властью большинства нации, руководимой рабочим классом и его коммунистической партией»¹⁹⁶), автоматически исключал не только политическое участие масс, но и само существование независимых политических институтов.

Такой политический строй, который был политическим идеалом крайне левых в Бразилии, мог быть установлен исключительно в результате государственного переворота (который в левой фразеологии, широко используемой коммунистами, позиционировался как «революция»), что свидетельствует о том, что политическая доктрина бразильских коммунистов развивалась как своеобразная дихотомия. С одной стороны, они стремились подчеркивать свою лояльность существовавшей в Бразилии политической культуре, позиционируя себя как ответственных и умеренных политиков. Поэтому, Л.К. Престес в период раннего политического транзита (вторая половина 1940-х годов), комментируя развитие политических процессов в Бразилии выступал за утверждение демократических процедур, отрицая неконституционные действия, в первую очередь – государственный переворот.

В 1945 году Л.К. Престес, например, заявлял, что «государственный переворот будет иметь реакционный характер и может привести к восстановлению диктаторского режима»¹⁹⁷. Отрицая государственный переворот, как неконституционный акт, левые радикалы в Бразилии, отрицали и такую политическую процедуру как выборы. В частности, в 1945 году Луис Карлос Престес в канун выборов подверг их результаты сомнению, заявив, что они не являются легитимными. Само понятие «легитимность» почти не получило развития в том типе политической культуры, которого придерживались на том этапе бразильские коммунисты.

В то время, как бразильские политики умеренной и демократической ориентации руководствовались тем насколько новые выборы пройдут честно и открыто, бразильские коммунисты уже до самого

¹⁹⁶ Престес Л.К. Коммунистическая Партия Бразилии в борьбе за мир... – С. 92.

¹⁹⁷ Цит. по: Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005. – С. 268.

факта выборов отказывали им в легитимности, руководствуясь только тем, что кандидаты не были членами коммунистической партии: «Дилемма – бригадир Эдуарду Гомес или генерал Гаспар Дутра – не интересует народ ни с какой точки зрения. Оба они – реакционеры»¹⁹⁸. С другой стороны, реальная деятельность левых была направлена на расшатывание основ существовавших в Бразилии политических режимов.

Такая политика привела к двойственным результатам. Во-первых, политические режимы в борьбе против политического вызова, исходившего из крайнего левого фланга смогли получить немалый опыт противостояния маргинальным вызовам и, в результате, укрепиться. В такой ситуации в Бразилии формировалась своеобразная политическая культура отторжения и неприятия крайне левой доктрины, постепенной ее маргинализации и выдавливания на периферию политического процесса. Во-вторых, позиции Коммунистической Партии, сводившиеся к отрицанию не только существовавших политических режимов, но и проводимой ими политики модернизации, автоматически лишало левых интеллектуалов возможности принимать участие в модернизационной политике и, как следствие, влиять на ее ход. В данной ситуации примечательно то, что Престес фактически начал отрицать культуру политического диалога и компромисса, которая начала складываться в Бразилии во второй половине 1950-х годов.

Используя в интересах крайне левых демократическую ориентацию других партий, например, Демократического национального союза, лидер которого Эдуардо Гомес, с одной стороны, о самом Л.К. Престесе отзывался как о «выдающемся человеке», а, с другой, «признавал полное право легального существования коммунистической партии»¹⁹⁹ Луис Карлос Престес фактически выступал за отказ от такой политической культуры, пропагандируя установление в Бразилии авторитарного (или даже тоталитарного) политического режима. Иными словами, игнорируя бразильскую специфику, местные левые радикалы предлагали такую стратегию политического развития, которая не просто не была модернизационной, но которая фактически не соответствовала тем политическим отношениям и той политической культуре, которая доминировала в Бразилии.

Примечательно то, что бразильские коммунисты интерпретировали политику правящих групп в Бразилии не как модернизационную, в то время, как сами политические элиты, находившиеся у власти, бы-

¹⁹⁸ Basbaum H. História Sincera de República de 1889. a 1930 / H. Basbaum. – Rio de Janeiro, 1958. – Vol. III. – P. 302.

¹⁹⁹ Prestes L.C. Problemas atuais da Democracia / L.C. Prestes. – Rio de Janeiro, 1949. – P. 347.

ли склонны позиционировать ее именно как модернизацию. С другой стороны, в период раннего политического транзита и левые маргиналы, и правящие режимы имели и развивали в значительной степени сходные политические цели. Бразильские левые радикалы так же декларировали свою приверженность «единству, демократии и мирному развитию»²⁰⁰, хотя в случае если речь заходила о конкретных политических действиях, то они редко соотносились с демократическими ценностями.

Для военно-гражданских режимов, взявших курс на демократизацию, политическими приоритетами были постепенное развитие бразильской политической системы в условиях внутренней стабильности при сохранении в политической культуре примата развития и диалога, а не революции и диктата. Для режимов, существовавших в Бразилии, например, в 1950-е годы модернизация была немыслима без постоянного укрепления национального суверенитета страны, с одной стороны, и привлечения новых инвестиций в модернизацию экономики, с другой. Крайне левые бразильские интеллектуалы интерпретировали два эти направления модернизационной политики полярно противоположно.

Луис Карлос Престес, например, в 1954 году, пытался доказать, что политика бразильских правительств (в его интерпретации – «господствующего паразитического меньшинства») была направлена на подрыв национальной независимости: «правительство Кафэ Фильо является диктатурой латифундистов, находящихся на службе у североамериканских монополистов и поджигателей войны»²⁰¹. С другой стороны, крайне левые бразильские радикалы, доказывая, что «только Коммунистическая партия решительно и смело поднимает знамя борьбы за свободу, за суверенитет, национальную независимость, в состоянии указать бразильскому народу правильное решение серьезных проблем, стоящих перед ним»²⁰², пытались монополизировать оппозиционный спектр политической оппозиции, вытеснив оттуда партии правой и демократической ориентации.

Анализируя особенности левого оппозиционного дискурса, направленного против проводимой гражданскими или военно-гражданскими режимами модернизации сверху, следует принимать во внимание, что этот дискурс практически никогда не был единым. Если на протяжении межвоенного периода шли дискуссии между троцкистами и сторонниками советского влияния, то после завершения

²⁰⁰ Prestes L.C. Problemas atuais da Democracia / L.C. Prestes. – Rio de Janeiro, 1949. – P. 94.

²⁰¹ Престес Л.К. Коммунистическая Партия Бразилии в борьбе за мир... – С. 89.

²⁰² Престес Л.К. Коммунистическая Партия Бразилии в борьбе за мир... – С. 89.

второй мировой войны левый дискурс стал более фрагментарным: к перечисленным течениям добавились маоисты. Постепенно тенденции к фрагментации возобладали и, с одной стороны, в силу внутренних противоречий, с другой, из-за отсутствия для маргиналов места в рамках военного режима, установленного в 1964 году (в результате свержения президента Жоау Гуларта), коммунистическая партия раскалывается на собственно коммунистов и на крайнюю группу «Действие за национальное освобождение», во главе которой стал Карлос Маригелла. Маригелла, наряду с Престесом, представляет еще один маргинальный дискурс в политической оппозиции модернизационным процессам. Появление в рамках альтернативного левого политического дискурса фигуры масштаба Карлоса Маригеллы свидетельствует о его значительной радикализации²⁰³.

Отличительная особенность деятельности Карлоса Маригеллы и «Действия за национальное освобождение» - проведение таких политических акций, который не вписывались в авторитарный вариант модернизации. В качестве формы своего политического участия Маригелла и его сторонники выбрали организацию и проведение террористических актов, нападение на полицейские и военные патрули, похищения и взятия заложников. В 1969 году в частности был взят в заложники посол США в Бразилии Чарлз Элбик, отпущенный в обмен на освобождение 15 членов бразильских крайне левых организаций. Подобные попытки интегрироваться, точнее – вклиниться, в политический процесс привели к ответной реакции со стороны военного режима. Военные взяли на вооружение тактику проведения массовых арестов и зачисток, в ходе одной из которых Маригелла, оказавший сопротивление при аресте, был убит.

В эволюции тактики крайних левых, которые группировались вокруг «Действия за национальное освобождение» следует выделять два этапа. Первый этап (середина 1960-х – начало 1969 года) связан с тем, что сторонники Маригеллы, будучи не в силах интегрироваться в политический процесс в городе, пытались использовать в качестве своей площадки периферию, то есть аграрные районы Бразилии. О необходимости разжигания классовых противоречий в аграрной местности и на волне недовольства занятия своего места в политических процессах писал Маригелла в статье «Проблемы и принципы нашей стратегии» (1969 год). Однако в 1969 году тактика левых меняется – Маригелла пишет небольшую брошюру (название которой на русский язык пере-

²⁰³ О тенденциях радикализации оппозиционного дискурса в Бразилии 1960-х годов см.: Nascimento D.M. Revisão crítica da tese do suicídio revolucionário / D.M. Nascimento // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 45 – 78.

водится различно – «Бразильская герилья» или «Краткий учебник городской герильи»), где утверждает, что приоритетной ареной борьбы за политическое участие должен стать город.

Как и более ранние бразильские коммунисты, радикализм участия своих сторонников в политической жизни страны, Маригелла мотивировал особенностями существовавшего политического режима («Хронический структурный кризис, характеризующий сегодняшнюю Бразилию и порожденная им политическая неустойчивость, привели к возникновению революционной войны. Революционная война проявляет себя в форме городской партизанской войны, психологической войны и сельской партизанской войны. Городская партизанская война и психологическая война в городе зависит от городского партизана. Городской партизан борется против военной диктатуры с оружием в руках с использованием нетрадиционных методов. Будучи политическим революционером и горячим патриотом, он является бойцом за освобождение своей страны, другом народа и свободы»)²⁰⁴, что было косвенным признанием того, что ни в рамках гражданского, ни военного политического режимов крайние бразильские левые не могли выработать четкий механизм демократического и добровольного участия.

Вместе добровольного участия на тех основаниях которые предлагались в рамках правящего режима бразильские радикалы выступали за радикальные политические изменения. Они полагали нужным провести замену в целом либерального, но буржуазного, режима – режимом иного типа («совершенно новой революционной социально-политической структуры с находящимся у власти вооруженным народом»). Маригелла полагал, что левые должны не просто саботировать модернизационные усилия военных (игнорирование и так не могло принести результатов в силу того, что военный режим не предлагал процедур для политического участия левых – поэтому саботаж был бы малоэффективен), а своими действиями минимизировать эффект от модернизационных мероприятий правящего режима: «принципиальная задача городского партизана состоит в том, чтобы отвлечь, измотать, деморализовать милитаристов, военную диктатуру и репрессивные силы... городской партизан не боится демонтировать и разрушить существующую в Бразилии экономическую, политическую и социальную систему»²⁰⁵.

²⁰⁴ Маригелла К. Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана. – М., 2003. – С. 5.

²⁰⁵ Там же. – С. 7.

В политической эволюции отношения бразильских крайне левых к модернизационной политике авторитарных гражданских, демократических гражданских и авторитарных военно-гражданских режимов следует выделять три этапа – первый (1930 – 1945), второй (1945 – середина 1960-х годов) и третий (середина 1960-х – середина 1980-х годов), ознаменованные соответственно невозможностью политического участия в виду запрета деятельности (1920-1930-е годы), активными попытками интегрироваться в политический процесс при сохранении идеологических концептов, которые этой интеграции препятствовали, постепенной маргинализацией и вытеснением на периферию политического процесса.

Истоки антимодернизационного настроения левых радикалов следует искать не в противоречиях между левыми и нелевыми политиками, а в несоответствии левой политической идеологии тем модернизационным процессам, которые направлялись авторитарными и демократическими (гражданскими и военно-гражданскими) политическими режимами – иными словами, крайне левые были наиболее последовательными оппонентами модернизационных концептов правящих режимов в виду того, что реализация этих концептов лишала левых социальной и политической базы.

Структурно бразильские левые никогда не представляли единой силы и группировались вокруг различных политических партий, союзов и объединений – поэтому, для политической эволюции бразильских левых была характерна постепенная внутренняя маргинализация и фрагментация, связанная с окончательным кризисом крайне левых концептов в политике, но некоторым ростом и усилением левой идеи среди представителей бразильского интеллектуального сообщества. Благодаря активности крайне левых в Бразилии сформировался особый оппозиционный дискурс, направленный против модернизации, что привело и к формированию особых типов политической лояльности и политической идентичности среди политиков и политических группировок левой ориентации, что свидетельствует о сосуществовании в Бразилии 1930 – 1980-х годов нескольких, полярно противоположных, типов политической культуры. Маргинализация левых политиков в Бразилии стала не результатом сознательной антилевой политики гражданских и военно-гражданских режимов – постепенной маргинализации способствовал целый ряд факторов, среди которых важнейшим был именно политический радикализм и неспособность крайних интеллектуалов интегрироваться в политические процессы.

Модернизационные процессы в Бразилии в рамках авторитарной модели

Особенности модернизации в условиях политической нестабильности в Бразилии во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов

К началу 1950-х годов политический дискурс в Бразилии уверенно контролировали политические элиты, выступавшие за модернизацию сверху. И хотя среди представителей бразильской правящей элиты не было единого мнения относительно того, в рамках какого политического режима, авторитарного или демократического, возможно создание максимально необходимых условий для проведения политической модернизации, они сходились на том, что этот процесс требует не только значительных экономических ресурсов, но и политической консолидации.

Консолидация правящих элит в Бразилии стала возможной в виду ослабления двух вызовов, которые ставили под сомнение ту модернизационную политику, которую, начиная с 1930-х годов, проводил Ж. Варгас. Этими вызовами были крайнеправый и крайнелевый, за каждым из которых стояла своя политическая культура и идентичность. Если правый дискурс опирался на интегралистскую идею²⁰⁶, бразильскую редакцию европейского континентального, в первую очередь – итальянского, фашизма, то второй, левый, дискурс, базировался на политическом максимализме левых радикалов. Интегрализм как по-

²⁰⁶ К тому времени интегрализм уже имел значительный политический опыт. См.: Arújo R.B. *Totalitarismo e Revolução. O integralismo de Plínio Salgado* / R.B. Arújo. – Rio de Janeiro, 1987; Lopes D.H. *Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público* / D.H. Lopes // RIC FFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2; Brito Silva G. *Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo* / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98; Caldeira J. *Integralismo e Política Regional* / J. Caldeira. – São Paulo, 1999; Calil G.G. *O integralismo no pós-guerra: a formação do PRP 1945 – 1950* / G.G. Calil. – Porto Alegre, 2001; Barbosa J.R. *A ascensão da ação integralista brasileira, 1932 – 1937* / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81; Cavalari R.M. *Integralismo: ideologia e organização de um movimento de massa no Brasil 1932 – 1937* / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999; Bertonha F. *A máquina simbólica do integralismo* / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7; Trindade H. *Integralismo. O Fascismo Brasileiro na Década de 30* / H. Trindade. – São Paulo, 1979; Vasconellos G. *Ideologia cupupira: análise do discurso integralista* / V. Vosconellos. – São Paulo, 1979; Chasin J. *O integralismo de Plínio Salgado* / J. Chasin. – São Paulo, 1978.

литическая, но не интеллектуальная доктрина, дискредитировал себя после завершения второй мировой войны.

В Бразилии продолжали существовать интегралистские движения и организации, был жив Плиниу Салгаду, периодически выходила литература, которая развивала идеи интегрализма. В интеллектуальной жизни страны сохранилось заметное интегралистское течение, но присутствие на интеллектуальном поле не означало автоматического политического участия. Бразильский интегрализм, начиная со второй половины 1940-х годов, переживал период затяжного упадка и политической маргинализации. С другой стороны, в Бразилии произошло ослабление и левого дискурса.

Политический левый дискурс в Бразилии окончательно распадается: выделяется социал-реформизм, сторонники которого не ставили под сомнение легитимность существующего политического режима и его право на проведение модернизационной политики. Бразильские правящие политические элиты и умеренно левые политики были втянуты в дискуссию, которая касалась не сути политической модернизации как таковой, а только ее отдельных аспектов. Наряду с умеренными политиками левой ориентации в Бразилии продолжали действовать и радикальные левые группы. Крайние левые, как и крайние правые, представляли заметное явление в интеллектуальной истории, формируя свою особую политическую идентичность и культуру. Реальная роль, которую могли играть крайние левые в Бразилии, постепенно сокращалась, что было связано не только с тем, что массы контролировали умеренные политики, но и тем, что модернизация, начатая Ж. Варгасом, начала давать свои результаты.

К началу 1950-х годов политический дискурс в Бразилии контролировали политические элиты, которые представляли собой выходцев из различных социальных групп и страт. Среди них были представители активно развивающихся предпринимательских кругов, представители крупной олигархии, представители штатов, интеллектуалы-гуманитарии и управленцы-технократы. Каждая из этих групп была связана с более или менее широкими массами, интересы которых они были вынуждены представлять. Кроме этого, и представители штатов, и представители олигархии, и выходцы из интеллектуального сообщества являлись носителями своих определенных политических культур.

Таким образом, за каждой из этих культур стояла и своя политическая идентичность. Эти политические элиты, которые, как мы видим, были гетерогенными, были интегрированы в разветвленную сеть вертикальных и горизонтальных связей, что выразилось в развитии отношений патроната и клиентелы. Эта система со всей очевидностью

проявилась в начале 1950-х годов, когда среди бразильских элит и в рамках интеллектуального сообщества началась дискуссия относительно экономической основы политической модернизации. Участники этих дебатов полагали, что решающую роль в качестве своеобразного экономического бэк-граунда для политических реформ будет играть нефтяная промышленность.

Значительная часть умеренных левых политиков, интеллектуалов и офицерского корпуса выступали за лидирующую роль государства, создание государственной монополии и проведении модернизации в форсированном темпе по инициативе государства. Другая группа полагала, что государству следует играть меньшую роль. Например, генерал Жуарэз Тавора²⁰⁷ считал необходимым сочетать некоторую роль государства как направляющего и координирующего фактора с активным проникновением иностранных корпораций. Свою позицию Жуарэз Тавора мотивировал особенностями развития бразильской экономики, которая, по его мнению, была слаба и не была готова к столь активной роли государства.

С другой стороны, сама политическая культура Бразилии и чрезвычайно раздробленный политический дискурс свидетельствовали скорее о правоте Ж. Таворы, чем его оппонентов, которые оказались более радикально настроены. Бразильские радикалы на том этапе группировались вокруг двух институтов, один из которых был официально институционализирован. Речь идет о Совете по защите нефти и национальной экономики. Вторая институция имела уже полуофициальный характер, пребывая на границе политического, интеллектуального и военного дискурсов. Этой институцией был Военный клуб Рио-де-Жанейро.

Участники Военного клуба стояли, как правило, на умеренных левых позициях, полагая, что коммунизм является важным вызовом и угрозой модернизационной политике. Они, в целом, сходились на необходимости «препятствовать распространению коммунизма в мире», полагая, что это следует делать не через военное противостояние и сдерживание, а именно через политическую и экономическую модернизацию. Иными словами, они считали необходимым выстроить такую систему, которая изначально способствовала бы маргинализации крайних левых²⁰⁸.

Именно в этой ситуации дефрагментированности и раздробленности бразильского политического дискурса прошли выборы прези-

²⁰⁷ Tavora J. *Petróleo para o Brasil* / J. Tavora. – Rio de Janeiro, 1955; Tavora J. *Produção para o Brasil* / J. Tavora. – Rio de Janeiro, 1957.

²⁰⁸ RCM. – 1950. – No 104.

дента Военного клуба – организации, которая хотя и существовала как узко корпоративная, но заявляла о своих политических амбициях. В результате президентом Военного клуба стал генерал Эстилак Леал, а вице-президентом Орта Барбоза. Таким образом, Вооруженные Силы продекларировали серьезность своих намерений и амбиций в корректировке политического дискурса. Армия, которого и до этого проявляла свои политические амбиции, заявила о том, что Вооруженным Силам тесно в рамках отведенного им дискурса внешней и внутренней обороны.

В начале 1950-х годов политические элиты в Бразилии начали активно использовать националистические лозунги. Например, генерал Эстилак Леал заявлял, что он является националистом, а его политическая позиция состоит в «защите национальных внешних и внутренних интересов»²⁰⁹. В 1950 году Военный клуб продекларировал, что военные организации должны перестать быть «увеселительными благотворительными обществами», но стать «организациями бдительного и активного класса готового защищать интересы... которые неотделимы от интересов нации и прогресса страны»²¹⁰. В начале 1950-х годов Вооруженные силы начинают более активно вмешиваться в политические процессы.

Военные теоретики продекларировали свою готовность «поддерживать политическую свободу, территориальную целостность, священное право самим определять свою судьбу, избирая путь, который лучше всего соответствует законным интересам нации»²¹¹. Иными словами, бразильский генералитет заявил не просто о своих политических амбициях. В некоторой степени была поставлена под сомнение легитимность правящих политических элит. Армия продекларировала свою готовность более активно участвовать в определении границ и в функционировании политического дискурса. В полемике со своими политическими оппонентами военные начали активно использовать националистическую риторику.

Сторонники последовательного политического участия армии стремились доказать, что «победила решимость превратить защиту национальных интересов и богатств против иностранных монополий... возобладали решимость поддерживать единство Вооруженных Сил с народом в их священной миссии защиты демократических идеалов, уважения воли народа против антипатриотической деятель-

²⁰⁹ RCM. – 1950. – No 107.

²¹⁰ RCM. – 1950. – No 107.

²¹¹ RCM. – 1950. – No 107.

ности сторонников государственных переворотов, которые маскируются стремлением защитить национальные интересы»²¹².

В бразильском политическом дискурсе начала 1950-х годов доминировал политический национализм, который базировался на необходимости конструирования новой политической идентичности, которая могла бы стать гарантией проведения успешной политической модернизации. Проблемы модернизации оказались и в центре предвыборной борьбы накануне президентских выборов. В 1950 году сложились две политические группировки, за которыми стояли элиты, связанные с различными социальными группами. Первую группировку возглавлял генерал Эдуарду Гомес, за которым стояла частично армия и крупный бизнес.

Во главе второй группы оказался Ж. Варгас с трабальистской партией. Кроме этого он пользовался поддержкой со стороны части Вооруженных сил и бразильского бизнеса. В результате президентских выборов новым президентом Бразилии стал Ж. Варгас. Победа Варгаса привела к расколу в бразильском политическом дискурсе. Часть бразильского генералитета настаивала на активном вмешательстве и отстранении Варгаса от власти. С другой стороны, Военный клуб, который активно начал вмешиваться в политические процессы, выступил против военного переворота. Среди бразильского офицерского корпуса возобладала точка зрения, что следует «поддерживать и гарантировать политические институты и конституционную законность»²¹³.

В 1950 году бразильские политические элиты оказались неготовыми к перевороту, хотя за пять лет до этого они уже пошли на отстранение Варгаса от власти. Президент Варгас в отличие от своего правления между двумя мировыми войнами стал более радикальным. Он, в частности, более активно, чем ранее, проводил политику, направленную на унификацию политического дискурса в Бразилии. Например, именно в рамках такой политики в Бразилии прошли судебные процессы над коммунистическими радикалами.

Иными словами, Варгас пытался застраховать свою модернизационную политику от левого вызова. С другой стороны, положение Варгаса было непрочным. Поэтому, он был вынужден искать компромисс с военными кругами. Варгас рекрутировал в состав бразильской политической элиты ряд высших военных чинов, среди которых были Гоис Монтейру (начальник Генерального штаба), Фиуза де Кастру

²¹² См. подробнее: Werneck Sodré N. Memórias de um soldado / N. Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1967. – P. 311.

²¹³ CO. – 1949. – March, 26.

(начальник штаба сухопутных войск), Ажиналду де Кастру (начальник военной канцелярии), Жуарэз Тавора (начальник Высшей военной школы), Ренату Жилобел (главнокомандующий ВМФ). Примечательно, что именно они и были причастны к свержению Варгаса в октябре 1945 года.

Подобная кадровая политика Варгаса, вероятно, подчеркивает то, что пространство для политического маневра в значительной степени сузилось, и он уже был не в состоянии и не в силах действовать исключительно самостоятельно. Таким образом, Варгас оказался вынужденным соотносить свою политику с позициями политических элит. Варгас стремился интегрировать военных в официальный политический дискурс, преследуя две цели: с одной стороны, обезопасить режим от военного вызова, и, с другой, разрушить политическую оппозицию, расколов ее путем привлечения армии на свою сторону.

В рамках такой политики Варгас пытался интегрировать Вооруженные силы в идеологический дискурс, часто акцентируя внимание на том, что армия является одним из важных элементов, образующих политический режим в Бразилии. Например, в 1954 году Варгас констатировал, что «в период войны и мира Вооруженные Силы Бразилии всегда выполняли свою высокую миссию и гарантировали своей дисциплиной и трудом атмосферу спокойствия и стабильности, которая необходима для функционирования демократических институтов»²¹⁴. С другой стороны, Варгас испытывал влияние со стороны националистического движения, которое оперировало лозунгами политического национализма.

О «растущей волне национализма»²¹⁵, которая охватила Бразилию, писал, в частности, и Нелсон Вернек Содре. Но это движение уже утратило свое единство. В военных организациях произошел раскол. Против Эстилака Леала выступили Алсидес Этчегойен и Нелсон дэ Мелу. Если Эстилак Леал выступал за активное политическое участие, то его оппоненты придерживались обратного мнения, полагая, что «деятельность Военного клуба не может быть использована отдельными группами в политических целях и не должна оказывать влияние на общественное мнение и конституционные власти... Военный клуб не должен стать центром беспорядков и агитации»²¹⁶.

В такой ситуации Вооруженные Силы в Бразилии оказались на грани политического раскола, в котором пресса обвинила сторонни-

²¹⁴ Henriques A. Ascensão a queda de Getúlio Vargas / A. Henriques. – Rio de Janeiro, 1966. – Vol. 3. – P. 116.

²¹⁵ Werneck Sodré N. Memórias de um soldado. – P. 298.

²¹⁶ DN. – 1951. – November, 6.

ков националистического течения. В частности, про Эстилака Леала писали, что его деятельность не соответствует национальным интересам, а его позиция вообще «соответствует линии коммунизма»²¹⁷. Параллельно политические элиты попытались обезопасить режим от левых вызовов. В рамках этой политики в 1952 году руководство Вооруженных Сил акцентировало внимание на том, что в Бразилии ведется «активная деятельность международного и антихристианского коммунизма», что свидетельствует о необходимости «постоянной бдительности против коммунистических действий»²¹⁸.

В этой ситуации Варгас полагал, что модернизационная политика, сторонником которой он являлся, испытывала опасность и со стороны внутренних политических вызовов, связанных с местными бразильскими радикалами. В январе 1952 года Варгас, например, констатировал, что «наши враги находятся не только за пределами страны, но и внутри нее»²¹⁹. В понимании политической элиты Бразилии того времени основная опасность исходила от коммунистического движения, что было вызвано отсутствием институционализации бразильского коммунизма, что вынуждало его сторонников действовать вне рамок существующего политического дискурса.

Тому, что бразильские коммунисты оказались вне правового поля, а их взгляды становились все более радикальными, способствовали репрессивные меры со стороны правительства Ж. Варгаса. Оппоненты президента, связанные с правящей политической элитой, указывали, что подобные меры не защищают страну от опасности коммунизма, а, наоборот, способствуют его укреплению. Например, один из лидеров национальных демократов Рафаэл Коррейя де Оливейра писал, что «систематический террор Варгаса может привести к возникновению опасности коммунистического восстания»²²⁰. Однако основная опасность режиму Варгаса на данном этапе исходила не от левых, а от Вооруженных Сил.

В 1954 году в Бразилии разгорелся острейший политический кризис, в результате которого произошел военный переворот, свергнувший президента Варгаса. В советской исследовательской традиции военный переворот 1954 года интерпретировался в категориях вмешательства США во внутренние дела Бразилии. Например, в 1973 году Ю.А. Антонов писал, что «факты непосредственного участия импе-

²¹⁷ JB. – 1952. – April, 15.

²¹⁸ Congresso Nacional. Anais da Câmara dos deputados. 1952. – Rio de Janeiro, 1953. – Vol. VI (Sessões de 5 a 9 de maio). – P. 547.

²¹⁹ Congresso Nacional. Anais da Câmara dos deputados. 1952. – Rio de Janeiro, 1953. – Vol. I (Convocação). – P. 73.

²²⁰ DN. – 1953. – January, 1.

риализма США в свержении правительства Варгаса несомненны... государственный переворот явился общей частью политики правящих кругов США, начавших новое наступление против национально-освободительного движения в Латинской Америке»²²¹.

Вероятно, причины свержения Варгаса лежат в несколько иной плоскости. Варгас переоценил не только свои возможности, но и возможности бразильской политической системы и экономики в целом. Те модернизационные модели и ускоренные темпы модернизации, на которых настаивал Варгас и которые он в первой половине 1940-х годов попытался реализовать, для Бразилии того времени оказались непосильными. Политический модернист и экспериментатор Варгас вступил в конфликт с устоявшимися политическими культурами и идентичностями, которым противопоставил не слишком понятный и очевидный модернизационный проект. Именно поэтому, в 1954 году ведущие офицеры и генералы требовали добровольной отставки Варгаса.

Примечательно, что в 1954 году в рядах офицерского и генеральского корпуса бразильской армии не было единства относительно необходимости принудительного отстранения от власти президента Варгаса. Например, сторонник националистического течения Э. Леал указывал на то, что «долг солдат состоит в поддержании законного порядка и обеспечении сохранения общественных свобод, в оказании сопротивления любым попыткам совершения государственного переворота»²²². 24 августа министр обороны Зенобиу да Коста заявил о готовности Варгаса добровольно покинуть президентский пост, хотя консультации по этому вопросу продолжались, а сам Варгас не принял к тому времени окончательного решения.

Узнав об этом, президент понял, что политический дискурс Бразилии, с одной стороны, пребывает на грани раскола, а, с другой, армия готова выступить против него. В такой ситуации Варгас принял решение, которое в одинаковой степени было невыгодно и для него и для его противников. Армия, поставив под сомнение легитимность законно избранного президента, попыталась тем самым совершить попытку переворота, дабы принудить Варгаса передать власть Вооруженным силам, то есть придать новому режиму легитимный характер. Понимая, что это будет признанием собственного поражения, Жетулиу Варгас, легитимно избранный президент, застрелился.

²²¹ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика (исторический очерк) / Ю.А. Антонов. – М., 1973. – С. 144, 146.

²²² Werneck Sodré N. Memórias de um soldado. – P. 445.

В результате в Бразилии начался затяжной политический кризис. В кризисе Варгас, в своей предсмертной записке, обвинил политическую оппозицию: «тайная кампания, которую развернули против моего правительства международные группировки в союзе с национальной реакцией, мешала работе правительства»²²³. Варгас обвинял своих политических оппонентов в расколе политического дискурса, в отказе от националистических ценностей ради своих экономических интересов: «законопроект об ограничении прибылей не был принят... не был проведен пересмотр заработной платы»²²⁴. Характеризуя политическую направленность оппозиции, Варгас писал, что «она не хотела, чтобы трудящиеся жили свободно, не хотела, чтобы народ стал независимым»²²⁵.

Итак, самоубийство Варгаса ввергло страну в глубокий политический кризис. Его острота спала только после выборов в конгресс, прошедших в октябре 1954 года. Выборы в некоторой степени очертили границы нового политического дискурса в Бразилии, что было отмечено началом временного доминирования гражданских политиков. Эта гегемония светских националистов выразилась в том, что в президентских выборах принимали участие почти исключительно гражданские политики. С одной стороны, от национально-демократического союза, христианских демократов и правых социальных демократов на пост президента и вице-президента баллотировались Жуарéz Тавора и Милтон Кампос.

Трабальисты и левые социальные демократы в качестве своих кандидатов выдвинули Жуселину Кубичека и Жоау Гуларта. Из них только Ж. Тавора был профессиональным военным. На самом выборе этих кандидатов отразилась специфика бразильского алирана. В то время, как Жуарéz Тавора и Милтон Кампос были потомками романоязычных европейских эмигрантов, то Жуселино Кубичек и Жоау Гуларт принадлежали к потомкам европейских эмигрантов, прибывших в Бразилию в конце XIX века – Кубичек имел чешские, а Гуларт – немецкие корни. Хотя в период выборов специфика их идентичности почти никакой роли не играла.

Жуселину Кубичек и Жоау Гуларт выступали как сторонники продолжения той модернизационной политики, которую проводил Варгас. Президентские выборы состоялись 3 октября 1955 года. По их итогам Ж. Кубичек и Ж. Гуларт получили 3077411 и 3591409 голосов,

²²³ Zenha Machado F. Os últimos dias do govêrno de Vargas (A Crise política de agosto de 1954) / F. Zenha Machado. – Rio de Janeiro, 1955. – P. 129.

²²⁴ Zenha Machado F. Os últimos dias do govêrno de Vargas. – P. 130.

²²⁵ Ibid. – P. 130.

а Ж. Тавора и М. Кампос – 2610462 и 3384739 голосов²²⁶. Эти результаты снова поставили относительно консолидированный политический дискурс в Бразилии на грань раскола. Адмирал Пена Бото выступил с обращением «К бразильским патриотам», где призывал не допустить занятия Ж. Кубичеком и Ж. Гулартом постов президента и вице-президента. Пена Бото²²⁷ поставил под сомнение итоги выборов, предположив, что Кубичек и Гуларт «победили при помощи коммунистов»²²⁸.

Этот антикоммунистический нарратив²²⁹ широко и активно использовался правыми политиками, стремившимися доказать невозможность передачи власти Кубичеку и Гуларту. Например, Карлос Ласерда полагал, что «восстановление демократии» в Бразилии будет возможно не в случае реального прихода к власти победивших кандидатов, но в результате «установленной на определенный срок военной диктатуры, уважающей права и свободы»²³⁰. В такой ситуации противники победивших кандидатов начинают подготовку государственного переворота. Первым их успехом было то, что они вынудили уйти в отставку военного министра, генерала Тешейра Лотта. Вторым их достижением было то, что военное министерство возглавил противник Кубичека генерал Алвара Фиуза дэ Кастру.

Генеральный штаб возглавил Адемар де Кейроз, который разделял позиции противников Ж. Кубичека. Однако, противники Кубичека не успели совершить государственный переворот: в ночь с 10 на 11 ноября 1955 года войска, верные генералу, Т. Лотту, окружили президентский дворец и правительственные здания в Рио-де-Жанейро. Генерал Лотт опубликовал заявление, где интерпретировал свои действия как «попытку наведения порядка»²³¹. Во второй половине 1950-х

²²⁶ Статистические данные результатов выборов приведены по: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. – С. 153.

²²⁷ Пена Бото был последовательным правым политиком. О нем, в частности, писал Плиниу Солгаду, указывая, что «за последние годы в Бразилии против коммунизма открыто боролись лишь два человека – Пена Бото и я». См.: Salgado P. Livro verde de minha campanha / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1956. – P. 165.

²²⁸ O Globo. – 1955. – October, 14.

²²⁹ О политической традиции антикоммунизма в Бразилии см.: Conçalves M. O anticomunismo no Brasil / M. Conçalves // HQD. – 2003. – No 39. – P. 277 – 281; Motta R. Em guarda contra a “perigo vermelho”: o anticomunismo no Brasil, 1917 – 1964 / R. Motta. – São Paulo, 2002; Oliveira R.S. de, “Perante i Tribunal da História”: o anticomunismo da Ação Integralista Brasileira / R.S. de Oliveira. – Porto Alegre, 2004; Silva C.L. Anticomunismo Brasileiro: Conceitos e Historiografia / C.L. Silva // RTH. – 2000. – Vol. 2. – No 1. – P. 195 – 228; Silva C.L. Onda vermelha: imaginários anticomunistas brasileiros, 1931 – 1934 / C.L. Silva. – Porto Alegre, 2001.

²³⁰ O Cruzeiro. – 1964. – March, 19.

²³¹ CM. – 1955. – November, 11.

годов в Бразилии происходит активная политизация Вооруженных Сил, которые начинают более активно и открыто принимать участие в политических процессах. Действия армии в 1955 году показали, что военные являются силой, которая способна не просто принимать участие в политических процессах, но и направлять их.

Поэтому, на выборы 1960 года в качестве кандидата на пост президента выступил маршал Тешейра Лотт, который баллотировался с Жоау Гулартом, претендовавшим на пост вице-президента. Их оппонентом был губернатор штата Сан-Паулу Жаниу Куадрос, которого поддерживали национальные и христианские демократы. В результате выборов президентом стал Жаниу Куадрос, а вице-президентом – Жоау Гуларт. В проведении своей политики Куадрос опирался на сторонников ограниченной модернизации сверху. Его поддержали консервативно настроенные генералы, выступавшие за ограниченную реставрацию тех методов политической модернизации, которые использовались в период правления Ж. Варгаса. Кроме этого Ж. Куадрос в значительной степени пересмотрел механизмы формирования политической элиты: был ограничен доступ к принятию и реализации политических решений со стороны нелояльной части офицерского корпуса, особенно – левоориентированных офицеров Вооруженных Сил.

В частности из армии были уволены 19 генералов и 60 офицеров ВВС, 12 адмиралов, 40 генералов и 20 офицеров сухопутных войск. С другой стороны, была существенно ограничена деятельность и главного политического неформального института Вооруженных Сил: семь из двенадцати директоров Военного клуба были переведены в отдаленные гарнизоны. Внешняя политика гражданско-военного режима президента Ж. Куадроса вызвала неоднозначную реакцию среди бразильского общества. Сторонники технократической модернизации в целом позитивно отнеслись к идее президента установить дипломатические отношения с Советским Союзом и Китаем, полагая, что сотрудничество с этими странами может позитивно отразиться в первую очередь на экономической и технологической модернизации.

Такие внешнеполитические инициативы привели к активизации правого политического дискурса в Бразилии, представленного противниками возможного сближения с государствами, где у власти пребывали недемократические режимы. Настроения этой части общества озвучил 24 августа 1961 года К. Ласерда, заявив, что политика Куадроса «является антинациональной деятельностью»²³², а сам он стре-

²³² Lacerda C. Poder das idéias / C. Lacerda. – Rio de Janeiro, 1962. – P. 317.

мится «установить личную диктатуру»²³³. Под давлением со стороны активизировавшейся оппозиции 25 августа 1961 года Ж. Куадрос был вынужден уйти с поста президента. После этого правыми бразильскими политиками была предпринята попытка консолидировать новый политический режим вокруг группы правоориентированных офицеров во главе с маршалом О. Денизом.

С другой стороны, были предприняты меры, направленные на недопущения возвращения в страну вице-президента Ж. Гуларта, который на момент отстранения от власти Ж. Куадроса находился за рубежом. На стороне Ж. Гуларта выступили бразильские регионалисты – губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул Леонел Бризола привлек на свою сторону часть бразильского генералитета, что привело к тому, что правые не смогли окончательно подчинить политический дискурс и, поэтому, 7 сентября 1961 года полномочия президента были переданы Жоау Гуларту. Приступив к исполнению обязанностей президента Жоау Гуларт столкнулся с тем, что его полномочия оказались сокращенными, что выразилось в увеличении прерогатив Конгресса и росте влияния на политические процессы со стороны Вооруженных Сил.

В такой ситуации перед Ж. Гулартом стояла задача реставрации полномочий президента. Ослабление президентской власти существенно сказалось и на темпах политических модернизационных процессов, что выразилось в их замедлении. В январе 1963 года Ж. Гуларт инициировал проведение референдума, который привел к восстановлению полномочий президента в прежнем объеме. Увеличение функций президента сопровождалось и процессами значительной политической активизацией тех слоев бразильского общества, которые до этого играли незначительную роль.

С одной стороны, наметились тенденции для большей политизации Вооруженных Сил. В частности, 16 января 1963 года в Сан-Паулу прошел митинг, в котором приняли участие низшие чины армии и солдаты. Во время проведения митинга Президент Социального центра О. Вернек констатировал рост роли армии в политических процессах, широко и активно используя социальную риторику: «мы перестали быть орудием богачей в преследовании трудового народа, который ведет борьбу за свои права... ушло то время, когда нас использовали только для разгона собраний и демонстраций»²³⁴. Сержант Филомено Перейра де Андради констатировал, что «настоящая власть в

²³³ Lacerda C. Poder das idéias. – P. 331.

²³⁴ NR. – 1963. – January, 25 – 31.

армии находится в руках сержантов»²³⁵, что дало повод оппонентам президента заявить о «коммунистическом проникновении» в вооруженные силы²³⁶.

В мае 1963 года военные на митинге в штате Гуанабара приняли «Манифест к бразильскому народу», где декларировалось, что «участие унтер-офицеров, капралов и сержантов стало новым фактором в истории Бразилии». Кроме этого была озвучена и готовность поддерживать политику модернизации, инициатором которой был действующий президент: «если политические реакционеры из меньшинства попытаются затормозить проведение реформ, то мы, сержанты и офицеры, как настоящие националисты... сами проведем реформы вместе с народом»²³⁷. Таким образом, в вооруженных силах начались процессы постепенного крена политических предпочтений в армии влево (генерал Пери Бевилакуа назвал это «растущим политическим влиянием профсоюзов и коммунистов в казармах»²³⁸), что вело к ее радикализации, активному сочетанию идей политического гражданского национализма с идеями социального популизма. Все эти факторы свидетельствовали о том, что в бразильском трабальлизме складывался новый радикальный политический дискурс.

С другой стороны усилились тенденции формирования и оппозиционного, правого, политического дискурса, что проявилось, в частности, в публикации в январе 1963 года воззвания «К славным Вооруженным Силам Бразилии». В то время, как левый дискурс в Вооруженных силах был представлен рядовыми и низшими чинами, правый формировался за счет офицерского корпуса страны. Противники массового политического участия армии выступали за ограничение деятельности в среде Вооруженных Сил организаций связанных с гражданскими политическими партиями и движениями, в первую очередь – левой ориентации.

В воззвании 1963 года, например, констатировалось, что правительство Ж. Гуларта проводит некомпетентную политику, ведущую к усилению левых политических группировок в условиях «подрывной деятельности посольства СССР»²³⁹. Кроме этого правоориентированные офицеры настаивали, что, благодаря ошибкам, допущенным Ж. Гулартом, в Бразилии возникла реальная «опасность подчинения

²³⁵ Nr. – 1963. – January, 25 – 31.

²³⁶ Victor M. Cinco anos que abalaram o Brasil (de Jânio Quadros ao Marechal Castello Branco) / M. Victor. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 434.

²³⁷ Terra livre. – 1963. – Junho.

²³⁸ Victor M. Cinco anos que abalaram o Brasil. – P. 434.

²³⁹ A Revolução de 31 de Março. – Rio de Janeiro [n.d.]. – P. 5.

страны международной тирании Советского Союза»²⁴⁰. После того, как Ж. Гуларт смог восстановить полномочия президента наметились тенденции консолидации оппозиционного политического дискурса.

В 1963 году институционализируется Военно-гражданский патриотический фронт. Основной политической целью фронта стало провозглашение в Бразилии «новой республики» в результате разрушения системы, основанной на «коррупции, продажности и коммунизме»²⁴¹. Таким образом, правые не настаивали на отказе от модернизационной политики, выступая исключительно за ее корректировку. Как и левые, бразильские правые, сочетая социальные идеи с политическим национализмом, активно использовали лозунги популизма, настаивая на необходимости прихода в политику «большинства нации и армии»²⁴² и создании политического режима, основанного на «единстве вооруженных сил и народа»²⁴³.

В 1964 году бразильские правые начали предпринимать реальные шаги, направленные на реализацию своих политических целей, что нередко выливалось в репрессии, в том числе, направленные и против военных интеллектуалов²⁴⁴. В марте 1964 года начальник штаба сухопутных войск генерал Кастелу Бранку разослал по воинским частям циркуляр, где указывал о том, что задачей Вооруженных Сил является противодействие «антидемократическим подрывным действиям в интересах фашистской диктатуры и коммунистического синдикализма»²⁴⁵. 30 марта 1964 года генералы направили президенту Жоау Гуларту ультиматум, в котором требовали положить конец акциям протеста, угрожая в случае отказа взять на себя политические функции и ответственность по борьбе против установления в Бразилии «синдикалистско-коммунистической диктатуры»²⁴⁶.

Весной 1964 года настроения в рядах армии стали более радикальными: Вооруженные Силы последовательно отдаляются от гражданского режима, готовясь к принятию радикальных мер, связанных с

²⁴⁰ A Revolução de 31 de Março. – P. 6.

²⁴¹ Oliveiros S. Ferreira. As fôrças armadas e o desafio da Revolução / Oliveiros S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964. – P. 138.

²⁴² Oliveiros S. Ferreira. As fôrças armadas e o desafio da Revolução. – P. 140.

²⁴³ Oliveiros S. Ferreira. As fôrças armadas e o desafio da Revolução. – P. 142.

²⁴⁴ Werneck Sodr  N. A f ria de Calib : Mem rias do golpe de 64 / N. Werneck Sodr . – Rio de Janeiro, 1994; Werneck Sodr  N. Vida e Morte da ditadura: 20 anos de autoritarismo no Brasil / N. Werneck Sodr . – Rio de Janeiro, 1984.

²⁴⁵ Glauco Carneiro. Historia das Revolu es brasileiras / Glauco Carneiro. – Rio de Janeiro, 1966. – Vol. 2. – P. 566.

²⁴⁶ Glauco Carneiro. Historia das Revolu es brasileiras. – P. 626.

его свержением²⁴⁷. 31 марта 1964 года генералы Олимпиу Моурау Фильу и Карлос Луис Гедес, а так же маршал Одилиу Дениз начали вооруженный мятеж в штате Минас-Жерайс. Вооруженные Силы потребовали запрещения Коммунистической Партии, заявив о своей готовности вернуться в казармы. В заявлении лидеров армии подчеркивалось, что действия войск направлены исключительно на «утверждение демократических принципов... на нейтрализацию деятельности коммунистов, которые проникли в некоторые правительственные структуры, в руководство профсоюзов с планами захвата власти»²⁴⁸. Военное движение постепенно превратилось в широкое движение социального и политического протеста, направленного против «коммунистов и профсоюзов за демократию и свободу»²⁴⁹.

В такой ситуации президент Жоау Гуларт был вынужден отказаться от власти, передав полномочия председателю палаты депутатов Р. Мадзилли. Таким образом, в 1964 году Вооруженные Силы подчинили политический дискурс в Бразилии, положив начало доминированию военно-гражданских правительств, которые, продолжая политику модернизации, внесли в ее проведение существенные коррективы.

²⁴⁷ О политическом кризисе, который привел к перевороту 1964 года, см.: Bandeira M. O governo João Goulart e o golpe de 64 / M. Bandeira. – Rio de Janeiro, 1978; Figueiredo A. Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política: 1961-1964 / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993; Lanni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Lanni. – Rio de Janeiro, 1968; Jurema A. Sexta-feira, 13 – Os últimos dias do governo João Goulart / A/ Jurema. – Rio de Janeiro, 1964; Santos W. Sessenta e quatro: anatomia da crise / W. Santos. – Rio de Janeiro, 1986; Skidmore Th. Brasil: de Getúlio a Castelo / Th. Skidmore. – Rio de Janeiro, 1982; Toledo C. O governo Goulart / C. Toledo. – São Paulo, 1982.

²⁴⁸ Tavora A. Brasil, 1 de abril / A. Tavora. – Rio de Janeiro, 1964. – P. 125.

²⁴⁹ Moniz E. O Golpe de abril / E. Moniz. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 61.

Авторитарная модель модернизации в Бразилии (1964 – 1970-е гг.)

В 1964 году Вооруженные Силы Бразилии не просто заявили о своей решимости и готовности быть участниками политического процесса, но и предприняли реальные шаги для того, чтобы поставить политический дискурс под реальный контроль армии²⁵⁰. Гражданский президент Жоау Гуларт в значительной степени повторил судьбу отстраненного в середине 1940-х годов от власти Жетулиу Варгаса. Такая «преемственность» свидетельствовала о двух тенденциях в политической жизни Бразилии. С одной стороны, та модернизационная модель, на которую опирались гражданские президенты и стоящие за ними политические элиты, отвечала интересам и политическим предпочтения не всего бразильского общества. С другой стороны, постоянное вмешательство в той или иной форме армии в политические процессы доказывало, что бразильский генералитет не был готов к тому, чтобы строго придерживаться границ того политического дискурса и пределов того политического участия, который очертили для него гражданские политические элиты.

Именно поэтому армия пошла на отстранение от власти президента Жоау Гуларта в ночь с 31 марта на 1 апреля 1964 года. Военный переворот 1964 года²⁵¹, установив в политическом дискурсе страны доминирование армии почти на двадцатилетний период²⁵², не привел к мгновенным и радикальным политическим изменениям²⁵³. Воору-

²⁵⁰ О политической роли армии в Латинской Америке см.: Agüero F. *Militares, civiles y democracia* / F. Agüero. – Madrid, 1995; Atria R. *Estado, militares y democracia* / R. Atria // FAS. – 2000. – Vol. 15. – No 1. – P. 39 – 46; Varas A. *La autonomia militar em América Latina* / A. Varas. – Caracas, 1988; Finer S.E. *The Man on Horseback: the Role of Military in Politics* / S.E. Finer. – Boulder, 1988; Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies* / S.P. Huntington. – New Haven – L., 1968; Huntington S.P. *The Soldier and the State* / S.P. Huntington. – NY., 1952; Janowitz M. *The Professional Soldier* / M. Janowitz. – NY., 1960.

²⁵¹ О перевороте 1964 года см. подробнее серию публикаций нарративных источников, которые отражают различные тренды в функционировании политического дискурса. *Visões do Golpe. A Memória Militar sobre 1964.* / orgs. M.C. D'Araújo, G.A.D. Soares, C. Castro. – Rio de Janeiro, 1994; *Os Anos de Chumbo. A Memória Militar sobre a Repressão* / orgs. M.C. D'Araújo, G.A.D. Soares, C. Castro. – Rio de Janeiro, 1994. См. так же: *Bandeira M. O governo João Goulart e o golpe de 64* / M. Bandeira. – Rio de Janeiro, 1978; *Dreifuss R. 1964: a conquista do Estado* / A. Dreifuss. – Petrópolis, 1981; *Moraes D. de, A esquerda e o golpe de 1964* / D.de Moraes. – Rio de Janeiro, 1989; *Parker Ph. 1964: o papel dos estados unidos no golpe de 31 de março* / Ph. Parker. – Rio de Janeiro, 1977.

²⁵² О доминировании военных в политических процессах см.: *Castro C. The Military and Politics in Brazil: 1964-2000* / C. Castro. – Oxford, 2000.

²⁵³ О военных переворотах в контексте политических процессов в Латинской Америке см.: *Farcau B.W. The Coup: Tactics and Seizure of Power* / B.W. Farcau. – Westport, 1994;

женные Силы, наоборот, подчеркивали внешнюю преемственность между новым режимом и правлением Ж. Гуларта. В частности были сохранены выборные политические институты, которые начали действовать еще при Ж. Гуларте. Военный переворот 1964 года привел к значительным изменениям в расстановке политических сил, сохранив бразильский политический дискурс в расколотом и фрагментированном состоянии. Ответственность за переворот военные возложили на политику Жоау Гуларта, декларируя, что «виновниками тяжелого положения, в котором оказалась страна, являются продажные гражданские политики, которые допустили, что коммунисты оказались во главе народного движения»²⁵⁴. Победа и институционализация в результате переворота военного режима ознаменовала собой не только сохранение приверженности нового режима к политике модернизации²⁵⁵, но означала и внесение существенных корректировок в проведение модернизационного курса.

В результате военного переворота в Бразилии начала доминировать умеренная линия, направленная на модернизацию сверху в условиях активного сотрудничества армии с интеллектуалами-технократами²⁵⁶ и использовании опыта западных демократий²⁵⁷. Кроме этого военный переворот избавил политический дискурс в Бразилии от угроз как с крайнего правого, так и левого флангов. Бразильские правые политики были склонны солидаризироваться с действия-

Luttwack E. Coup d'Etat. A Practical Handbook / E. Luttwack. – Cambridge (Mass.), 1968; The Political Influence of Military / eds. A. Perlmuter, V. Plave Barette. – New Haven, 1980.

²⁵⁴ Faust J.J. A Revolução devora seus presidentes / J.J. Faust. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 124.

²⁵⁵ О военных концепциях модернизационной политики см.: Golbery do Couto e Silva. Geopolítica do Brasil / Golbery do Couto e Silva. – Rio de Janeiro, 1967; Francisco Ferreira de Castro. Modernização e democracia (O desafio brasileiro) / Francisco Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969.

²⁵⁶ О технократическом дискурсе военного режима и технократических трендах в его модернизационной стратегии см.: Aquino M.A. de, A especificidade do regime militar brasileiro: abordagem teórica e exercício empírico / M.A. de Aquino // Intelectuais, história e política (séculos XIX e XX) / ed. D.A. Reis Filho. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 271 – 289; Freire Junior O. Sobre a relação entre regimes políticos e desenvolvimento científico: apontamentos para um estudo sobre a história da C&T durante o regime militar brasileiro / O. Freire Junior // FRHEC. – 2007. – Vol. 4. – No 3 // <http://revistafenix.pro.br>

²⁵⁷ Об отношениях между гражданскими и военными политическими трендами см.: Civil-Military Relations / ed. C.L. Cochran. – L., 1974; New Military-Civil Relations / eds. J. Lovell, P. Kronenberg. – New Brunswick, 1974; Political-Military Systems / ed. C. McArdle Kelleher. – Beverly Hills – L., 1974; Feaver P.D. The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civil Control / P.D. Feaver // AFS. – 1996. – Vol. 23. – No 2. – P. 149 – 178; The Military and Nation-Building in the Age of Democracy / ed. K. Koonings, D. Kruijt. – L., 2002; The Military and Democracy / eds. L. Goodman, J. Mendelson, J. Rial. – Mass., 1990; Schiff R.L. Civil-Military Relations Reconsidered: a Theory of Concordance / R.L. Schiff // AFS. – 1995. – Vol. 22. – No 1. – P. 7 – 24.

ми армии, в которой видели наилучшую гарантию от возможной левой угрозы. Что касается бразильских левых, то в результате переворота они искусственно были выведены за пределы политического дискурса, что лишило их возможности оказывать реальное влияние на политические процессы.

Стремясь придать большую легитимность произошедшим изменениям и институционализируя новый политический режим²⁵⁸, армия не возражала против того, чтобы обязанности президента начал соблюдать председатель Палаты депутатов Р. Мадзилли. Таким образом, была соблюдена внешняя преемственность и легитимность при передаче власти. С другой стороны, Р. Мадзилли играл номинальную роль, так как реальная власть перешла Верховному революционному командованию, сформированному главнокомандующими тремя родами войск в бразильских Вооруженных Силах. В состав Командования вошли генерал Коста э Силва (сухопутные войска), вице-адмирал Аугусту Радемакер Грюневальд (ВМФ) и бригадный генерал Франсиску дэ Ассиз Корейя дэ Мелу (ВВС).

Спустя немногим более недели Верховное революционное командование издает Институционный Акт, призванный окончательно узаконить военный переворот. В Институционном Акте, в частности, декларировалось: «победоносная революция узаконила сама себя в качестве учредительной власти... она не ограничена никакими предыдущими нормами... руководители революции, которая победила благодаря действиям Вооруженных Сил и поддержки нации... представляет интересы народа и от его имени осуществляет власть»²⁵⁹.

Таким образом, бразильская армия подчеркивала свою причастность к революционной политической традиции, активно оперируя революционной риторикой, сочетая их с приверженностью лозунгам политического национализма. С другой стороны, Институционный акт имел более далеко идущие последствия чем формирования позитивного политического имиджа нового военного режима. Важнейшим политическим результатом появления Акта было то, что Верховное революционное командование получила реальные основания для от-

²⁵⁸ См. подробнее о политическом участии армии в Латинской Америке: Andreski S. On the Peaceful Disposition of Military Dictatorship / S. Andreski // JSS. – 1980. – Vol. 30. – No 9. – P. 3 – 10; Brooker P. Non-Democratic Regimes: Theory, Government, Politics / P. Brooker. – NY., 2000; Kemp K.W., Hudlin C. Civil Supremacy over the Military: its Nature and Limits / K.W. Kemp, C. Hudlin // AFS. – 1992. – Vol. 19. – No 1; Sundhaussen U. The Military: A Threat to Democracy? / U. Sundhaussen // AJPH. – 1998. – Vol. 44. – No 3. – P. 329 – 349; World Perspectives in the Sociology of Military / eds. G.A. Kouvertaris, B.A. Dobratz. – Brunswick, 1977.

²⁵⁹ Glauco Carneiro. Historia das Revoluções brasileiras. – P. 647.

мены Конституции и выстраивания нового политического режима не просто фактически, но и юридически.

Кроме этого военный режим пытался временно гарантировать себя от внутренних вызовов, ограничив права граждан в сфере обжалования действия военных властей²⁶⁰. Подобные полномочия военные получили благодаря десятой статье Акта, в которой декларировалось, что «в интересах мира и национальной чести, без ограничений, которые предусмотрены в Конституции, главнокомандующие родами войск, подписавшие этот акт, в праве отменить политические права сроком до десяти лет и аннулировать мандаты членов федеральных и муниципальных законодательных органов в штатах... судебное рассмотрение таких актов исключается»²⁶¹.

После опубликования Акта со стороны режима последовал ряд мероприятий, которые привели к вмешательству государства в сферу политических и гражданских прав, что выразилось в ограниченных репрессиях против коммунистических радикалов²⁶². Кроме этого часть политических деятелей была лишена гражданских прав сроком на десять лет. Некоторые губернаторы, сенаторы и депутаты были вынуждены досрочно сложить свои полномочия. Наряду с реально опасными радикальными коммунистическими группировками были запрещены и некоторые умеренные демократические организации.

Издание Институционного Акта ознаменовало и изменения в сфере электоральных процедур: было отменено прямое избрание президента. Вместо этого учреждался новый порядок избрания главы государства большинством депутатов Национального Конгресса. Вооруженные Силы, иницировавшие появление Институционного Акта, фактически исключили из участия в борьбе за пост президента гражданских кандидатов. Кроме этого чистке были подвергнуты и сами Вооруженные Силы: армию покинули более трех тысяч офицеров,

²⁶⁰ О военно-гражданских отношениях в условиях доминирования армии см.: The Soldier and State in Latin America. Essays in Military-Civil Relations / ed. P. Silva. – L., 2001; Arceneaux C.L. The Military in Latin America / C.L. Arceneaux // Developments in Latin America Political Economy / eds. J. Buxton, N. Miller. – Manchester, 1999. – P. 93 – 111; Fitch J. The Armed Forces and Democracy in Latin America / J. Fitch. – Baltimore, 1998; Lai B., Slater D. Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute initiation in Authoritarian Regimes, 1950 – 1992 / B. Lai, D. Slater // AJPS. – 2006. – Vol. 50. – No 1. – P. 113 – 126; Rial J. Armies and Civil Societies in Latin America / J. Rial // Civil-Military Relations and Democracy / eds. L. Diamond, M. Plattner. – Baltimore, 1996. – P. 47 – 65; Silva P. Searching for Civilian Supremacy: the Concertación Governments and the Military in Chile / P. Silva // BLAR. – 2002. – Vol. 21. – No 3. – P. 375 – 395.

²⁶¹ Glauco Carneiro. Historia das Revoluções brasileiras. – P. 648.

²⁶² См. подробнее: Ferreira J.R. Os novos bárbaros: análise do discurso anticomunista do Exército brasileiro / J.R. Ferreira. – São Paulo, 1986. Dissertação de Mestrado em Ciências Sociais.

среди которых был 21 генерал и 12 адмиралов²⁶³. С другой стороны в рядах самой армии не было единства относительно того, кто именно должен возглавить страну.

В апреле 1964 года существовало три группировки, которые формировались вокруг трех генералов. Лидером первой группы был генерал Кастелу Бранку, который пользовался поддержкой большинства генералов, организовавших военный переворот. Вторую группу возглавил генерал А. Круэл, степень поддержки которого была несколько меньшей, чем степень поддержки Кастелу Бранку. Наибольший интерес представляет третья группа во главе с генералом Г. Дутрой. Во-первых, из всех трех Г. Дутра имел реальный политический опыт управления страной. Во-вторых, он пользовался значительной региональной поддержкой. В его пользу выступили губернаторы штатов Минас-Жерайс (Магальяэш Пинто), Гуанабара (Карлос Ласерда), Сан-Паулу (Адемар дэ Баррос).

Тем не менее, 11 апреля 1964 года (к тому времени А. Круэл и Г. Дутра отказались от участия в борьбе за президентский пост) Конгресс избрал президентом инициатора и вдохновителя военного переворота генерала Кастелу Бранку. Новый президент предпринял усилия для того, чтобы в глазах общества не выглядеть исключительно военным лидером. После избрания Кастелу Бранку был переведен в запас, получив звание маршала. Победа Кастелу Бранку вовсе не означала окончательной унификации политического дискурса в Бразилии.

Среди высших офицеров Вооруженных Сил сложилось два течения. Сторонники первого течения выступали за постепенную трансформацию «жесткого» военного режима в «мягкий», настаивая на необходимости интеграции в политический дискурс лидеров ряда политических партий и лояльно настроенных представителей интеллектуального сообщества. Лидером «мягкого» течения был сам Кастелу Бранку. Большинство его сторонников было связано с Высшей военной школой, которая среди военных была известна как «Сорбонна». Кастелу Бранку попытался изменить механизм рекрутирования и исключения из политической элиты, сделав ставку на неформальные связи, приобретенные в период активной военной службы. В частности в 1964 году по его инициативе были отправлены в отставку двадцать генералов, которые поддерживали Жоау Гуларта. Из отправленных в отставку только 25 % были участниками Бразильского экспедиционного корпуса в Европе, 50 % окончили Высшую военную школу и 20 % прошли военную подготовку в специализированных учебных заведениях США.

²⁶³ Diário de Notícias. – 1964. – October, 13,

С другой стороны, из десяти генералов, которые активно поддерживали Кастелу Бранку шесть принимали участие в Бразильском экспедиционном корпусе, девять окончили Высшую военную школу и восемь прошли обучение в Соединенных Штатах²⁶⁴. Роль неформальных связей, которые формировались и закладывались в том числе и в период обучения в Высшей военной школе, в организации и проведении государственного переворота 1964 года, не вызывает сомнения. Комментируя роль этого высшего военного учебного заведения Кастелу Бранку констатировал, что «и хотя Сорбонна не играла ведущей роли в осуществлении революции, но и в очень тяжелые времена, которые мы пережили, она была одним из важнейших факторов сохранения и развития национального самосознания»²⁶⁵.

Их оппоненты консолидировались вокруг Революционно-демократической Лиги, политическая программа и платформа которой базировалась на антикоммунистических ценностях. Второе течение, лидером которого был генерал Коста э Силва, полагало, что Кастелу Бранку установил мягкий политический режим. Коста э Силва настаивал на более активном участии армии в политической жизни Бразилии, полагая, что армия в праве, наряду с политическими партиями, принимать участие в политических процессах.

В связи с этим Коста э Силва писал, что «армия превратилась в мощную партию, на которую полагается правительство... с Кастелу Бранку или без него армия не допустит нового погружения страны в хаос, где священные и демократические ценности революции потерпят крах»²⁶⁶. Сторонники генерала усиленно культивировали антикоммунистический нарратив, настаивая, что «в войне против коммунизма выиграно только одно сражение, когда надо выиграть всю войну в виду того, что коммунистическая опасность все еще угрожает Бразилии»²⁶⁷.

В целом, большинство сторонников военного режима разделяли уверенность в том, что военный переворот был неизбежен, а его необходимость диктовалась «защитой западной цивилизации от опасности коммунизма»²⁶⁸. Политический режим Кастелу Бранку активно и усиленно реформировал политическое пространство в Бразилии «под себя», широко используя лозунги политического национализма и правого революционаризма. Кроме этого, военный режим подверг коррек-

²⁶⁴ См.: Latin American Institutional Development: Changing Military Perspectives in Peru and Brazil. – Santa Monica, 1971.

²⁶⁵ Faust J.J. A Revolução devora seus presidentes / J.J. Faust. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 112.

²⁶⁶ CM. – 1965. – June, 3.

²⁶⁷ JB. – 1965. – June, 21.

²⁶⁸ Veja. – 1972. – February, 9.

тировке и внешнеполитический курс. Взяв за основу западную модель модернизации, правительство Кастелу Бранку активизировало сотрудничество с Соединенными Штатами, разорвав дипломатические отношения с Кубой, которая избрала модернизационную модель, основанную на советской помощи.

В рамках информационного дискурса военный режим стремился сформировать свой позитивный образ, а лояльно настроенные интеллектуалы полагали, что переворот был вызван острой политической необходимостью и был осуществлен ради «независимости, суверенитета, территориальной целостности, международного престижа, национального процветания, национальной интеграции, демократии, социального мира и сохранения моральных и духовных ценностей нации»²⁶⁹.

В отличие от революционаризма левых радикалов, которые выступали за радикальную ломку существующих отношений и автоматическое копирование советской модели модернизации, военный режим оперировал совершенно иными ценностями, опираясь на предпринимательские слои, часть интеллектуального сообщества и Вооруженные Силы. Установленный в 1964 году военный режим не отличался значительной политической стабильностью, и первый политический кризис произошел осенью 1965 года²⁷⁰. Кризис оказался связан с выборами губернаторов одиннадцати штатов. В двух штатах о желании принять участие в выборах заявили оппозиционно настроенные военные, среди которых был маршал Тейшейра Лотт.

Верховный федеральный суд отказался зарегистрировать его кандидатуру, но маршала поддержали отправленные в отставку маршал Освину Феррейра Алвес, генералы Жаир Дантас Рибейру, Кунья дэ Мело, Крисанту Фигейреду. И хотя Т. Лотт отказался от участия в выборах, губернаторами штатов Гуанабара и Минас-Жерайс были избраны оппозиционные политики – Неграо дэ Лима и Израэл Пинейру²⁷¹. Это привело к расколу среди сторонников военного режима. Представители «жесткой» линии потребовали отстранить от власти Кастелу Бранку. Подполковник Боавентура Кавалканти Жуниор зая-

²⁶⁹ RCM. – 1971. – Março. – P. 3.

²⁷⁰ Отношения между военным режимом и гражданской оппозицией оказались непростыми. См. подробнее: Alves M. Estado e oposição no Brasil, 1964 – 1984 / M. Alves. – Petrópolis, 1985. – 337 p.; Chaui M. Brasil – Mito fundador e sociedade autoritária / M. Chaui. – São Paulo, 2000; Stepan A. Rethinking Military Politics / A. Stepan. – Princeton, 1988; Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – São Paulo, 1982 (1988).

²⁷¹ О развитии оппозиционного политического дискурса см.: Alvez M.H.M. Estado e oposição no Brasil (1964-1984) / M.H.M. Alvez. – Petrópolis, 1985.

вил в печати о необходимости проведения жесткой линии в отношении политической оппозиции²⁷².

Кастелу Бранку попытался добиться от Конгресса санкций, чтобы не допустить Неграу дэ Лиму и Израэла Пинейру к исполнению их обязанностей. Но Конгресс отказался предоставить президенту такие санкции. В такой ситуации по приказу президента 20 октября 1965 года войска заняли здание Конгресса, прекратив тем самым его работу. Спустя семь дней, 27 октября 1965 года, Кастелу Бранку издает Второй Институционный Акт. Акт предусматривал сокращение полномочий представительных и судебных органов, введение в число судей Верховного федерального суда судей лояльных военному режиму.

В 1965 году военный режим предпринял более активные усилия по унификации политического дискурса. В частности были распущены и запрещены все политические партии. Распустив партии, Кастелу Бранку инициировал создание одной проправительственной партии – Национальный союз возрождения и оппозиционной – Бразильское демократическое действие²⁷³. В основу нового идеологического дискурса была положена доктрина «национальной безопасности». Бразильские военные теоретики допускали широкое толкование этого явления, понимая под «национальной безопасностью» не комплекс мероприятий по защите территориальной целостности и национальной независимости Бразилии, но и действия, направленные на «предохранение нации от противоречий, которые могут ее расколоть»²⁷⁴.

Именно доктрина «национальной безопасности» была положена в основу модернизационной стратегии, выбранной Вооруженными Силами. Теоретики военного режима полагали, что успех модернизации зависит не только от обеспечения национальной независимости, но и от мобилизации политических и экономических ресурсов: «национальная безопасность в значительной степени зависит от общего потенциала страны в целом, чем от военного потенциала... обеспечение национальной безопасности – реализация развития страны в целом»²⁷⁵.

Модернизация понималась военными как путь к преодолению социальных и национальных противоречий, как вариант национальной консолидации, усиление политической нации. Комментируя этот аспект модернизационной политики военного режима Гаррастразу Ме-

²⁷² Jornal do Brasil. – 1965. – October, 28.

²⁷³ O Estado de São Paulo. – 1965. – October, 28.

²⁷⁴ См.: El papel político y social de las Fuerzas Armadas en América Latina. – Caracas, 1970. – P. 196.

²⁷⁵ РВ. – 1970. – No 88. – P. 22.

диси констатировал, что «безопасность общества или нации не может быть достигнута в условиях существования социального и национального неравенства, социальной несправедливости»²⁷⁶. Военные настаивали, что модернизация будет успешной исключительно, если страна достигнет «внутренней стабильности»²⁷⁷, которая, в свою очередь, предусматривала и ограниченную демократизацию путем построения «политически открытого общества, в котором необходимость форсированного развития будет сочетаться с существованием демократических свобод»²⁷⁸.

Именно поэтому, в качестве основной цели военного режима его теоретики называли «национальное развитие»²⁷⁹, под которым, вероятно, ими понималась именно модернизация. Комментируя особенности модернизационной политики, генерал Карлос дэ Мейра Маттос писал о необходимости радикальной ломки традиционных отношений и выстраиванием новых, современных, структур: «невозможно насаждать демократию в условиях голода, нищеты и неграмотности... путь к демократии лежит через развитие»²⁸⁰. Унификация политического дискурса не стала завершением институционализации военного режима. В феврале 1966 года был принят Третий Институционный акт, который завершил демонтаж демократических политических процедур, введя назначение губернаторов²⁸¹. Таким образом военные смогли достичь относительной устойчивости и консолидации политического режима. По уровню консолидации и полномочий президента Кастелу Бранку приблизился к тем полномочиям, которыми в 1930-е годы обладал Жетулиу Варгас. Это вызвало недовольство части генералитета, который склонялся к привлечению гражданских партий к управлению страной.

В частности, в августе 1966 годов был вынужден уйти в отставку один из инициаторов военного переворота генерал Амаури Круэл, заявивший, что военный режим не оправдал своего предназначения, «устранив народ от участия в политическом процессе и отказавшись восстанавливать демократию»²⁸². В 1966 году бразильские газеты указывали на то, что армия получила слишком много полномочий: «Институционные акты предоставили очень значительную власть президенту подобно той, которой обладал Жетулиу Варгас в период своей

²⁷⁶ Estrategia. – 1970. – No 5. – P. 70.

²⁷⁷ Ibid. – P. 61.

²⁷⁸ Ibid. – P. 61.

²⁷⁹ Ibid. – P. 70.

²⁸⁰ RCM. – 1971. – Março. – P. 3.

²⁸¹ FS. – 1966. – March, 31 – April, 6.

²⁸² JB. – 1966. – August, 9.

диктатуры... современная Бразилия управляется меньшинством, которое не собирается консультироваться с народом»²⁸³. Осенью 1966 года в функционировании военного режима начался новый этап: Кастелу Бранку на посту президента сменил генерал Коста э Силва, избранный на президентский пост депутатами Конгресса. В такой ситуации, стремясь придать большую легитимность режиму 21 января 1967 года была принята и новая Конституция, которая содержала статью о невозможности подвергать судебному преследованию участников военного переворота. Конституция узаконила избрание президента Конгрессом, расширив полномочия первого за счет второго.

В соответствии с новой Конституцией в марте 1967 года Коста э Силва занял пост президента, продекларировав готовность пойти на ограниченную гуманизацию военного режима²⁸⁴. В период правления Косты э Силвы усилилась роль высшего генералитета в выборах президента. В такой ситуации бразильские средства массовой информации были вынуждены констатировать, что за весь период существования Бразилии как независимого государства правящий режим еще никогда не обладал такими значительными полномочиями²⁸⁵.

Во второй половине 1960-х годов военный режим стал обретать новые очертания. В декабре 1968 года был издан Пятый Институционный Акт, который наделил военного президента распускать Конгресс и все другие представительные органы. Издание Акта мотивировалось необходимостью защитить Бразилию от леворадикального политического вызова: «антиправительственные акции в школах и университетах, причастность представителей церкви и некоторых средств массовой информации... свидетельствует о существовании в стране революционного движения»²⁸⁶. В августе Коста э Силва в виду ухудшения здоровья был вынужден оставить пост президента. Но за этим не последовало новых выборов президента в Конгрессе и власть перешла триумvirату из главнокомандующих родами войск. В такой ситуации перед военным режимом стояла не только задача своего дальнейшего укрепления и консолидации, но и противодействия попыткам оспорить легитимность режима как слева, так и справа. Именно поэтому в сентябре 1969 года в Бразилии был издан очередной Институционный акт, который предусматривал возможность высылки за

²⁸³ СМ. – 1966. – January, 1.

²⁸⁴ Ianni O. Estado e Planejamento Económico no Brasil (1930 – 1970) / O. Ianni. – Rio de Janeiro, 1971. – P. 239.

²⁸⁵ СМ. – 1968. – January, 10.

²⁸⁶ Mensaje. – 1969. – No 176. – P. 7.

пределы страны противников режима, которые представляли угрозу для «национальной безопасности»²⁸⁷.

Кроме этого в сентябре 1969 года был обнародован и другой Инститucionalный акт, который вводил смертную казнь за действия, направленные против военного режима, оценивающиеся как «революционная и идеологическая война»²⁸⁸. Консолидируя режим, военные инициировали принятие нового закона о национальной безопасности, в рамках которого предусматривалось 15 случаев применения смертной казни за действия, направленные на ослабление или свержение существующего строя²⁸⁹. Репрессивная политика дала свои результаты в 1969 году, когда был убит Карлос Маригела – один из лидеров маргинального течения в бразильском коммунизме, отличавшимся своим крайним радикализмом. Несколько стабилизировав внутривластную ситуацию в стране, военные пошли на избрание нового президента. В результате консультаций и совещаний ста генералов и адмиралов новым президентом страны в конце сентября 1969 года был избран генерал Эмилиу Гаррастразу Медиси, а вице-президентом – адмирал Аугусту Радемакер.

В целях дальнейшей консолидации военного режима 17 октября 1969 года была принята «Конституционная поправка № 1», которая фактически стала новой Конституцией. Военный режим придал закону от 17 октября 1969 года именно статус «поправки» в виду того, что Конституцию мог принимать только Конгресс, который в то время не функционировал. Поправка увеличивала полномочия президента, предоставив ему право лишать мандатов депутатов Конгресса и региональных парламентов. Приступивший к исполнению обязанностей президента в конце октября 1969 года, Эмилиу Гаррастразу Медиси продекларировал приверженность лозунгам политического национализма, указав на необходимость дальнейшего развития Бразилии в рамках стратегии «национальной безопасности» при укреплении политического суверенитета²⁹⁰. С другой стороны, Эмилиу Гаррастразу Медиси продекларировал свою готовность пойти на некоторые уступки политической оппозиции, продекларировав в марте 1970 года «право каждого бразильского гражданина выступать против правительства»²⁹¹ в виду того, что «наличие оппозиции является необходимым условием нормального функционирования режима»²⁹².

²⁸⁷ СМ. – 1969. – September, 10.

²⁸⁸ JB. – 1969. – September, 9.

²⁸⁹ JB. – 1969. – September, 28.

²⁹⁰ Estrategia. – 1970. – No 5. – P. 62.

²⁹¹ Ibid. – P. 66.

²⁹² Ibid. – P. 66.

Таким образом, на протяжении первых лет своего существования военный режим в Бразилии обрел значительную политическую стабильность и положительную динамику развития. Политический дискурс уверенно контролировался Вооруженными Силами, при значительном участии в политических процессах гражданских интеллектуалов, которые совместно с высшим командованием формировали основные приоритетные направления проведения модернизационной политики. Кроме этого, были ликвидированы внутривнутриполитические вызовы, исходившие от левых радикалов. В такой ситуации военный режим оказался готов к ограниченной демократизации.

Отражение модернизационных процессов в интеллектуальном дискурсе Бразилии 1950 – 1970-х гг.

Модернизм, как культурное течение и интеллектуальное явление, играет значительную роль в формировании и развитии национализма и, как следствие, политической модернизации²⁹³. Эта роль не менее важна, чем та, которую в XIX веке, при оформлении бразильской идентичности играл романтизм²⁹⁴. Если романтизм способствует идеализации прошлого, являясь одним из важнейших стимулов в развитии национального воображения, то модернизм ознаменовал собой своеобразный идентичностный переворот, внося радикальные изменения и новации в развитие идентичности в Бразилии и в новые, постоянно появляющиеся, идентичностные проекты, представленные в литературных текстах.

Автор уже неоднократно констатировал, что важнейшее значение модернизма в развитии национализма состоит в том, что модернизм изменил саму суть дискурса идентичности. Романтический бэк-граунд был, скорее всего, протонациональным и протомодерновым, а не национальным и модерновым, что было связано с четким соотношением романтизма и «высокой культуры». Такие романтические идентичностные проекты редко выходили за пределы интеллектуального сообщества. Модернизм, наоборот, было более понятным и, вероятно, привлекательным для носителей «низкой» народной культуры. Модернизм постепенно разрушил сингулярные идентичности интеллектуального сообщества – идентичность стала серийным и массовым продуктом.

Начав разрушение традиционной культуры, модернизм привел и к чрезвычайному дроблению, дефрагментации идентичностного дискурса. За общим и единым модернистским бэк-граундом скрывались и развивались различные идентичности, связанные с разными полити-

²⁹³ Модернизация не могла иметь места в донациональный период в силу того, что традиционные сообщества почти не имеют ярко выраженной институциональной и процессуальной стороны своего функционирования и воспроизводства. Модернизации подвергается именно эта сфера политического.

²⁹⁴ В данном случае автор солидаризируется в бразильской интеллектуальной традиции, в которой эта связь неоднократно подчеркивалась. См. например: Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Zago Gonçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Gonçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164; Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993.

ческими трендами – левыми и правыми²⁹⁵. В такой ситуации модернизм привел к значительной политизации интеллектуального пространства. Литературные тексты обрели не просто идентичностный бэк-граунд, но и нашли идентичностно-политические, в том числе – и гендерные²⁹⁶, обоснования.

Поэтому, литературные тексты стали сферами развития не просто различных бразильских идентичностных проектов. Эти проекты могли быть левыми или правыми. С другой стороны в том же разделе, посвященном Машаду дэ Ассизу, автор констатировал, что модернистский тренд в литературе имел тенденции к превращению в тренд гендерно маркированный, гендерно ориентированный. В бразильской литературе постепенно возникал феминизм.

Бразильские писательницы не были лишены склонности к рефлексии над бразильской действительностью, за которой стояла их идентичность²⁹⁷. Примечательно, что это была, вероятно, идентичность двойственного плана – и гендерная, и политическая²⁹⁸. В данном случае автор склонен сформулировать несколько провокационный вопрос: к какой политической идентичности, левой или правой, склонялись бразильские писательницы. Не исключено, что к обществу, которое переживало процессы бурной модернизации (начиная с 1930-х годов), в обществе, склонном к политизации и увлечению крайними (в зависимости от политической ситуации – левыми или

²⁹⁵ О сочетании политической и гендерной идентичности см.: Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RIC FFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.

²⁹⁶ См.: Alves B.M. Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980; Alves B.M., Pitangay J. A que é memínismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Flores M. A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasileira / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109; Pedro J.M. Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: um questão de classe / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998; Perrot M. Práticas de Memória Feminina / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18; Zimbrão da Silva T. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100; Zimmermann T.R. Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

²⁹⁷ О соотношении гендера и национализма доступна русская версия статьи Сильвии Уолби, содержащая критический обзор основных концепций. См.: Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 308 – 331. Англоязычная литература по этой теме достаточно обширна. См. например: Enloe C. Bananas, Beaches and Bases / C. Enloe. - L., 1989; Jayawardena K. Feminism and Nationalism in the Third World / K. Jayawardena. - L., 1986; Showalter E.A. A Literary of their Own: Dritish Women Novelists from Bronte to Lessing / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.

²⁹⁸ О сочетании гендерной и политической идентичности см. подробнее: Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003; Гундорова Т. Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

правыми) идеями – мощный феминистский дискурс в литературе совпал с влиятельным левым трендом в политической жизни.

Поэтому, «классический» портрет бразильской писательницы 1930 – 1950-х годов таков: феминистка, левая и радикально ориентированная²⁹⁹. В этом разделе мы попытаемся рассмотреть подобный феминистский, левый и радикальный текст, обратившись к роману бразильской писательницы Марии Алисе Баррозу «Os Posseiros»³⁰⁰, который впервые вышел в Рио-де-Жанейро в 1955 году и спустя пять лет, в 1960 году, в СССР под названием «В долине Серра-Алта». Вероятно, роман был очень левым – иначе сложно объяснить столь быстрый его перевод и издание в Советском Союзе. В СССР в самой писательнице увидели прогрессивную, сочувствующую советскому государству, активистку. Роман был прочитан как роман о борьбе народных масс, то есть очень односторонне. Текст книги не так прост и однозначен, как стремилась доказать советская критика. Этот, с безусловно значительным социальным подтекстом, роман – роман о модернизации, точнее – о столкновении и конфронтации различных идентичностей и лояльностей – архаической традиционалистской и современной.

Обратимся непосредственно к тексту. Роман начинается со своеобразной рефлексии относительно прошлого Бразилии: «...негр Фермину живет здесь со времен принцессы Изабеллы... и хорошо помнит, какими печальными были те места в далекие времена, когда хозяйничала маркиза де-Серра-Алта... убитая горем маркиза – жених бросил ее в день венчания – безучастно смотрела на надвигающееся разорение...»³⁰¹. Но если у Жозэ дэ Аленкара перед нами славное и героическое прошлое, то для Марии Алисе Баррозу прошлое – это не более чем одна из страниц в истории угнетения народа господствующими классами. Такая история – это история упадка и разрушения. Примечательно, что в данном контексте социальный нарратив явно сочета-

²⁹⁹ Мария Алисе Баррозу в бразильской интеллектуальной традиции имела своих предшественников. См.: *Duas modernistas esquecidas: Adalzira Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro* / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996; Raros M. *Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzira Bittencourt* / M. Raros // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37. О политическом и культурном климате, в котором протекала социализация бразильских женщин и формировался феномен «женской» прозы см.: *Família, mulher, sexualidade e Igreja na história do Brasil* / org. M.L. Marcilio. – São Paulo, 1993; Louro G.L. *Gênero, sexualidade e educação: uma perspectiva pós-estruturalista* / G.L. Louro. – Petrópolis, 1997; Marcilio M.L. *Família, mulher sexualidade e Igreja na história do Brasil* / M.L. Marcilio. – São Paulo, 1993.

³⁰⁰ Maria Alice Barroso, *Os Posseiros* / Maria Alice Barroso. – Rio de Janeiro, 1955.

³⁰¹ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960. – С. 9 – 10.

ется с гендерным³⁰², а мужчина выступает в качестве одного из стимулов к упадку, гибели традиционного и патриархального мира³⁰³. Отношения полов в Бразилии, описанной Марией Алисе Баррозу, имеют и расовый бэк-граунд. В процессе этих отношений происходит разрушение границ между сообществами. Поэтому, итальянский эмигрант³⁰⁴ отдает свою дочь замуж за негра-соседа. Но и повторяя в мыслях, что «эта белая женщина – моя»³⁰⁵, даже потомок рабов выступает в роли колонизатора. В таком традиционном обществе мускулинность доминирует над феминностью.

Но этот триумф имеет временный характер. Девочка, цвет кожи которой блее кожи отца, становится своеобразным реваншем покоренной белой женщины. В обществе, о котором идет речь в романе, доминируют, как правило, традиционные ценности. Их доминирование проявляется, в частности, в абсолютизации негром фигуры местного фазендейро, на земле которого он работал. Именно фазенда белого полковника была для негра центром всех социальных отношений, регулятором социальной жизни, местным социальным ориентиром и доминирующим социальным институтом: «...правительство?! В Баие правительством для него был полковник Феррейра, всемогущий сеньор, от которого завесили судьбы многих людей, ему никогда в голову не приходило, что над полковником Феррейрой может стоять еще кто-то более могущественный...»³⁰⁶. В такой ситуации для него оказывается откровением, что социальные отношения гораздо сложнее, чем он представлял³⁰⁷. В его социальном мире было место для себя, белого бывшего господина, но среди этих двух социальных ориентиров и приоритетов не было место для правительства. Но и сами негры, самовольно захватившие земли, не проявляют никакого желания

³⁰² См.: Ferreiera-Pinto Bailey A.C. O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros / A.C. Ferreiera-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990; Ferreiera-Pinto Bailey A.C. Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreiera-Pinto Bailey // FUN. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41; Ferreiera-Pinto Bailey A.C. Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreiera-Pinto Bailey. – West Lafayette, 2004.

³⁰³ О «мускулинности» в бразильской культуре см.: Badinter E. Sobre a identidade masculina / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.

³⁰⁴ Об итальянцах в бразильской интеллектуальной традиции см.: Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1.

³⁰⁵ Баррозу М.А. В долине Серра-Алта. – С. 14.

³⁰⁶ Там же. – С. 21.

³⁰⁷ Комментируя особенности традиционного сознания и характерного для него восприятия действительности, Л. Леви-Брюль писал, что для носителей традиционных идентичностей «пространство в их воображении абсолютно и гомогенно» – Levy-Bruhl L. Primitive Mentality / L. Levy-Bruhl. – Boston, 1966. – P. 59.

подчиняться правительству в силу того, что не чувствуют его своим: «...мы не можем рассчитывать на правосудие белых. Никто из них не признает правым сброд из неграмотных негров... если мы хотим остаться хозяевами своей земли, мы должны защищать ее любой ценой...»³⁰⁸.

Мулаты словно сознательно принижают себя перед белыми: «мы простые неграмотные люди и не умеем красиво говорить»³⁰⁹. Они словно бессознательно выставляют себя за пределы политического дискурса, добровольно обрекая на маргинализацию. Маргинализация, вероятно, была сознательным выбором и это решение освобождала их от обязанности находится в правовом поле. Хотя, вероятно, они не имели и малейшего представления о законах, полагаясь на традиции. Роман Марии Алисе Баррозу – это роман о традиционном обществе. Одно из местных локальных сообществ в силу своей архаичности не в силах справиться с засухой. Какова реакция традиционного сообщества? Его несогласие с внезапным природным катаклизмом выливается в религиозный всплеск, религиозную истерию: «...потянулись длинные процессии верующих с камнями на головах: они смиренно несли свои покаяния Господу Богу... священники призывали молиться, давать обеты и просить у Бога дождя...»³¹⁰. Но, используя исключительно религиозность, которая обладала немалой мобилизующей силой, бразильские крестьяне не в состоянии решить своих проблем.

Именно эта неспособность справиться с ситуацией и стала основным фактором, который способствовал началу стихийного захвата новых земель. Зброшенные земли, о которых идет речь в романе, стали объектом вожделения маргиналов, тех, кто невольно или сознательно порвал со своим сообществом. Но и в такой ситуации они оставались носителями почти исключительно традиционной культуры, они могли только «ухаживать за землей и любить ее»³¹¹. Вот почему, однажды ночью один из героев романа негр Фирмину встречает другого негра, который «ни с чем не считаясь, обосновался на полоске земли между Белыми и Черными холмами»³¹².

Такие бразильцы – носители традиционной культуры, приверженцы рурализма. Город – ментально далекий, почти не интересующий их объект: «...он редко бывал в городе... вся его жизнь, все его помыслы сосредоточились на этой земле, завоеванной тяжким

³⁰⁸ Баррозу М.А. В долине Серра-Алта. – С. 106.

³⁰⁹ Там же. – С. 306.

³¹⁰ Там же. – С. 15 – 16.

³¹¹ Там же. – С. 10.

³¹² Там же. – С. 10.

трудом...»³¹³. Идентичность героев романа связана с землей и, поэтому, решение правительства о продаже земли, которую они давно привыкли считать своей, иностранцу вызывает гнев и возмущение со стороны носителей традиционной культуры. Герои книги не имеют бразильской идентичности, их идеи и самые общие представления о том, что такое Бразилия крайне скудны и незначительны.

Их интересует только земля, ближайшая округа, их интересы редко пересекают границы известного им мира: «...он чувствовал эту землю своей, сросся с ней неразрывными узами...».³¹⁴ Значительная тяга к земле отразилась, что среди значительной части населения Бразилии того времени доминировали традиционные и архаичные представления. Эта стихийная колонизация, которая постепенно выливалась в отрицание государства, постепенно институционализировалась во внесистемное и протестное движение, за которым стояли свои идентичности.

Выражением протеста становится появление среди стихийных колонистов новой женщины: ее уже не устраивают традиционные гендерные роли, она уже не смотрит на мир как изначальную систему подчинения одних и доминирования других. Для нее мир, в котором «чтобы избавиться от повседневной монотонности нищей жизни, какая-нибудь из дочерей становится проституткой, а сын – вором или убийцей»³¹⁵ не является нормальным. Это ведет к тому, что стихийный протест носителя народной культуры обретает социальный бэкграунд.

Носителям этого протеста становится женщина, но и в этом случае она вынуждена играть второстепенную роль («...Антонио сказал все, о чем она думала, но не могла выразить словами... конечно, Антонио – мужчина, он ученый, должно быть, учился в университете, а она... неграмотная девушка...»³¹⁶), признавая свою подчиненность и неполноценность относительно мужчины, считая свое положение почти естественным («...но Антонио, наверное, посмеется над нею,

³¹³ Там же. – С. 11.

³¹⁴ Там же. – С. 39.

³¹⁵ Там же. – С. 27.

³¹⁶ Там же. – С. 142. В этом контексте мы имеем дело с начинающимся женским ревайвэлом, гендерно маркированным «ребелом». Примечательно, что восточно-европейские литературы, где модернизм возник почти одновременно с бразильской литературой, попытались ответить на эти вопросы раньше, но нередко делали это устами писателей-мужчин. В частности, одна из героинь Михайла Яцкива, Альва, протестую диктату со стороны родственников, говорит: «...прошу мені сказати, чи се може давати право родичам мучити мене своїми радами, увагами на кождім кроці, в'язати свободу і вбивати мою індивідуальність ...». Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 421.

неграмотной крестьянкой... она и говорить совсем не умеет...»³¹⁷), что было вызвано условиями социализации, которая протекала в обществе, где доминировали традиционные ценности.

Но радикализация, имевшая вероятно и политический и культурный уровень³¹⁸, безземельных негров, их столкновения с полицией, гибель родных и знакомых приводит к рождению новой женщины, которая осознает то, что «она рождена для того, чтобы бороться против угнетения с оружием в руках»³¹⁹ – она наравне с мужчинами участвует в нападении на поллюцию и, как они, самостоятельно принимает решения. Но постепенно этот стихийный протест подвергается популяризации и идеализации со стороны тех, кто сочувствовал тем, кто самовольно захватил землю.

Неслучайно, что в такой ситуации из города приезжает человек, представившийся как Антонио, который оказывается членом партии, «борющейся против полковников, полиции и правительства»³²⁰. Социальное политически детерминированное и сознательно обусловленное недовольство постепенно обволакивает стихийный народный протест. В этой ситуации коммунист среди неграмотных крестьян выступает в роли мифотворца. Коммунист-мифотворец рисует им идиллическую картину жизни в СССР, где «...все счастливы: крестьяне работают на своей земле, свободные от эксплуатации полковников, под защитой правительства, которое дает им трактора, чтобы пахать землю...»³²¹.

Но и этих городских радикалов, которые приехали в Серра-Алта, сама долина, ее обитатели и их проблемы интересуют в наименьшей степени: у них другие цели. Поэтому, коммунист Антонио рисует перед малопонимающими его неграми картину широкой социальной борьбы: «...товарищи, если нам удастся выстоять в нашей борьбе, то победим не только мы, но и все бразильские крестьяне... тысячи братьев поймут, что с несправедливостью можно бороться... правда и справедливость на нашей стороне, товарищи, нужно только бороться с верой в лучшее будущее...»³²².

Для бразильских левых радикалов сопротивление носителей традиционной культуры жителей долины властям – только один из мно-

³¹⁷ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 143.

³¹⁸ О радикализации см.: Candino A. Radicalismos / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18; Ridente M. O Fantasma da Revolução Brasileira: raizes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974 / M. Ridente. – São Paulo, 1994.

³¹⁹ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 232.

³²⁰ Там же. – С. 140.

³²¹ Там же. – С. 230.

³²² Там же. – С. 141.

гочисленных эпизодов борьбы, которую они в состоянии интерпретировать исключительно в категориях классовой борьбы. Вероятно, незжий городской коммунист и негры – случайные союзники. Одного интересует политическая борьба, других – земля. В этом контексте заметна дефрагментированность политического и культурного дискурса в Бразилии, представленного в то время носителями как традиционной, так и современной культуры. Чем закончился такой конфликт культурой? Крестьяне несколько месяцев обороняли долину, но правительственные войска постепенно вытеснили их, убив большую часть восставших, в том числе – и радикала коммуниста Антонио. Смерть городского коммуниста Антонио стала стимулом к еще большей радикализации жителей долины Серра-Алта, и, подобно его политическому завещанию, звучат слова Орланды: «...борьба еще не закончена, люди! Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает...»³²³. Вслед за периферией радикализации в такой ситуации подвергается и город.

Обезумевшая толпа штурмом берет тюрьму, на смену порядку воцаряется хаос: «...схватка охватила всю тюрьму и вовлекла людей, толпившихся на площади... царило смятение... казалось, что все сошли с ума...толпой овладела страсть к разрушению... разрушив все в помещении тюрьмы, народ вышел на улицу...»³²⁴. После этого бунта, который был подавлен полицией, казалось, что долина Серра-Алта успокоилась, вернулась к тому патриархальному состоянию подчинения и подавления, в котором и надлежит пребывать традиционному обществу. Но появление коммуниста Антонио не осталось бесследным – среди местных жителей началась постепенная радикализация и письмо Орланды из тюрьмы, в котором она призывала «...объединить и повести наших братьев крестьян на борьбу, на борьбу за землю...»³²⁵ только усилило подобные радикальные тенденции. И поэто-

³²³ Там же. – С. 337. Подобный тренд в романе, вероятно, свидетельствует о правоте предположения украинской исследовательницы Оксаны Забужко, которая полагает, что благодаря утверждению в любой национальной литературе модернизма на смену образу матери и связанным с ним материнским мифам приходит новый миф, олицетворением которого является «Мать-Отчизна с мечем» (Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоба до української гендерної міфології / О. Забужко // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999. – С. 160), которая в бразильском случае, в тексте Марии Алисе Баррозу, представлена мулаткой с винтовкой.

³²⁴ Баррозу М.А. В долине Серра-Алта. – С. 346 – 347.

³²⁵ Там же. – С. 394. Вероятно, для модернизма на определенном его этапе образы «женщины» и «тюрьмы» оказались тесно связанными. В этом контексте возможна параллель с уже упомянутым выше М. Яцкивым, который писал, что «...як була я в Альпах, то стріляли ми з одним товаришем росіянином з маузера. Люблю аузерівські пістолі... Тоді зналася я лише з одним осьмаком, він сидить тепер в Росії в тюрмі. Засудили його на вісім літ... Се діялося перед кількома літами під час революційних розрухів. Я також,

му роман заканчивается картиной широкого социального протестного и радикального движения, сторонники которого, словно политический лозунг, повторяют слова: «...будь проклят негр, будь проклят бедняк, который побоится взять в руки ружье, чтобы отомстить за несправедливость, которую терпели его отцы! Будь проклят! Будь проклят!...»³²⁶.

Политический и интеллектуальный ландшафт в Бразилии на момент появления романа Марии Алисе Баррозу отличался значительной степенью расколотости и дефрагментированности. Наряду с несомненными тенденциями к модернизации традиционные институты и отношения оставались не только стабильными и устойчивыми, но и успешно функционирующими. Сферой доминирования тенденций к модернизации был город, городская культура. Традиционные ценности почти безраздельно доминировали на периферии. Традиционность нередко имела не просто культурный, интеллектуальный, социальный, но и гендерный бэк-граунд. На этом фоне проникновение модернизации на периферию неизбежно затрагивала и отношения между полами, разрушая архаичные гендерные роли, характерные для традиционного общества, и способствуя постепенному освобождению женщины, ее политизации, включению в дискурс не только традиции, но и дискурс политики, политического участия.

Возникали новые идентичности – политические, культурные, гендерные. Идентичностная фрагментация политического поля сочеталась и с политической. Процесс активизации и рождения новой женщины в Бразилии совпал с появлением левого движения. В такой ситуации сложились предпосылки для постепенного сближения новой гендерной и новой левой идентичности. Это было результатом не просто политических изменений в Бразилии, не первыми успехами модернизационной политики, начатой в рамках авторитарной правоориентированной модели Жетулиу Варгаса. Подобные тенденции в развитии интеллектуального поля в Бразилии были связаны и с утверждением мощного модернистского течения в бразильской литературе. Этот модернистский бэк-граунд достаточно быстро распался на различные тренды, среди которых был и левый. Роман Марии Алисе Баррозу принадлежит именно левому тренду. Роман стал сферой доминирования альтернативной, левой и радикальной идентичности. И в дальнейшем тенденция к дефрагментации интеллектуального поля в Бразилии доминировала, а сам культурный контекст развивался в со-

сиділа в тюрмі. Мій перший любчик був жид...». Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 452.

³²⁶ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 405.

четании правых и левых дискурсов. Модернизация, о которой идет речь в тексте Марии Алисе Баррозу, это не просто победа современности и триумф нового над архаикой. Модернизация стала временем умирания и / или отмирания традиционных отношений и институтов, или их трансформации, постепенного приспособления к изменившимся условиям. Не следует так же сводить модернизацию к исключительно внешним переменам и изменениям. Модернизационные процессы оказывают влияние и на такие явления как идентичность и лояльность. На смену старым, преимущественно традиционным идентичностям и лояльностям приходят новые идентичностные проекты и скрытые за ними отношения преобладания и доминирования, подчинения социального и культурного.

Модернизация в Бразилии, как уже неоднократно подчеркивал автор, была связана и с национализмом. К началу XX века Бразилия была уникальной страной в Южной Америке с опытом существования в качестве империи и культивирования особых имперских идентичностей и лояльностей. К началу XX столетия Бразилия, точнее – носители «высокой культуры» этой страны – уже были знакомы с идеями политической нации. Начавшаяся в 1930-е годы модернизация, связанная с правлением Жетулиу Варгаса, внесла существенные коррективы в концепты и проекты политической бразильской нации. До того момента, когда Ж. Варгас начал применять модернизационную стратегию в рамках авторитарного режима, политический дискурс Бразилии базировался на сосуществовании и сочетании традиционности и современности.

Нередко эта современность носила сугубо внешний характер, что проявлялось в принятии достижений европейской науки и искусства, что в принципе не составляло для бразильских политических и культурных элит, носителей «высокой культуры», особого труда в виду осознания своей принадлежности и причастности к европейской культурной традиции. Сферой почти безусловного доминирования современности был бразильский город, точнее – городской центр. Аграрная сельская периферия испытала влияние современности в гораздо меньшей степени. В то время, когда в городе и местных сообществах модернизация уже была активно развивающимся и динамично протекающим процессом, в аграрной периферии модернизационные тенденции нередко не выдерживали в конкуренции с традиционностью и архаикой.

В Бразилии сложились различные политические культуры и идентичности. Носители традиционной культуры сохраняли лояльность старым патриархальным, преимущественно – локальным,

идентичностям. Носители новой современной культуры отдавали предпочтение современным ценностям. Если в городе политическая борьба была обусловлена принадлежностью к тому или иному сообществу, той или иной культуре, то на периферии сложилась иная ситуация. В городах Бразилии политическая борьба была формой политического участия. Сам процесс участия стал более четко соотноситься с политическими идеологиями, доктринами и стоящими за ними политическими партиями. Аграрная внутренняя периферия не знала столь развитой диверсификации политического дискурса. Политическое участие не было отделено от принадлежности к группе, католическому приходу, городку, селению...

Провести модернизацию, не поборов архаику, не уничтожив стоящие за ней культурные и политические идентичности, отношения лояльности и подчиненности, было невозможно. Поэтому, в своей модернизационной политике Ж. Варгас и правившие после него военные и гражданско-военные режимы уделяли значительное внимание сознательному и направленному разрушению периферии, ее интеграции в политический контекст и культурный дискурс Бразилии. Разрушение традиционности, преодоление архаики оказались сложными задачами, усилия по разрешению которых стали заметны в Бразилии во второй половине 1960-х годов, с приходом к власти Вооруженных Сил и началом новой волны модернизационных процессов. Традиционная модель общества характеризуется значительными социальными, политическими и культурными потенциалами в деле самосохранения, функционирования и воспроизводства.

В странах, переживающих модернизацию, традиционное общество не упускает возможности, чтобы во всеуслышанье о себе заявить. Это самовыражение архаики имеет разные формы – от почти неосознанной стихийной социальной борьбы, направленной на разрушение даже внешних атрибутов современности до художественной литературы, через страницы которой недовольные интеллектуалы рефлексировали и возмущенно размышляют о вызовах современности и судьбе традиционного общества. В настоящем разделе автор обратится к дискурсам современности и архаике, точнее – к их проявлениям в тексте бразильского писателя XX века Бениту Баррету «Капелла дос Оменс»³²⁷. Текст романа отличается тем, что в его рамках сосуществуют несколько дискурсов, на анализе которых постараемся

³²⁷ Barreto B. *Capela dos homens* / B. Barreto. – Belo Horizonte, 1976. О Бениту Баррету см.: Angeli de Paula M.J. “Uma epopéia nos sertões na literatura brasileira pós 1964: Os Guaianãs de Benito Barreto”. Paper presented in “VIII Congresso Luso-Afro-Brasileiro de Ciências Sociais, Coimbra, 2004, Setembro 16 – 18”.

остановиться подробнее. Один из доминирующих дискурсов – тема смерти и постепенного умирания старого архаичного мира, который не в состоянии выдержать конкуренции с современностью. Процесс модернизации ведет к тому, что сфера доминирования традиционности и безусловного господства архаики постепенно, медленно, но вместе с тем неумолимо, сужается до уровня одного региона, одной местности, одного городка, одной социальной группы, представителей одного поколения («...кроме старых святош в шальях и с четками в руках, поучения падре слушают только богатые фазендейро...»³²⁸), которые посредством постоянной коммуникации между собой продляют время, отведенное на существование той идентичности, на которую опирается то или иное локальное сообщество.

С другой стороны, постоянно рефлекслирующие интеллектуалы, являющиеся носителями разных политических культур и идентичностей, уже выносят свой приговор Бразилии (он может выноситься как носителями городской культуры: «...дерьмовая нация, гнусное племя... кажется, у нас только и заботы – ожидать, когда американцы и в следующий раз нам нагадят...»³²⁹, так и крестьянами, которые в большей степени подвержены влиянию традиционализма: «...проклятая земля, сухая земля...»³³⁰), не видя альтернатив модернизации, полагая, что агония традиции будет тем страшнее, чем эта традиция сильнее и устойчивее в различных опирающихся на нее идентичностях и лояльностях. Такая негативная идентичность в условиях модернизации трансформируется в один из мощнейших стимулов социальных перемен. Подобные процессы, в свою очередь, ведут к разрушению границ, в которых протекало существование носителей традиционной культуры: «...это было в марте, в двадцать пятом часу тридцать первого марта – сейчас я не помню, сколько времени мы там провели. Все произошло слишком быстро, смерть налетела как молния, и ночь словно пропитала нас тьмой...»³³¹. Процесс постепенного исчезновения старого мира, где доминировала традиционность, в максимальной степени заметен на периферии, в том «печальном краю, где и время ничего, кроме вреда, не приносит»³³².

В такой ситуации периферия трансформируется в литературе в своеобразное «место памяти», не только географически детерминированное, но и текстуально отраженное, что способствует посте-

³²⁸ См.: Баррету Б. Капела дос Оменс / Б. Баррету // Баррету Б. Капела дос Оменс. Кафайя. Романы / Б. Баррету / пер. с порт. Н. Малыхиной, А. Богдановского. – М., 1980. – С. 36.

³²⁹ Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 39.

³³⁰ Там же. – С. 274.

³³¹ Там же. – С. 22.

³³² Там же. – С. 34.

пенной трансформации отдельных литературных произведений в своеобразные «участки памяти»: «...Сакраменто! Надо же, до сих пор существует, и он задумался над таинственной способностью некоторых слов пропитаться сущностью и приметам места, в них запечатленного, в их слогах и звуках – природа и очертания земли...»³³³. Судьба Сакраменто и подобных ему городков предрешена: «...больше всего меня удручает то, что местечко наше совсем опустело...»³³⁴. Малые города Бразилии с их традиционными и в значительной степени архаичными отношениями были не в состоянии противостоять экспансии культуры нового города – источника социальных перемен и изменений. В такой ситуации меняется само содержание понятия «периферия». Эта периферия не всегда является географическим фронтиром, хотя некоторые герои романа склонны акцентировать внимание на сочетании географической специфики с местными идентичностными установками, среди которых – и религиозные («...на Севере крестный ход устроили, дождя просили, нам это некстати...»³³⁵), проявляющиеся, в частности, в вере крестьян в то, что определенные действия сакрального плана могут привести к ожидаемым результатам.

Достаточно особых социальных отношений, не характерного для большого города разделения социальных ролей. Для бразильских интеллектуалов, окраина, периферия – территории не просто исторически, но и культурно и идентичностно приговоренные к отставанию от центра. Бразильская периферия – сфера почти безусловного преобладания традиционности. Традиционные отношения на уровне одного сообщества нередко выстраивались и функционировали по корпоративному принципу. Принадлежность к определенному сообществу, культурной или профессиональной корпорации нередко были категориями, которые непосредственно определяли политический и социальный статус человека. Границы корпорации были почти статичны, почти географически нанесены в воображаемом политическом пространстве. Нарушения этих воображенных культурных и идентичностных границ было явлением, вероятно, чрезвычайно редким, возможным в исключительных случаях.

Народный праздник, карнавал превращался в разгул стихии, когда разрушались социальные границы, а нравственные запреты отвергались: «...Алзира плакала, но стоило ей выйти на улицу, и уже бедра покачиваются, гибкая талия, все тело подрагивает, соблазн овладевает ею, волнуется дивную грудь, готовую вырваться из лифа... но однажды,

³³³ Там же. – С. 28.

³³⁴ Там же. – С. 46.

³³⁵ Там же. – С. 56 – 57.

когда она выходила из церкви на Новой улице появился Журабе... голова задрана, глазами так и зыркает... и только Алзира вышла на площадь, как он подскочил к ней... он задыхался, она шла, он следовал за ней, источая свой запах самца и расталкивая народ... восторг бесноватого... а девушка все шла... вдруг ее походка странно изменилась, она шла мелкими шажками, словно вспоминая танец давних времен... Журабе заревел от удовольствия... пустился в пляс вокруг девушки... ее шаги и покачивание походили на танец... Журабе ликовал, он метался, пускал слюну и вопил... день закончился стрельбой, поножовщиной и попойкой... утром Алзира проснулась шлюхой...»³³⁶.

Карнавал, традиция народного гуляния была принесена португальскими колонистами и глубоко интегрирована в бразильский национальный культурный и идентичностный контекст. Вероятно, карнавал в периферии был своеобразным символическим действием, олицетворяющим саму традиционность. Но при всем своем традиционном и архаичном характере бразильский карнавал способствовал разрушению и размыванию границ, девальвации поведенческих норм, в том числе – и в сфере отношений между полами. Карнавал стал и своеобразным топосом свободы, институционализированным и культурно допустимым культурно санкционированным протестом. У Бениту Баррету образ Журабе – образ, в значительной степени, демонический, образ внедискурсный, принадлежащий одновременно и миру человека и царству зверя: «...взревел Журабе... и львиной побежкой потрусил дальше, толстозадый, слюнявый, похрустывая суставами. Иногда он останавливался и скреб землю... резко фыркал своими огромными ноздрями и тогда лошади отбегали дальше... он стоял, точно король, и своими мутными глазками смотрел, как мелькают в бегстве их копыта...»³³⁷. Перед ним человек может испытывать только страх, и вот, в воспаленном и взволнованном сознании случайного наблюдателя, Журабе постепенно утрачивает свои человеческие черты.

Этого вполне достаточно – реальность и обыденность мира разрушены: «...так он и разгуливал по площади, довольный и наглый, какой-то щенок кинулся на него... Журабе саданул его рогами с такой силой, что пронзил насквозь... а посреди площади умирала кобыла... Журабе подбежал к ней, вскочил на мертвое тело, удовлетворенно задрал морду и взревел, бросая вызов небесам...»³³⁸. Журабе в этом контексте предстает как символ традиционности, как живое подтвержде-

³³⁶ Там же. – С. 82.

³³⁷ Там же. – С. 149.

³³⁸ Там же. – С. 149.

ние страха, принесенного в Южную Америку португальскими переселенцами, горожанами и крестьянами, которые и на европейской периферии были носителями традиционной культуры.

Периферия в литературном тексте – это сфера доминирования традиционных отношений, сфера почти безусловного преобладания идентичности, основанной на религиозности и верности традициям местного локального сообщества. Умирание старого мира, традиционных и архаичных порядков почти всегда сопровождается не только сменой социальных ролей, формированием новых идентичностных дискурсов, в том числе – и дискурсов насилия («...так было всегда – в смутные времена школы всегда превращают в тюрьмы...»³³⁹), активизацией как можно быстрее от нее отказаться, приняв новую культуру, воплощенную в «поэзии электрического света и машин»³⁴⁰, но и борьбой традиционалистов и радикалов, стремлением части носителей традиционной культуры вспышками насилия, инициаторы которых могут преследовать диаметрально противоположные цели – от сохранения традиционности до придания новых импульсов модернизации: «...лошади без седоков все еще бродили по улицам. И мы знали, что там снаружи враги начеку, что они наблюдают за нами, время от времени проносился патруль и гремел выстрел...»³⁴¹.

Модернизация стала для традиционной Бразилии умиранием архаичной культуры. Этот процесс постепенного отмирания и вытеснения старых традиций больно ударил по носителям традиционной идентичности: «...для каждого человека наступает такое время, когда жизнь превращается в непрерывное умирание. С какого-то момента жизнь изношена, время грызет и подтачивает...»³⁴² В такой ситуации столкновения новых и старых социальных институтов и политических традиций неизбежно побеждают новые модернизационные силы и тенденции, но победа эта (особенно – на ранних этапах модернизации) далеко неоднозначна и небесспорна.

Чисто внешний успех модернизации порождает реакцию, ответ умирающей традиционности. Этот альтернативный дискурс нередко базируется на носителях традиционной культуры в ее крайних формах. Это – люди с девиантным социальным и политическим поведением, которых ломка традиционного уклада вынуждает прибегать к насилию. Насилие, вызванное модернизацией, является одним из факторов, который способствует усиленной работе социальной памяти,

³³⁹ Там же. – С. 23.

³⁴⁰ Там же. – С. 28.

³⁴¹ Там же. – С. 23.

³⁴² Там же. – С. 50.

активной рефлексии относительно прошлого: «...сорок четвертый год... так вот, в том году шла у нас война, в то время всей нашей округой заправлял отец моего мужа... и Журабе, этот дьявол свободно расхаживал по улицам, народ терпел, сносил одно унижение за другим...»³⁴³.

Рефлексия над прошлым способствует его идеализации. Даже насилие возводится в ранг социальной добродетели: «...раньше было не так, раньше попросту убивали, убитого забывали скоро, а убийца оставался жить победителем, пользуясь всеми преимуществами, которые дает слава... убийство приносит славу... оно давала право на главенство...»³⁴⁴. В такой ситуации память, рефлексия над прошлым играет с носителями традиционной культуры недобрую шутку – в сознании, сформированном традиционными институтами и отношением, в сознании, которое базируется на дихотомии «добро / зло» и «Бог / дьявол» выкристаллизовывается образ зла – синтезированное и интегрированное представление крестьянина. Этот образ – порождение традиционной народной культуры, подспудных слоев сознания потомков колонистов, которые принесли из Европы представления об образах зла, характерные для романских народов. С такими традиционными образами в сознании носителей традиционной идентичности сочетается и образ своеобразного «нового человека», которые олицетворяет и символизирует вызов: «...это чудовище, вот кто он такой... мне известно, что об этом субъекте решительно все, он не удержался ни в одном коллеже, имел несколько историй с полицией... поджигатель, атеист, безбожник... коммунист...»³⁴⁵.

Это – в значительной степени собирательный и синтетический образ, сочетающий в себе как особый тип идентичности, неприятие радикализма и автоматическое выставление за пределы политического дискурса тех, кто оспаривает его функционирование в существующем виде, так и почти полную лояльность существующей политической системе. В такой ситуации сама категория лояльности постепенно трансформируется в один из элементов традиционности. Носители новых идентичностей, те, кто уже сам подвергся модернизации через соприкосновение с городской культурой не приемлют традиционность: «...надо бы снести эту церковь... и покончить со святыми... придет день и мы поставим к стенке всех: и богов и дьяволов...»³⁴⁶. Модернизация в такой ситуации выступает как мощнейшая сила, с ко-

³⁴³ Там же. – С. 27.

³⁴⁴ Там же. – С. 143.

³⁴⁵ Там же. – С. 62.

³⁴⁶ Там же. – С. 105.

торой традиция не в состоянии конкурировать. Традиционность закрепляет социальные и гендерные роли, а сила и привлекательность модернизации состоит в том, что она в силах разрушить эти границы: «...ничто меня не пугает, считаю, что все истины могут быть оспорены... у меня есть немало причин не признавать границу между дозволенным и недозволенным, у меня нет устоев...»³⁴⁷. Но и в этом случае протест модернизации против архаики нередко носит маргинальный и внесистемный характер. Процесс принятия новых идентичностей через разрушение старых не может протекать безболезненно. Радикализм традиционалистов и их противников в значительной степени был похож друг на друга, что вело к сосуществованию в рамках политической культуры взаимоисключающих идентичностей и лояльностей.

Роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс» стал своеобразным участком национальной и исторической памяти Бразилии XX столетия, где встретились и столкнулись различные политические культуры, за которыми стояли особые идентичностные типы и лояльности. Эти идентичностные типы опирались на различные основания. Традиционная культура, как правило, базировалась на привнесённой из Европы архаики, которая на протяжении нескольких столетий существования потомков португальских колонистов в значительной степени изменилась, став не просто португальской, но бразильской. Существования различных этнических групп и национальных сообществ, многие из которых функционировали в условиях доминирования традиционализма, так же в немалой степени способствовало тому, что традиционные институты и стоящие за ними формы и проявления идентичности (политической, социальной, культурной) оказались в XX столетии сложнопреодолимыми барьерами и препятствиями для начавшейся модернизации. Модернизация, в отличие от традиционализма, стала почти исключительно бразильским политическим проектом.

Доминирования различных форм традиционности объективно тормозило процессы политической, но, главным образом, экономической модернизации Бразилии. В такой ситуации модернизация стало одной из форм националистического движения. Бразильские модернизационные проекты и различные новые типы идентичности стали формами бразильского политического национализма. Но ни один опыт модернизации не даёт нам примеров мирной и быстрой модернизации. Традиционное общество ни в одной из стран Старого и Нового Света не имело ни малейшего стремления к тому, чтобы быть за-

³⁴⁷ Там же. – С. 206.

менным обществом современным. Поэтому, модернизация – это почти всегда политическая борьба, культурные дебаты и интеллектуальная полемика между традиционалистами и приверженцами нового. В такой ситуации бразильская литература превратилось в сферу политической борьбы и полемики. Литературные тексты стали манифестами модернизации или реквиемом по традиционному обществу.

К какой из этих категорий принадлежит роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс»? Бениту Баррету – сторонник модернизации или певец старого доброго прошлого? Вероятно, мы не можем дать однозначного ответа на этот вопрос. Баррету – размышляющий интеллект, его текст – это рефлексия относительно мучительного опыта модернизации конкретного локального сообщества. Текст стал «местом памяти», свидетельством того состояния расколотости, в котором пребывал культурный и политический дискурс в Бразилии периода активных модернизационных перемен.

Католические альтернативные политические тренды в Бразилии во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов

Установление в 1964 году в Бразилии военного режима и политика постепенного свертывания демократических институтов, сокращение реальной роли и политического значения электоральных процедур вызвали значительное недовольство со стороны интеллектуалов, не связанных с Вооруженными Силами и новым политическим режимом. Примечательно, что в Индонезии, в которой переворот произошел несколькими месяцами позднее, чем в Бразилии, в 1965 году, наряду с официальным и лояльным политическим дискурсом сложился оппозиционный. Бразильскую и индонезийскую оппозицию, которая пошла на открытое выражение своего несогласия с военным режимом, составили не только светские интеллектуалы, а политики и деятели, принадлежащие в наибольшей степени к религиозному дискурсу. В авторитарных обществах религия (католицизм или ислам) нередко была фактором легитимации социальных действий³⁴⁸, направленных, в том числе, и на изменение политического режима.

В Индонезии одну из ведущих ролей в формировании альтернативных оппозиционных трендов играла мусульманская умма и все более политизирующийся ислам, который постепенно становился радикальным. В Бразилии Католическая Церковь, которая традиционно играла немалую роль в политической жизни³⁴⁹, стала одним из центров притяжения оппозиционных сил, что характерно не только для Бразилии второй половины XX века³⁵⁰. Оппозиционный религиозный

³⁴⁸ См. подробнее: Гараджа В.И. Религия и общество / В.И. Гараджа. – М., 1996. – С. 145.

³⁴⁹ О политической роли и политическом участии бразильских католиков на государственном уровне см.: Mata A. Fortaleza do catolicismo. Identidades católicas e política na Belo Horizonte dos anos 60 / A. Mata. – Belo Horizonte, 1996 (Dissertação de Mestrado em História); Mainwaring S. Igreja Católica e Política no Brasil / S. Mainwaring. – São Paulo, 1989; Presença pública da Igreja no Brasil. – São Paulo, 2003. Ряд работ (в частности – Э. Яцински, Л. Монастирски) написан в стиле локальной / региональной истории и так же затрагивает проблемы политического участия верующих. См.: Jacinski E. Formação Filosófica na Diocese de Ponta Grossa: Dilemas na Construção de uma Nova Subjetividade Eclesial / E. Jacinski // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 115 – 130; Monastirsky L.B. Cidade e ferrovia: a mitificação do pátio central da RFFSA em Ponta Grossa / L.B. Monastirsky. – Florianópolis, 1997 (Dissertação de Mestrado, Geografia; Universidade Federal de Santa Catarina). См. так же: Pinheiro Filho F.A. A invenção da ordem Intelectuais católicos no Brasil / F.A. Pinheiro Filho // TS(RS). – 2007. – Vol. 19. – No 1. – P. 33 – 49.

³⁵⁰ О политических предпочтениях и политическом участии католиков, особой политической миссии Католической Церкви во второй половине XX века см.: Poulat É. Intégrisme et catholicisme intégral / É. Poulat. – Paris, 1969; Au coeur de la crise moderniste, correspondance / ed. René Marle. – Paris, 1960.

дискурс в Бразилии не претерпел столь последовательной радикализации, а оппозиционные политики католической ориентации в большей степени были склонны к диалогу с властями, отказываясь от принятия радикальных и насильственных действий.

Политическая оппозиционность в Бразилии в период правления армии имела несколько уровней, несколько взаимосвязанных проявлений. Вероятно, в рамках оппозиционного дискурса следует выделять либеральный общедемократический субдискурс, радикальный альтернативный субдискурс и религиозный субдискурс. Все эти три субдискурса были представлены различными политическими – гражданскими и духовными – силами. В рамках первого функционировали почти вытесненные за пределы политического поля партии демократической и либеральной ориентации. Вторым был представлен экстремистскими левыми, коммунистическими, радикальными группировками, которые отказывали военному режиму в легитимности, используя в качестве универсального инструмента борьбы с ним, насилие. Третий дискурс формировался в результате консолидации бразильских верующих. На раннем этапе существования военного режима, в период его институционализации и консолидации, военные сталкивались с наиболее серьезной оппозицией со стороны левых радикалов. Комментируя усиление левого политического вызова в нестабильных обществах, французский исследователь Патрик де Лобье полагал, что «перед лицом социализма государственная власть бессильна, поскольку располагает лишь внешними средствами, тогда как социализм выражает фундаментальное требование счастья, внутренне присущее человеку, но изуродованное материалистической философией»³⁵¹. Понимая, что политическая альтернатива авторитаризму начинает ассоциироваться именно с левым политическим дискурсом, бразильские католики предприняли значительные усилия, направленные на интеграцию идеи социальной справедливости с учением Церкви.

Формирование и функционирование оппозиционных католических трендов в Бразилии протекало не только в светском дискурсе, но и в рамках бразильского течения в международной католической «теологии освобождения» – феномена, теологические аспекты которого исследованы в рамках как отечественного³⁵², так и зарубежного на-

³⁵¹ См. подробнее: Лобье П. де, Три Града. Социальное учение христианства / П. де Лобье. – СПб., 2001. – С. 95.

³⁵² О «теологии освобождения» см.: Поташинская Н.Н., Дерюгин С.В. Теология освобождения: истоки и тенденции / Н.Н. Поташинская, С.В. Дерюгин // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы / ред. Б.И. Коваль. – М., 1991. – С. 14 – 26.

учного дискурса³⁵³. Появление этого тренда в католической интеллектуальной традиции хронологически совпало с определенным интеллектуальным и духовным кризисом в католических государствах, связанным с секуляризацией³⁵⁴, постепенным распадом культуры постмодерна и началом доминирования массовых трендов в культурном дискурсе Запада³⁵⁵, в том числе – и Бразилии. В такой ситуации резко возросла роль интеллектуальной рефлексии сторонников традиционализма, к которым относились и деятели бразильской Церкви. С другой стороны, новые политические тренды, представленные Вооруженными Силами и интеллектуалами-технократами, смогли занять доминирующие позиции в рамках политического поля Бразилии, определив контуры политического дискурса в стране, совершив военный переворот в 1964 году. Установление авторитарного режима в качестве одного из последствий имело появление политической, в том числе – и католической, оппозиции.

Среди ведущих лидеров католической политической традиции и оппозиции³⁵⁶ в Бразилии и соответственно бразильских теоретиков «теологии освобождения» были Уго Ассманн, Камара Эльдер Пессоа, Клодовис Бофф и Леонарду Бофф³⁵⁷, Тибор Сулик, фрай Бетто, Либаниу Жуан Батиста... Именно их усилиями формировался интеллектуальный и политический бэк-граунд функционирования оппозиционного политического дискурса в Бразилии в период существования военного режима. Комментируя позиции Католической Церкви в период существования военного режима, Луис Алберту Гомес дэ Соуза пола-

³⁵³ Goulet D. A New Moral Order. Development Ethics and Liberation Theology / D. Goulet. – NY, 1974.

³⁵⁴ Эта проблематика описана и проанализирована достаточно подробно, и в рамках настоящего раздела не имеет смысла на ней останавливаться. Автор полагает, что теоретический анализ этой проблемы достаточно хорошо представлен в классической работе Дж. Ленски. См.: Lenski G. The Religious Factor / G. Lenski. – NY., 1961.

³⁵⁵ Об этих тенденциях см. подробнее: Roszak Th. The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition / Th. Roszak. – NY., 1969; Roszak Th. Person / Planet: The Creative Disintegration of Industrial Society / Th. Roszak. – L., 1981.

³⁵⁶ О феномене политического католицизма в Бразилии см.: Kadt E. de, Catholic Radicals in Brazil / E. de Kadt. – Oxford, 1970; Mainwaring S. The Catholic Church and Politics in Brazil, 1916–1985 / S. Mainwaring. – Stanford, 1986; Moreira Alves M. A Igreja e a política no Brasil / M. Moreira Alves. – São Paulo, 1979.

³⁵⁷ См.: Boff L., Boff C. Da libertação: o sentido teológico das libertações sócio-históricas / L. Boff, C. Boff. – Petrópolis, 1979; Boff L. Igreja: carisma e poder. Ensaio de eclesiologia militante / L. Boff. – Petrópolis, 1982.

гал³⁵⁸, что только Церковь была единственной сферой, где вольно звучал голос свободы в условиях авторитаризма.

В своей концепции бразильские теоретики «теологии освобождения» уделяли значительное внимание перевороту 1964 года. В частности, Тибор Сулик³⁵⁹, комментируя политические изменения, которые произошли в результате прихода к власти Вооруженных Сил, писал, что «в 1964 году военные взяли в Бразилии власть. Иерархия, следует признать, не противилась военному перевороту... она увидела в нем противовес риску марксистского типа»³⁶⁰. Тибор Сулик полагал, что отношения между Католической Церковью и военным режимом не были статичными. Если сначала Церковь (в первую очередь – высшее духовенство³⁶¹) позитивно отнеслась к перевороту³⁶², то постепенно политические предпочтения бразильских епископов сместились в сторону оппозиционных политических трендов. Постепенно бразильские католики вернулись к решениям Второго Ватиканского Собора, в которых, в частности, подчеркивалось, что «долгом всякой гражданской власти является защита и утверждение прав человека... поэтому гражданская власть путем принятия законов и других надлежащих мер должна взять на себя реальную защиту свободы всех граждан»³⁶³.

В такой ситуации бразильские католики более активно стали акцентировать внимание на несоответствии политики военного режима с христианскими ценностями. Комментируя такую эволюцию позиций Церкви, Сулик полагал, что «большинство бразильских епископов не противились перевороту, но несколько лет спустя, когда усилились репрессивные аспекты военного режима, церковь начала отстраняться от него... в 1968 году состоялась конференция в Медельине, где был

³⁵⁸ Luiz Alberto Gómez de Souza, *Latin America and the Catholic Church: points of convergence and devergence, 1960 – 2005* / Luiz Alberto Gómez de Souza. – [n.p.], 2007. – P. 14. См так же: Luiz Alberto Gómez de Souza, *Os cristãos e as instituições sociais* / Luiz Alberto Gómez de Souza // *Classes populares e Igreja nos caminhos da história*. – Petrópolis, 1982. – P. 131 – 145.

³⁵⁹ См. подробнее о политической программе Т. Сулика: Sulik T. *Entrevista: Se i laici crescano* / T. Sulik // *AS*. – 1986. – Fevereiro, 6 – 13.

³⁶⁰ Сулик Т. Если миряне взрослеют / Т. Сулик // *Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы*. – С. 194.

³⁶¹ О высшем духовенстве и его роли в развитии и функционировании Католической Церкви в Бразилии см.: *História da Igreja no Brasil* / ed. E. Hoornaert. – Petrópolis, 1977; Araújo J.C. *Igreja Católica no Brasil: um estudo de mentalidade ideológica* / J.C. Araújo. – São Paulo, 1986; Moceli S. *A elite eclesiástica brasileira* / S. Miceli. – Rio de Janeiro, 1988.

³⁶² О политических предпочтениях бразильских католиков см.: Mignone E.F. *Iglesia y dictadura. El papel de la Iglesia a la luz de sus relaciones con el régimen militar* / E.F. Mignone. – Buenos Aires, 1986; Serbin K.P. *Diálogos na sombra. Bispos e militares, tortura e justiça social na ditadura* / K.P. Serbin. – São Paulo, 2001.

³⁶³ Цит. по: Лобье П. де, *Три Града. Социальное учение христианства*. – С. 281.

сделан выбор в пользу бедных. Пастыри бразильской Церкви стали более ревностными защитниками его прав»³⁶⁴. Попытка изменить характер авторитарного режима мирными средствами и более широкое участие в жизни наиболее беднейших слоев бразильского общества, вероятно, свидетельствует о том, что бразильские католики, избрав именно эту стратегию, могли руководствоваться словами папы Павла VI, констатировавшего в 1967 году, что «революционное восстание наносит значительный ущерб общему благу в стране, приводит к новым несправедливостям, нарушает существующее равновесие и вызывает новые разрушения»³⁶⁵.

С ним, вероятно, был солидарен и Леонардо Бофф, который в тексте, названном «Отче наш», указывая на невозможность насилия со стороны верующих против военного режима, констатировал его антидемократический характер, отмечая и то, что авторитаризм Вооруженных Сил активно использовал христианскую риторику и стремился позиционировать себя как режим, основанный на христианских ценностях. Л. Бофф, в частности, писал, что «...Отче, да святиться твоя освободительная деятельность, направленная против тех, кто угнетает во имя Твое...»³⁶⁶. «Теология освобождения» воспринималась ее сторонниками в качестве универсальной политической программы и интеллектуального бэк-граунда протестного движения, которое в состоянии институционализировать в своих рамках большинство противников военного режима в независимости от их социального статуса и, вероятно, политических предпочтений.

Политическая активизация и политическое участие в оппозиционном движении со стороны бразильских католиков было и проявлением тех особых позиций, которые занимала Католическая Церковь в Бразилии в период правления военных. В то время, когда папа Павел VI (в 1968 году посетивший небольшую Колумбию, но воздержавшийся от визита в крупнейшую католическую страну, Бразилию, по причине недемократического характера военного режима³⁶⁷) в своем послании 1971 года «Octogesima adveniens» констатировал, что «христианин, желающий проявить свою веру в политической деятельности, не может, не вступая в противоречие с самим собой, примыкать к идеологическим системам, которые в принципе или в существенных

³⁶⁴ Сулик Т. Если миряне взрослеют. – С. 194.

³⁶⁵ Цит. по: Лобье П. де, Три Града. Социальное учение христианства. – С. 321.

³⁶⁶ Boff L. Padre Nostro / L. Boff // D'Avanzo. Chiesa e liberazione in America Latina. – P. 203. См. так же и более поздние публикации Л. Боффа: Boff L. Ecologia, mundialização, espiritualidade / L. Boff. – São Paulo, 1993; Boff L. Dignitas terrae. Ecologia: grito da terra, grito dos pobres / L. Boff. – São Paulo, 1995.

³⁶⁷ См. подробнее: Бедуелл Г. История Церкви / Г. Бедуелл. – М., 1996. – С. 191 – 192.

моментах противоречат его вере и его взгляду на человека»³⁶⁸, бразильское католическое сообщество развивалась в условиях доминирования тенденции к политизации и активному политическому участию.

Комментируя общедемократический и общеполитический контент «теологии освобождения» Клодовис Бофф³⁶⁹ писал, что «...сегодня теологией освобождения интересуется весь народ Божий – пастыри и миряне... она стала неоспоримым фактом церковной жизни, переступила границы Церкви и превратилась в общественное явление... она стала аргументом в академических кругах и политических собраниях...»³⁷⁰. Само появление «теологии освобождения» связывалось ее теоретиками с теми политическими процессами, которые произошли в Бразилии во второй половине 1960-х годов и были связаны с установлением авторитарного политического режима и сворачиванием демократических институтов. Бразильские теологи позиционировали «теологию освобождения» как политическую альтернативу не только военному режиму, но и тем идеологическим и политическим системам, которые бросали вызов авторитаризму – либерализму и марксизму. Это было вызвано тем, что значительная часть католиков в Бразилии воспринимала левые и правые альтернативные политические проекты как чуждые в одинаковой степени и авторитаризму военного режима и католицизму Церкви. Левый альтернативный тренд был неприемлем для католиков в силу характерного для бразильских радикалов культом насилия и склонностью к внесистемным действиям³⁷¹. В демократическом либеральном оппозиционном дискурсе католики, вероятно, уловили вызов, направленный на только против авторитаризма, но и против авторитета Католической Церкви.

Именно поэтому, в политическом плане «теология освобождения» позиционировалась как «язык конкретной церкви, которая обязалась быть с бедными ради их освобождения... родителем теологии освобождения является угнетенный народ Латинской Америки»³⁷².

³⁶⁸ Цит. по: Лобье П. де, Три Града. Социальное учение христианства. – С. 299.

³⁶⁹ О политических и социальных концепциях Кл. Боффа см. подробнее: Boff C. *Teologia della liberazione: che cos'è realmente?* / C. Boff // *Testimonianze*. – 1985. – No 1. – P. 47 – 68.

³⁷⁰ Бофф Кл. Что такое теология освобождения на самом деле / Кл. Бофф // *Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы*. – С. 136.

³⁷¹ О левых радикалах в Бразилии см.: Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // *Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара* / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. – Воронеж, 2007. – С. 19 – 30.

³⁷² Бофф Кл. Что такое теология освобождения на самом деле. – С. 140.

Уго Ассманн³⁷³, анализируя проблемы, с которыми сталкивалась Бразилия, указывал на необходимость принимать во внимание особенно политического и экономического развития страны, полагая, что для Бразилии, как развивающегося государства, актуальны своеобразные «пророческие элементы» теологии освобождения, которые выражаются в «смелом обвинении» существующего политического режима как недемократического и в практических действиях, направленных на разоблачение и раскрытие авторитарного характера военного режима³⁷⁴.

Ассманн настаивал на том, что одна из стратегий военного режима в Бразилии, которая сводилась к постепенной деполитизации общественной жизни, попытки вытеснить за пределы политического дискурса нелояльных интеллектуалов, ограничив их пределами университетов или других научных сообществ; попытки ограничить служение Католической Церкви исключительно религиозной сферой – способствуют консервации существующего политического режима. В связи с этим Уго Ассманн писал: «...держать Церковь в алтаре или в реальности чисто духовного характера означает на деле превратить христианство в простую идеологию, конкретно идентифицировать его со ставящими свой священный характер на службу существующему порядку. К несчастью, значительная часть латиноамериканского католицизма фактически представляет идеологию такого плана...»³⁷⁵.

Уго Ассманн, подчеркивая общую оппозиционность «теологии освобождения», относительно правящего режима полагал, что она сталкивается с двумя вызовами: вызовом военного режима и вызовом со стороны консерваторов внутри Церкви, которые неспособны принять и понять идеи «теологии освобождения»³⁷⁶. Комментируя ситуа-

³⁷³ См.: Assmann U. La situation des pays maintenus en etat de sousdeveloppement comme lieu d'une theologie de la revolution / U. Assmann // Discussion sur la theologie de la revolution. – Paris, 1972. – P. 151 – 154.

³⁷⁴ Ассманн У. Страны, сохраняющие состояние слаборазвитости как питательная почва для теологии революции / У. Ассманн // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы / ред. Б.И. Коваль. – М., 1991. – С. 96.

³⁷⁵ См. подробнее: Ассманн У. Страны, сохраняющие состояние слаборазвитости как питательная почва для теологии революции. – С. 96.

³⁷⁶ Вероятно, Уго Ассманн не заметил и третий вызов, представленный... феноменом народной религиозности. Народная религиозность, которой посвящен ряд исследований бразильских авторов (см.: Azzi R. Elementos para a História do Catolicismo Popular / R. Azzi // REB. – 1976. – Vol. 36. – Março. – P. 95 – 130; Comblin J. Para uma tipologia do catolicismo no Brasil / J. Comblin // REB. – 1968. – Vol. 28. – Março. – P. 46 – 73; Oliveira P.R. de, Catolicismo Popular e Romanização do Catolicismo Brasileiro / P.R. de Oliveira // REB. – 1976. – Vol. 36. – Março. – P. 131 – 141; Oliveira P.R. de, Religiosidade popular na América Latina / P.R. de Oliveira // REB. – 1972. – Vol. 32. – Março. – P. 342 – 368; Valle E. Religiosidade popular: evangelização e vida religiosa / E. Valle. – Petrópolis, 1975), тесно свя-

цию, Уго Ассманн писал, что «...следует ожидать непонимания и репрессий не только со стороны установленной власти, но и со стороны церковного учения. Последнее – исключительно из-за недостатка интеллекта и из-за поверхностности... но прежде всего из-за того, что в Церкви господствует нетерпимость к пророческой смелости...»³⁷⁷.

Сторонники католического оппозиционного тренда настаивали на том, что установление военного режима в результате переворота является исключительно временным явлением, своеобразным отклонением бразильского общества от демократической модели политического развития и функционирования. В частности, Эльдер Камара³⁷⁸ полагал, что военный режим лишен потенция реального развития и не обладает механизмом приспособления к постоянно изменяющейся ситуации. Эльдер Камара, в частности, писал, что «...мир в мире без экономического и социального развития – всего лишь перемирие, которое может быть нарушено либо справедливым восстанием голодающих народов, либо проникновением чуждых и негативных идеологий...»³⁷⁹. Поэтому, бразильские теоретики «теологии освобождения» полагали, что военный режим будет вынужден постепенно трансформироваться и демократизироваться в условиях внутреннего структурного кризиса или в результате институционализации и, как следствие, успеха оппозиционного и протестного движения. В этой ситуации сторонники «теологии освобождения» предлагали альтернативную стратегию политической модернизации Бразилии, которая в значительной степени означала и демократизацию политической сферы.

Относительно путей демократизации среди сторонников «теологии освобождения» не было единства мнений. В частности, один из крупнейших бразильских теоретиков «теологии освобождения» Клодовис Бофф полагал³⁸⁰, что успех новой модернизации и, как резуль-

занная и переплетенная с традицией социального протеста и социально маркированного (и поэтому, санкционированного, почти – справедливого) насилия, была, вероятно, традиционалистским институтом, распространенным среди носителей «низкой культуры» – городских и сельских низов, связанных с маргинальными и радикальными политическими дискурсам. В конкуренции с этой традицией «теология освобождения» проиграла. Политизированные массы сделали выбор в пользу светской, а не католической, альтернативы.

³⁷⁷ Ассманн У. Страны, сохраняющие состояние слаборазвитости... – С. 97.

³⁷⁸ О политической и социальной позиции Эльдера Камары см. подробнее: Camara H. La iglesia en el desarrollo de America Latina / H. Camara. – Madrid, 1970.

³⁷⁹ См. подробнее: Камара Э. От номинального к фактическому христианству / Э. Камара // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы. – С. 107.

³⁸⁰ Об этом см. подробнее: Boff C. Intervento alla Tavola Rotonda. Teologia della liberazione: una sfida per la cultura occidentale / C. Boff // Testimonianze. – 1985. – No 1. – P. 103 – 105.

тат, демократизации зависит от степени развития политического и социального активизма масс³⁸¹. Теоретики «теологии освобождения» возлагали немалые надежды на активную гражданскую позицию бразильцев в сочетании с их сопричастностью с развитой религиозной традицией, хотя следует признать, что этим иллюзиям не суждено было быть реализованными. Граждане проявили значительный политический активизм, который реализовывался в рамках почти исключительно светских трендов политического поля.

В связи с этим Клодовис Бофф вынужденно констатировал, что «до возникновения теологии освобождения в Латинской Америке уже существовала освободительная практика... теология освобождения является теологией церкви освобождения, то есть церкви, сделавшей предпочтительный выбор в пользу бедных и солидарных с ними»³⁸². С ним был солидарен и Тибор Сулик, констатировавший необходимость политизации населения. Комментируя ситуацию Т. Сулик писал, что «...бразильская Церковь нуждается в мирянах, которые автоматически взяли бы на себя ответственность и начали соединять требования Евангелия с политическими нуждами... недостает лидерства католических мирян...»³⁸³. Он полагал, что вовлечение верующих в политику может иметь позитивные результаты, так как будет гарантировать активное гражданское участие верующих, которые отдают себе отчет в своих действиях и их возможных последствиях.

Иными словами, новые модернизационные проекты в Бразилии должны были стать не просто проектами политической элит, но проявлением политического участия масс, результатом институционализации их политических предпочтений. Уго Ассманн полагал, что теология освобождения, будучи в значительной степени пророческим движением, неизбежно должна сблизиться и, возможно, слиться со светским оппозиционным политическим движением. Соединение и сближение различных оппозиционных трендов, по его мнению, являлось в Бразилии одной из гарантий осуществления революции³⁸⁴, которая, согласно теоретикам теологии освобождения, должна была стать народной.

Вероятно, и Уго Ассманн, и Клодовис Бофф (утверждавший, что именно народ станет движущей силой новой модернизации и социального обновления) оперировали весьма популярной революционной

³⁸¹ См. подробнее: Oliveira P.R. de, *Religião e Dominação de Classe / P.R. de Oliveira // Gênese, estrutura e função do catolicismo romanizado no Brasil.* – Petrópolis, 1985.

³⁸² См.: Бофф Кл. Что такое теология освобождения на самом деле. – С. 137.

³⁸³ См.: Сулик Т. Если миряне взрослеют. – С. 195.

³⁸⁴ Ассман У. Страны, сохраняющие состояние слаборазвитости как питательная почва для теологии революции. – С. 96.

фразеологией, не утверждая при этом, что будущая революция должна стать исключительно левой. Клодовис Бофф, в частности, писал, что «очень важный вклад, сделанный нами, латиноамериканцами, в теологию освобождения, состоит в расширении классовой концепции в пользу народа. Народ – это гораздо более богатая концепция, чем концепция классов»³⁸⁵. Другие теоретики бразильской «теологии освобождения» так же настаивали на том, что это – в первую очередь католическое, и только потом – политическое и социальное – учение. Именно поэтому бразильские теологи освобождения отличались весьма критическим отношением к марксизму, настаивая, с одной стороны, что марксизм заимствовал принцип диалектики из христианства, и, полагая, с другой, что марксизм является «вторичной и периферийной проблемой». Комментируя отношения между теологией освобождения и марксизмом Кл. Бофф писал, что «марксизм часто используют как орудие... вера ассимилирует и суммирует марксистские элементы, а не наоборот»³⁸⁶.

Ассманн полагал, что свержение или отстранение военного режима от власти возможно в результате своеобразного широкого политического революционного движения, способного восстановить в стране демократические институты и процедуры³⁸⁷. Вероятно, политическим ориентиром для сторонников «теологии освобождения» в Бразилии была именно демократия. В частности, Леонардо Бофф³⁸⁸ в связи с этим писал, что «демократия – это более чем форма конкретного правления, это дух, который должен пронизывать все формы власти, ибо цель демократии – достижение равенства и участие всех или возможного большинства людей в общественной жизни»³⁸⁹.

В этой ситуации сама «теология освобождения» воспринималась как форма политической борьбы против авторитарного режима, как политическая альтернатива авторитарному модернизационному проекту, который реализовывался военными в союзе с интеллектуалами-технократами. Клодовис Бофф в связи с этим писал, что «теология освобождения является отражением жизни христианской общины, во-

³⁸⁵ См.: Бофф Кл. Теология освобождения: вызов западной культуре / Кл. Бофф // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы. – С. 142.

³⁸⁶ См.: Бофф Кл. Что такое теология освобождения на самом деле. – С. 141.

³⁸⁷ Ассманн У. Страны, сохраняющие состояние слаборазвитости как питательная почва для теологии революции. – С. 96.

³⁸⁸ О политической концепции Л. Боффа в частности и о бразильском тренде в латиноамериканской «теологии освобождения» см. подробнее: Boff L. E a Igreja se fez povo / L. Boff. – São Paulo, 1986.

³⁸⁹ Бофф Л. И церковь становится народом / Л. Бофф // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы. – С.146.

влеченной в освобождение»³⁹⁰. С Клодовисом Боффом был солидарен и Леонарду Бофф, полагавший, что «народная церковь является церковью борьбы за освобождение»³⁹¹. Конкретизируя эту идею, Эльдер Камара полагал, что демократизация станет и значительной социальной модернизацией³⁹², так как именно изменение политического режима даст шанс на «социальные реформы, которых требует народ»³⁹³. В связи с этим Леонардо Бофф подчеркивал, что Католическая Церковь должна более активно участвовать в модернизационных процессах в Бразилии, являясь генератором социальных и политических перемен. Именно поэтому Л. Бофф указывал на качественно новое изменение Церкви в Бразилии как «народной церкви». В связи с этим он писал, что «социологически церковь должна быть народной»³⁹⁴.

Попытку реально реализовать свою социальную ответственность бразильские католики предприняли в 1980-е годы, в условиях начавшегося процесса демократического транзита, хотя тенденции более открытого и активного обсуждения политических проблем в рамках научного дискурса в Бразилии наметились в начале 1980-х годов³⁹⁵, что проявилось в публикациях посвященных перспективам демократизации и ответственности политических элит за проводимую политику модернизации в рамках авторитарного политического режима.

Подводя итоги развития оппозиционных политических трендов в Бразилии второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов, следует принимать во внимание несколько аспектов. «Теология освобождения» была комплексом оппозиционных антивоенных трендов, которые базировались, с одной стороны, на христианской идее, а, с другой, на общедемократических ценностях. Заметен определенный крен теологии освобождения в сторону революционной риторики и латиноамериканского революционаризма. Вероятно, в этом контексте не следует преувеличивать роль левого контента в политической доктрине бразильской теологии освобождения.

³⁹⁰ Бофф Кл. Что такое теология освобождения на самом деле. – С. 138.

³⁹¹ Бофф Л. И церковь становится народом. – С. 145.

³⁹² Камара Э. Ошибаются полагающие, что церковь отступит / Э. Камара // Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы. – С. 108 – 109.

³⁹³ Camara H. Sobre el proximo Sinodo: “Se equivocan quienes piensan que la Iglesia dara marcha atras” / H. Camara // Ya. – 1985. – Octubre, 3.

³⁹⁴ При этом следует принимать во внимание, что Л. Бофф, называя церковь «народной», не пытался умалить ее значения. В связи с этим он писал, что «народная церковь не состоит исключительно из бедняков или маргиналов, которые организуются в движение». См.: Бофф Л. И церковь становится народом. – С. 145.

³⁹⁵ См.: Coutinho C.N. A democracia como valor universal / C.N. Coutinho. – São Paulo, 1980; Chauí M. Cultura e democracia / M. Chauí. – São Paulo, 1980.

Левая риторика широко и активно использовалась теоретиками теологии освобождения, но, скорее всего, не играла роль подлинного идеологического бэк-граунда, будучи одним из стимулов и поводов к постоянной интеллектуальной рефлексии. Бразильские католики не сыграли ведущей роли в ослаблении военного режима и начале процессов политической демократизации. Светские политики в этом отношении достигли более значительных и заметных результатов. Католические и светские тренды в развитии и функционировании политической оппозиции, таким образом, сосуществовали, дополняя друг друга в условиях постепенно начинавшего кризиса авторитарного режима и втягивания Бразилии в процессы секуляризации, характерные для западной культурной традиции второй половины XX столетия.

Заключение

Модернизационный опыт в Бразилии: теоретические проблемы исследования

Результаты любых политических процессов и движений зависят от стартовой точки социальных перемен и политических изменений. Иными словами, то, куда придет сообщество зависит от того, откуда оно выйдет. Теория подобного плана, вероятно, вполне применима для изучения политических процессов, в том числе – и процессов политической модернизации. Вероятно, политический процесс не ограничивался в Бразилии исключительно политической сферой функционирования общества. Модернизация стала, в первую очередь, разрушением традиционных идентичностей, формированием новых политических культур, лояльностей и идентичностей. Эти стороны модернизационного процесса оказались чрезвычайно сложными и многоуровневыми. Не следует сводить модернизацию к той или иной политической динамике, которая вылилась в триумф демократических ценностей и идей гражданского общества. Бразильская модернизация – это формирования новых идентичностных трендов и стоящих за ними интеллектуальных бэк-граундов. В Бразилии процесс модернизации был связан с формированием новой современной идентичности.

Процессы формирования национальной идентичности отличаются сложностью и многообразием форм, в которых может протекать сам процесс и разнообразием различных идентичностей и идентичностных проектов, которые возникают в рамках того или иного сообщества. Нередко процесс формирования идентичности, которая является основой национализма как институционализированного движения или оформленного протеста, сводят исключительно к политической сфере существования общества. Но сфера проявления национального не ограничивается исключительно политикой. Политические процессы нередко способствуют обратному процессу – постепенной денационализации того или иного сообщества. Когда возникает национализм в Бразилии? В европейской истории XIX век стал столетием национализма. Латиноамериканские государства не были исключением. Для развития национализма в Латинской Америке существовали все необходимые условия, и национализм в этом регионе действительно развивался. Это был, как правило, политический (либеральный граждан-

ский) национализм. С другой стороны, следует вновь вернуться к проблеме, заявленной выше. Что являлось сферой проявления национальных / националистических чувств, сферой доминирования и развития национального националистического воображения? И хотя географически Бразилия, как и все остальные государства Латинской Америки, были крайне далеки от Европы – не следует в Южной Америке видеть периферию, аутсайдера политических процессов XIX и XX столетия.

Бразилия, подобно европейским национализирующимся странам и обществам, была национализирующимся государством и обществом. Но каким образом протекала национализация в Европе? Национализм как патриотическое чувство и политическая идея был, вероятно, уделом относительно небольшого количества людей, местных интеллектуалов. Сфера влияния национализма нередко совпадала с границами существования и пределами доминирования «высокой культуры». Первыми националистами в континентальной Европе, действительно, были люди образованные – писатели, поэты, политики, которые нередко принадлежали к высшим классам общества. Именно они, изучая язык крестьян, записывая народные песни, сделали много, чтобы позднее на политической и исторической арене появились нации, о которых они мечтали и которые существовали исключительно в их воображении.

Модернизация политической сферы была маловероятна без утверждения модернистских трендов в культурной и интеллектуальной жизни. Литературный триумф модернизма в Бразилии тесно связан с началом модернизационных процессов и в политической сфере. История Бразилии XX столетия – это история модернизации, история экономического роста, политического и культурного успеха и прогресса. Вероятно, все эти позитивные перемены, которые произошли в жизни бразильского общества на протяжении XX века, были бы маловероятны без двух событий, состоявшихся в XIX столетии. Речь идет об отмене рабства и провозглашении республики. Хотя, вероятно, второе событие имело гораздо меньшее значение для модернизации в силу того, что определенные модернизационные процессы в Бразилии, связанные с развитием «высокой культуры» и распространением идеи политической нации вполне успешно протекали и в рамках монархического режима.

Воздействие городской культуры нередко могло заканчиваться там, где вступали в силу традиционные отношения, связанные с рабством. В свою очередь, рабство было такой темой, о которой редкий бразильский интеллектуал, носитель «высокой культуры» упускал

возможность порефлексировать. Само рабство было крайне благопри-
ятной почвой (как не цинично это звучит) для культурных дебатов и
интеллектуальных дискуссий. Само существование в Бразилии до
второй половины 1880-х годов рабства, вероятно, свидетельствует о
том, что страна пребывала на начальном этапе процессов модерниза-
ции. Политическая сфера так же продолжала оставаться узкой и мо-
нополизированной представителями «высокой культуры». Политиче-
ские партии, как институты представительства интересов различных
социальных слоев и носителей разных идентичностей, пребывали в
зачаточном состоянии. Поэтому, дискурс политического доминировал
в культурной сфере, что вело к тому, что литературные тексты писа-
лись как тексты политические. В условиях отсутствия гражданских и
политических свобод литература превращается в важный канал разви-
тия национальной идентичности: не только в этнической, но и в поли-
тической сфере.

Литературный триумф модернизма совпал с кризисом «высокой
культуры»: в такой ситуации, если романтизм предлагал в значитель-
ной степени унифицированные схемы поведения героев (и, как ре-
зультат, унифицированные идентичности), то модернизм предложил
несколько вариантов поведения в условиях определенного идентично-
стного кризиса. На смену сингулярной идентичности приходит иден-
тичность серийная. «Гибель» культуры элиты была ознаменована зна-
чительной политизацией масс и появлением новых политических дви-
жений, которые предлагали новые идентичностные проекты и куль-
турные идентичности. Рождение новых идентичностей новых модер-
ных (современных) наций протекало чрезвычайно тяжело, сопровож-
даясь острыми интеллектуальными дебатами.

Именно модернизм привел не только к появлению серийных
идентичностей, но и к дефрагментации идентичностного дискурса,
выделению левых и правых трендов. Но это было характерно для раз-
витого модернизма первой половины XX века. Ранний модернизм
(или прото-модернизм) столь ярко выраженной политической детер-
минированностью не отличался. Ранний модернизм сыграл значи-
тельную роль в формировании, развитии и даже появлении новых
идентичностей на территории Бразилии. Развитие модернистского
тренда в литературе было связано с кризисом «высокой культуры»,
носителями которой являлись представители политической, культур-
ной и интеллектуальной элиты. Примечательно, что в этом случае
кризисные явления осознали сами носители этой культурной иден-
тичности, став провозвестниками новых культурных и литературных
практик. В рамках этой новой, «большой» культурной рефлексии, бы-

ли подвергнуты радикальной ревизии те ценности, которые ранее казались почти незыблемыми. Переоценка охватила все сферы жизни, в первую очередь – отношения полов.

Значение бразильского модернизма как культурного и интеллектуального явления крайне велико для модернизации в политической сфере. В новой идентичности, предлагаемой и создаваемой усилиями модернистов, формировались и новый мужчина, и новая женщина. Среди них теперь было сложно определить однозначного лидера и аутсайдера. Эти понятия перестали быть гендерно маркированными, утратив связь и с социальным статусом. В этой новой идентичности сам статус стал весьма подвижным. Но эта статусная динамика почти не затрагивала социального, культурного и интеллектуального бэкграунда в целом. Литература раннего бразильского модернизма – это литература, отмеченная сочетанием новых и архаичных институтов при условии почти полного доминирования традиции. Ранний бразильский модернизм – это литература начинающейся модернизации. Начало модернизационных процессов стало возможно благодаря кризису традиционной высокой культуры и постепенному распаду романтического тренда в литературе. Разрушая старую романтическую идентичность, ломая социальные стереотипы и каноны, пересматривая социальные роли, ранний модернизм готовил почву для расцвета новых, современных, идентичностей, которые были в значительной степени более фрагментированными, развиваясь в рамках левого и правого литературного трендов в интеллектуальной жизни Бразилии.

Механизмы зарождения национализма как политического движения и национализма как политической идеологии в контексте политической модернизации (модернизация невозможна без нации – главного детища националистов, в противном случае – модернизировать просто нечего) принадлежат к числу дискуссионных проблем. Представителями исследовательского сообщества высказываются различные точки зрения, начиная с утверждения о том, что проблема является надуманной в виду примордиального характера нации и завершая различными модернистско-конструктивистскими теориями. Сторонники последних могут связывать возникновение национализма как доктрины и организованного националистического движения как фактора политической жизни с различными процессами – социальными переменами, стимулирующими модернизацию; протестом периферии против центра; политическими процессами разложения имперских политических институтов и структур под нажимом новых национальных движений и молодых агрессивных интеллигенций.

В политологической литературе предложено немало интерпретаций национализма как одного из условий модернизации. Одна из наиболее популярных и востребованных теорий связана с анализом роли интеллектуального сообщества, носителей «высокой культуры» в формировании идеологий нового типа, первой в ряду которых и явился национализм. Действительно, если мы обратимся к истории любого европейского, североамериканского и латиноамериканского национализма, первыми националистами почти всегда были те, кого можно назвать носителями «высокой культуры». Ситуация особенно очевидна в центрально-европейском контексте, где некоторые первые националисты не говорили на языке того народа, за национальное развитие и освобождение которого они ратовали. В регионе Латинской Америки сложилась несколько иная ситуация, местная специфика была очевидной, локальные особенности очень значительными, но и в этом и в Южной Америке первыми националистами оказались носители «высокой культуры», но в XX веке, в условиях триумфа модернизма, этот тип культурной и политической организации оказывается в состоянии кризиса, столкнувшись с вызовами политического национализма масс, оформленного в радикальные (левые или правые) движения.

Политизация масс выдвигала новые идентичностные проекты и концепты, которые отличались от ранее доминировавшей высокой культуры. Среди этих проектов, порожденных кризисом традиционализма и возникновением культуры серийности, был политический режим, установленный в начале 1930-х годов Жетулиу Варгасом, а также более поздние попытки реанимировать националистический дискурс в авторитарном варианте в сочетании с мощным мобилизационным потенциалом популизма. Этот авторитарный политический дискурс в некоторой степени уступил свои позиции новому левому дискурсу, представители которого в 1950 – 1960-е годы предложили новую модель политической идентичности. Бразилия оказалась перед идентичностным выбором: модернизация в рамках популистской модели в мягком пост-варгасовском стиле или радикальная левая альтернатива. Установленный в 1964 году военный режим не смог перестроить политическое пространство путем его унификации. В этой ситуации в Бразилии возникали новые идентичности – политические, культурные, гендерные.

Идентичностная фрагментация политического поля сочеталась и с политической. Фрагментация оказалась доминирующей тенденцией. Политическое пространство развивалось в сочетании правых и левых дискурсов. Военный режим, в отличие от предшественников, не ста-

вил задачи формирования новой политической идентичности, став последним периодом доминирования элит, которые своим появлением были обязаны режиму Жетулиу Варгаса. С уходом с политической сцены в середине 1980-х годов армии гражданские политические элиты получили страну со сложившимися политическими культурами и идентичностями. Элиты, доминировавшие в Бразилии, начиная со второй половины 1980-х годов, сталкивались не с идентичностными, а социально-экономическими вызовами, решая, таким образом, экономические проблемы. В бразильской модернизации возникло новое измерение, на котором приоритетными стали задачи не консолидации политического пространства, а построения государства, способного разрешать социальные и экономические проблемы.

Бразильская модернизация, 1930 – 1985: авторитарный опыт и политические итоги

XX век вошел в политическую историю крупнейшего государства в Южной Америке, Бразилии, как век политической модернизации, как эпоха радикальных перемен, которые охватили все сферы жизни общества – от политики до экономики, от социальных отношений до культуры... Модернизация в Бразилии стала многоуровневым процессом постепенного разрушения традиционных политических институтов и отношений, что вело к их вытеснению модерными современными практиками политического взаимодействия и политической коммуникации. Бразильская модернизация протекала в рамках авторитарной модели развития, что было вызвано отсутствием заметных успехов и достижений в условиях проведения модернизации неавторитарными политическими режимами. К 1930-м годам, в отличие от других стран Латинской Америки, Бразилия почти не имела опыта развития в рамках авторитарного политического режима.

Политические режимы, которые существовали в Бразильской Империи (1822 – 1889) и Республике (конец 1880-х – 1930) в значительной степени были более либеральными, чем политические режимы других стран региона. Первые шаги в направлении модернизации бразильского общества были предприняты в период Империи по инициативе второго бразильского императора Педру II. Политические элиты Республики продолжили модернизационные мероприятия имперского периода, что, хотя и способствовало кризису традиционных отношений, их постепенному разложению, тем не менее, не привело к модернизационному прорыву, который приближался бы по своему уровню к достижениям Соединенных Штатов или государств континентальной Европы.

Бразилия, подобно другим странам Южной Америки, принадлежала к романскому миру, образовывала наряду с некоторыми европейскими романскими государствами (Италия, Испания, Португалия, Румыния) периферию. Периферийность проявлялась не только географически, но имела и социально-культурные, а так же политические и экономические измерения. В этой ситуации исключительно модернизация могла стать механизмом не только собственно модернизации, но и средством преодоления статуса периферийности. С другой стороны, модернизационные перемены были возможны исключительно в рамках авторитарной модели развития. Авторитаризм в Бразилии в значительной степени отличался от европейского, германского и советско-

го, авторитаризма, будучи более близким к авторитарному политическому опыту романских стран.

В то время когда в Германии и Советской России становление недемократических режимов связано с разочарованием политических и культурных элит в противоречивых последствиях ускоренных социальных, политических и экономических перемен, то в Бразилии и других романских государствах установлению авторитарных режимов способствовало, наоборот, стремление политических элит как можно более быстрее реформировать социальные и экономические отношения путем сознательного и направляемого разрушения традиционности. В этой ситуации сложилась в значительной мере уникальная ситуация, при которой массы поддерживали авторитарный политический режим, что было связано с умением политических элит оперировать настроениями масс, используя политические настроения и предпочтения населения.

Именно поэтому феномен бразильского авторитаризма тесно переплетен с популизмом. Народная, рабочая и социальная риторика режима Жетулиу Варгаса играла одну из важнейших ролей в мобилизационном инструментарии политического режима. На этом фоне символично и то, что авторитарный по своей природе политический режим Ж. Варгаса привел к тому, что государство восприняло часть социальных обязательств, связанных с защитой труда. Политический популизм Варгаса постепенно трансформировался в этих условиях в умеренный социально-ориентированный трабальзм его политических преемников. Популизм и трабальзм стали теми каналами, которые использовались правящими элитами 1930-х – начала 1940-х, первой половины 1950 – начала 1960-х годов для контроля над политическим дискурсом и формированием новой политической идентичности и связанной с ней лояльности.

Авторитаризм Жетулиу Варгаса представлял собой мягкий вариант авторитарного политического режима, что привело к возникновению правых и левых вызовов. Правый вызов был связан с бразильским интегрализмом, левый – с коммунизмом. Бразильские интегралисты и коммунисты не были принципиальными противниками авторитаризма. Они были не согласны с той политической моделью, которая формировалась в рамках авторитарного режима Жетулиу Варгаса. Феномен бразильского интегрализма сходен с европейским континентальным фашизмом и правыми движениями романских стран. Если политические элиты, связанные с Ж. Варгасом, пошли на крайне ограниченное применения политического опыта европейского авторитаризма в его фашистском варианте, бразильские интегралисты стреми-

лись трансформировать два бэк-граунда режима в триаду, добавив к авторитаризму и попыткам унификации культурного, интеллектуального и идеологического дискурса третий принцип, связанный с выстраиваемой лояльной партией как основы функционирования и воспроизводства политического режима. Бразильские левые радикалы имели в значительной степени аналогичные политические цели с той лишь разницей, что стремились к трансформации авторитаризма не на правых, а на левых ценностях, что было чревато его эволюцией в сторону тоталитаризма советского типа 1930 – 1950-х годов.

Помимо этих двух вызовов идеологического плана авторитарный режим Жетулиу Варгаса сталкивался с вызовами региона и вызовами гендера. Бразилия к началу 1930-х годов представляла государство со сложившейся региональной структурой, в рамках которой регионы, некоторые из которых имели развитые традиции политического участия, обладая своими региональными и политическими идентичностями, пытались активно противостоять центру. Жетулиу Варгас предпринял попытку преодолеть регионализацию, разрушив региональные политические культуры и идентичности, интегрировав регионы в бразильский политический контекст. Попытка разрушения региональной специфики имела весьма ограниченные результаты: политический режим Варгаса смог частично разрушить замкнутость небразильских сообществ, в первую очередь – бразильских немцев. Разрушения региональных политических культур, которые имели этнический бэк-граунд, не привела к преодолению регионализма, способствуя его трансформации. На смену национально маркированному регионализму пришел преимущественно политический и экономический регионализм, с которым были вынуждены считаться как политические и идейные преемники Жетулиу Варгаса (Жуселину Кубичек и Жоау Гуларт), так и пришедшие в середине 1960-х годов к власти военные. В результате военный режим вместо борьбы против регионализма оказался вынужденным направлять регионализацию.

Другим вызовом был вызов гендера. Попытки ограниченной модернизации в период Империи привели к актуализации гендерных проблем, положив начало трансформации пола как биологической и традиционной категории в политическую категорию гендера. Авторитарный режим Ж. Варгаса предпринял попытку актуализации гендера в рамках выстраиваемой им политической модели, положив начало эре политического участия бразильских женщин. С другой стороны, идейные оппоненты Ж. Варгаса, бразильские интеграллисты, так же активно привлекали к участию в движении женщин, чем способствовали протестной политизации гендера. В рамках левого политическо-

го спектра протекали в значительной степени аналогичные тенденции. В результате на протяжении 1950 – 1960-х годов в Бразилии возникает феномен «женской» прозы, за которой стояла не только гендерная, но и политическая идентичность, которая могла актуализироваться в рамках политического протеста и несогласия.

Политический режим Жетулиу Варгаса отличался значительной устойчивостью, оказавшись в состоянии противостоять левым и правым, а так же и другим, вызовам. Отстранение Ж. Варгаса от власти Вооруженными Силами в первом и во втором случае было связано с тем, что политический механизм, который выстраивал Варгас, в значительной степени уже не соответствовал тому уровню развития политической культуры и идентичности, который сложился в Бразилии в середине 1940-х и во второй половине 1950-х годов. Политическая динамика Бразилии до середины 1960-х годов ознаменована отмиранием той политической модели, которая была создана в период правления Жетулиу Варгаса.

Военный переворот 1964 года привел к установлению авторитарного режима, который взял на вооружение технократическую модель модернизации. Если режим Ж. Варгаса столкнулся с левыми и правыми вызовами, то военные и связанные с ними гражданские элиты конкурировали уже исключительно с левыми радикалами и умеренной демократической оппозицией. Военные узурпировали сферу принятия политических и экономических решений, понимая, что не обладают ресурсами для унификации политического пространства и формирования новой политической идентичности. Бразилия второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов представляла собой страну с авторитарным режимом, который сосуществовал и конкурировал с гражданским обществом, обладавшим значительным опытом политического участия и имевшим свои традиции политической и интеллектуальной культуры.

Военные оказались в состоянии «монополизировать» политический в сфере принятия и реализации политических решений, позволив бразильским интеллектуалам дискутировать относительно проводимой в стране политики. В этой конкуренции в первой половине 1980-х годов военный режим постепенно исчерпал свой политический и модернизационный потенциал, будучи вынужденным уступить гражданскому обществу. Примечательно то, что само бразильское гражданское общество в значительной степени является результатом не развития либеральных ценностей и политического национализма, а результатом авторитарной модернизации, которая в качестве одной из приоритетных целей ставило разрушение традиционалистского наследия в

бразильском социуме, что неизбежно вело к появлению гражданского общества.

На протяжении 1930-х – начала 1980-х годов бразильский национализм представлял собой двухуровневый феномен, состоящий как из преимущественно политических трендов. В Бразилии на протяжении анализируемого периода доминировал политический гражданский национализм. Бразильский национализм анализируемого периода относился к числу интеллектуальных и интеллектуалистских политических идеологий. Основными теоретиками и адептами национализма были именно интеллектуалы, конструировавшие националистический политический дискурс, лежавший с основе модели модернизации. Национализм опирался на бэк-граунд, представленный различными моделями политической культуры. С другой стороны, бразильский национализм относится к числу феноменов процессуального плана; следовательно, развитие национализма являлось процессом конструирования идентичностных моделей и бразильской политической нации, которая функционировала в рамках этих моделей.

В этом контексте бразильская модернизация – процесс, в результате которого разрушался традиционный дискурс и утверждались принципы политического национализма, для которого приоритетной являлась именно гражданская идентичность бразильской политической нации. Политическая нация в Бразилии представляла собой не примордиальную категорию, что было невозможно в виду наличия нескольких этнических культур и связанных с ними рас. Политическая современная бразильская нация возникла в результате националистического воображения интеллектуалов-националистов и рефлексии / спекуляции относительно националистического наследия со стороны политических наследников первых националистов.

На этом фоне особую актуальность обретает проблема политического наследия бразильского авторитаризма и авторитарной модернизационной модели, которая применялась политическими элитами Бразилии до середины 1980-х годов. Современные достижения Бразилии в сфере развития экономики и относительные успехи в решении социальных проблем связаны не только с демократическими режимами, пришедшими к власти во второй половине 1980-х годов, но и с более ранним авторитарным опытом. Подтверждением этого, вероятно, является и то, что фигуры Жетулиу Варгаса, а так же его оппонента Плиниу Салгаду, фигуры Жоау Гуларта и Жуселину Кубичека интегрированы в компромиссную модель национальной памяти и политической идентичности. Трудно или невозможно представить существование в современной России или Германии фондов имени Иосифа

Сталина или Адольфа Гитлера. В современной Бразилии «Фонд Жетулиу Варгаса» является вполне уважаемой исследовательской, научной и образовательной институцией.

Интегрировав эпоху Ж. Варгаса в канон национальной исторической и политической памяти бразильский социум гарантировал себя от внутренних конфликтов и противоречий. В этом отношении консолидация политической памяти оказалась более эффективной, чем ее фрагментация и разрушение. Общественный компромисс, стремление сохранить историческую память, дальнейшее функционирование политической идентичности, вероятно, принадлежат к числу важнейших условий дальнейшего динамичного развития Бразилии, начало которому было положено в рамках авторитарных модернизационных практик начала 1930-х – середины 1980-х годов.

Библиография

Нарративные источники:

I. Работы теоретиков правой политической традиции:

1. Oliveira Viana F.J. de, Populações meridionais do Brasil / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1920.
2. Oliveira Viana F.J. de, O idealismo na evolução política do Império e da República / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1922.
3. Oliveira Viana F.J. de, A evolução do povo brasileiro / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1923.
4. Oliveira Viana F.J. de, Problemas de política objetiva / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1930.
5. Oliveira Viana F.J. de, Raça e assimilação / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932.
6. Oliveira Viana F.J. de, Formação étnica do Brasil colonial / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1932.
7. Oliveira Viana F.J. de, Instituições políticas brasileiras / F.J. de Oliveira Viana. – São Paulo, 1949.

II. Работы идеологов и теоретиков режима Ж. Варгаса и «нового государства»:

1. Andrade A. A bandeira, a democracia e o Estado nacional / A. Andrade // CP. – 1941. – No 32.
2. Bezerra de Freitas. Legislação do Trabalho e Previdência Social / Bezerra de Freitas. – Rio de Janeiro, 1938.
3. Campos F. O Estado Nacional / F. Campos. – Rio de Janeiro, 1940.
4. Costa C. As realizações de governo Getulio Vargas no campo do direito / C. Costa. – Rio de Janeiro, 1942.
5. Harnisch W.H. Getúlio Vargas e o Brasil / W.H. Harnisch // CP. – 1943. – Maio.
6. Marinho Rego A. A vitória do direito operário no governo Getulio Vargas / A. Marinho Rego. – Rio de Janeiro, 1942.
7. Palmeiro N. Getúlio Vargas, estadista / N. Palmeiro // CP. – 1941. – No 6.
8. Ricardo C. Marcha Para Oeste: A Influência da Bandeira na Formação Social e Política do Brasil / C. Ricardo. – Rio de Janeiro, 1942.

III. Работы Ж. Варгаса (речи, выступления, статьи):

1. Vargas G. Palavras aos Brasileiros / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1937.
2. Vargas G. A nova política do Brasil / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1938 – 1945. – Vol. 1 – 10.
3. Vargas G. A democracia brasileira diante da América e do mundo / G. Vargas // CP. – 1941. – No 6.

4. Vargas G. Discurso em Cuiabá / G. Vargas // CP. – 1941. – No 7.
5. Vargas G. Correspondência / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1943.
6. Vargas G. Brasil en Armas / G. Vargas. – Buenos Aires, 1944.

IV. Работы П. Салгаду (речи, выступления, статьи):

1. Salgado P. O que é integralimo / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1933.
2. Salgado P. A voz de oestre / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934.
3. Salgado P. O sofrimento Universal / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934.
4. Salgado P. Despertemos a nação / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1935.
5. Salgado P. A doutrina do sigma / P. Salgado. – São Paulo, 1935.
6. Salgado P. A quarta humanidade / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1936.
7. Salgado P. O cavaleiro de Itararé / P. Salgado. – São Paulo, 1948.
8. Salgado P. O integralismo Penante a Nação / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1950.
9. Salgado P. Obras Completas / P. Salgado. – São Paulo, 1955.
10. Salgado P. Livro verde de minha campanha / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1956.
11. Salgado P. Trepande / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1972.
12. Salgado P. O esperado / P. Salgado. – São Paulo, 1981.
13. Salgado P. O dono do mundo / P. Salgado. – São Paulo, 1999.

V. Германские публикации 1920 – 1930-х годов, посвященные бразильской тематике:

1. Aldinger B. Der Integralismus in Brasilien and die Deutschbürtigen / B. Aldinger // Eiserne Blätter. 1935. – Bd. XVII. – No 50. – S. 562 – 566.
2. Kahle M. Die integralistische Bewegung in Brasilien / M. Kahle // Deutsche Arbeit. – 1935. – Bd. 35. – No 33. – S. 125 – 129.
3. Kahle M. Der brasilianische Integralismus / M. Kahle // Weltpost. – 1935. – Bd. II. – No 42.
4. Kahle M. Integralismus - die brasilianische Erneuerungsbewegung / M. Kahle // N.S.-Erzieher. – 1936. – Bd. 4. – No 24.
5. Lechler A. Der Integralismus in Brasilien: seine Einstellung zur Rassenfrage and zur Kirche / A. Lehler // Der deutsche Auswanderer. – 1935. – Bd. 31. – No 1. – S. 3 – 9.
6. Peschke R. Die Neudeutschen in Brasilien / R. Peschke // Der

VIII. Художественные тексты:

1. Barreto B. Capela dos homens / B. Barreto. – Belo Horizonte, 1976.
2. Maria Alice Barroso, Os Posseiros / Maria Alice Barroso. – Rio de Janeiro, 1955.
3. Баррету Б. Капела дос Оменс. Кафайя. Романы / Б. Баррету / пер. с порт. Н. Малыхиной, А. Богдановского. – М., 1980.
4. Баррозо М.А. В долине Серра-Алта / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960.

Диссертации:

Магистерские (Бразилия):

1. Almeida M.M. Introdução ao estudo da historiografia sul-rio-grandense: inovações e recorrências do discurso oficial (1920-1935). Dissertação de mestrado em sociologia, IFCH/UFGRS. 1983.
2. Diniz Filho L.L. Território e destino nacional: ideologias geográficas e políticas territoriais no Estado Novo (1937-1945). Dissertação de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP. 1994.
3. Ferreira J.R. Os novos bárbaros: análise do discurso anticomunista do Exército brasileiro / J.R. Ferreira. – São Paulo, 1986. Dissertação de Mestrado em Ciências Sociais.
4. Konrad G. Vieira Ramos: A política cultural do Estado Novo no Rio Grande do Sul. Dissertação de mestrado / G. Konrad. – Porto Alegre, Pontifícia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 1994.
5. Mata A. Fortaleza do catolicismo. Identidades católicas e política na Belo Horizonte dos anos 60 / A. Mata. – Belo Horizonte, 1996 (Dissertação de Mestrado em História).
6. Monastirsky L.B. Cidade e ferrovia: a mitificação do pátio central da RFFSA em Ponta Grossa / L.B. Monastirsky. – Florianópolis, 1997 (Dissertação de Mestrado, Geografia. Universidade Federal de Santa Catarina).
7. Nedel L.B. Paisagens da província: o regionalismo sul-rio-grandense e o Museu Julio de Castilhos nos anos cinquenta. Dissertação de mestrado em história, PPGH/UFRJ, 1999.

Докторские (США):

1. Fiorucci F. Neither Warriors Nor Prophets: Peronist and Anti-Peronist Intellectuals, 1945-1956. PhD Thesis / F. Fiorucci. – London, Institute of Latin American Studies, 2002.

Докторские (Бразилия):

1. Bertonha J.F. Sob o Signo do Fascio – O fascismo, os imigrantes italianos e o Brasil, 1919-1945. Tese (Doutorado em História Social) / J.F. Bertonha. – Campinas, Universidade de Campinas, 1998.
2. Ferreira J.J. Prisioneiros do Mito: Cultura e imagionário político dos comunistas no brasil, 1930 – 1956 / J.J. Ferreira. – São Paulo, 1996. Dissertação de doutorado em História.
3. Gutfreind I. A construção de uma identidade: a historiografia sul-rio-grandense de 1925 a 1975. Tese de doutorado em história, IFCH/USP. 1989.
4. Martin A.R. Fronteiras internas e a “questão regional” no Brasil. Tese de doutorado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP. 1993.

5. Nedel L.B. Um passado novo para uma história em crise: regionalismo e folcloristas no Rio Grande do Sul (1948-1965). Tese de doutorado em história, PPGH/UnB, 2005.
6. Vianna da Cruz J.L. Projetos nacionais, elites locais e regionalismo desenvolvimento e dinâmica territorial no Norte Fluminense. Tese apresentada ao Curso de Doutorado do Programa de Pós-Graduação em Planeja – Mento Urbano e Regional, IPPUR, da Universidade Federal do Rio de Janeiro-UFRJ, como parte dos requisitos necessários à obtenção do grau de Doutor em Planejamento Urbano e Regional. – Rio de Janeiro, 2003.

Исследования:

На русском языке:

1. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации / Э. Аллард // Социс. – 2002. – № 9. – С. 60 – 67.
2. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации / С.Г. Алленов // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 94 – 107.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
4. Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973.
5. Байссвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения / М. Байссвенгер // Консерватизм в России и мире / ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж, 2004. – Т. 3. – С. 49 – 73.
6. Бедуелл Г. История Церкви / Г. Бедуелл. – М., 1996.
7. Бразилия: перемены и постоянство / ред. Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.
8. Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006.
9. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. – М., 2006.
10. Гараджа В.И. Религия и общество / В.И. Гараджа. – М., 1996.
11. Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961.
12. Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке / Ю.М. Григорьян. – М., 1974.
13. Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский. – М., 1986.
14. История Латинской Америки. 1918 – 1945 / ред. Н.П. Калмыков. – М., 1999.
15. Каганский В.Л. Классификация, районирование и картирование семантических пространств. Классификация как районирование / В.Л. Каганский // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1991. – № 3. – С. 1 – 8.
16. Каганский В.Л. Советская территориальная тектоника / В.Л. Каганский // Состояние страны. Аналитический вестник Информационного Агентства Postfactum. – 1991. – № 6. – С. 39 – 41.

17. Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981.
18. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.
19. Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? / Я. Келлер // Социс. – 2002. – № 7. – С. 48 – 54.
20. Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso*. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008.
21. Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação*. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008.
22. Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.
23. Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. – Воронеж, 2007. – С. 19 – 30.
24. Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37.
25. Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75.
26. Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21.
27. Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53.
28. Кирчанов М.В. Раса, феминность, мускулиность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67.
29. Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968.
30. Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005.
31. Лобье П. де, Три Града. Социальное учение христианства / П. де Лобье. – СПб., 2001.

32. Лоо Х. ван дер, Райен В. ван, Модернизация: проект и парадокс / Х. ван дер Лоо, В. ван Райен // *Ab Imperio*. – 2002. – № 1. – С. 33 – 64.
33. Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследование периферии / Х.-Ю. Нитц // *Европейские внутренние периферии в XX столетии* / сост. Х.-Х. Нольте, ред. А.П. Садохин. – Калуга, 2001.
34. Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // *Европейские внутренние периферии в XX столетии* / сост. Х.-Х. Нольте, ред. А.П. Садохин. – Калуга, 2001. – С. 7 – 19.
35. Окунева Л.С. На путях модернизации: опыт Бразилии для России / Л.С. Окунева. – М., 1992.
36. Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии / Л.С. Окунева. – М., 1994. – Т. 1 – 2.
37. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.
38. Поташинская Н.Н., Дерюгин С.В. Теология освобождения: истоки и тенденции / Н.Н. Поташинская, С.В. Дерюгин // *Революция в церкви? Теология освобождения. Документы и материалы* / ред. Б.И. Коваль. – М., 1991. – С. 14 – 26.
39. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М., 2004
40. Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. – М., 1985.
41. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // *Социс*. – 1998. – № 8.
42. Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.

На португальском языке:

1. Abreu A. de, O nacionalismo de Vargas ontem e hoje / A. de Abreu // *As instituições brasileiras de era Vargas* / ed. M.C. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1999.
2. Albuquerque D.M. de, A invenção do Nordeste e outras artes / D.M. de Albuquerque. – Recife – São Paulo, 2001.
3. Allain Teixeira J.P. Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectivas / J.P. Allain Teixeira // *BRIL*. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118.
4. Alves B.M. Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980.
5. Alves B.M., Pitangay J. A que é memínismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982.
6. Alves M. Estado e oposição no Brasil, 1964 – 1984 / M. Alves. – Petrópolis, 1985.
7. Alves de Cunha M. O novo Rio de Janeiro: Geografia e realidade sócio-económica / M. Alves de Cunha. – Rio de Janeiro, 1975.

8. Alves Filho A. Fundamentos metodológicos e ideológicos do pensamento político de Oliveira Viana. Tese de mestrado / A. Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1977.
9. Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186.
10. Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987.
11. Araújo J.C. Igreja Católica no Brasil: um estudo de mentalidade ideológica / J.C. Araújo. – São Paulo, 1986.
12. Araujo Antunes Á. Silveira M.A. Memória e identidade regional: historiografia, arquivos e museus em Minas Gerais / Á. Araujo Antunes, M.A. Silveira // RECH. – 2007. – Vol. 2. – No 1.
13. D'Araujo M.C. Estado, classe trabalhadora e política sociais / M.C. D'Araujo // O tempo do nacional-estatismo: do indício da década de 1930 ao apogeu do Estado Novo / eds. J. Ferreira, L. de Almeida Neves Delgado. – Rio de Janeiro, 2003.
14. Aquino M.A. de, A especificidade do regime militar brasileiro: abordagem teórica e exercício empírico / M.A. de Aquino // Intelectuais, história e política (séculos XIX e XX) / ed. D.A. Reis Filho. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 271 – 289.
15. Azzi R. Elementos para a História do Catolicismo Popular / R. Azzi // REB. – 1976. – Vol. 36. – Março. – P. 95 – 130.
16. Baêta Neves L.F. História intelectual e história da educação / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 376.
17. Badinter E. Sobre a identidade masculina / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.
18. Bandeira M. O governo João Goulart e o golpe de 64 / M. Bandeira. – Rio de Janeiro, 1978.
19. Barbosa J.R. A ascensão da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81.
20. Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946.
21. Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72.
22. Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. Intelectuais: sociedade e política / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003.
23. Bertonha J.F. O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943 / J.F. Bertonha // RBPI. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130.
24. Bertonha J.F. A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943 / J.F. Bertonha // CI. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164.
25. Bertonha J.F. Uma política externa não estatal? Os fasci all'estero e a política externa do Partito Nazionale Fascista, 1919-1943 / J.F. Bertonha // Anos 90. – 1999. – No 10. – P. 40 – 58.
26. Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plinio Solgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentes / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105.
27. Bertonha J.F. Divulgando o duce o fascismo em terra Brasileira: a propaganda Italiana no Brasil, 1922 – 1943 / J.F. Bertonha // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 2.

28. Bertonha F. A móquina simbólica do integralismo / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7.
29. Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1.
30. Bethlem H. O vale do Itajaí: jornadas de civismo / H. Bethlem. – Rio de Janeiro, 1939.
31. Borges V.P. Getulio Vargas e a oligarquia paulista / V.P. Borges. – São Paulo, 1979.
32. Borges S.M. Italianos: Porto Alegre e o trabalho / S.M. Borges. – Porto Alegre, 1993.
33. Brandi P. Vargas: da vida para a história / P. Brandi. – Rio de Janeiro, 1983.
34. Brandão G.M. A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista (1920-1964) / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997.
35. Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98.
36. Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241.
37. Cachapuz P.B. A trajetória política de Getúlio Vargas / P.B. Cachapuz // Getúlio Vargas e seu tempo / ed. R.M. Silva. – Rio de Janeiro, [n.d.]. – P. 45 – 74.
38. Caldeira J. Integralismo e Política Regional / J. Caldeira. – São Paulo, 1999.
39. Calil G.G. O integralismo no pós-guerra: a formação do PRP 1945 – 1950 / G.G. Calil. – Porto Alegre, 2001.
40. Cancelli E. O mundo da violência: a polícia da Era Vargas / E. Cancelli. – São Paulo, 1992.
41. Cano W. Desequilíbrio regionais e concentração industrial no Brasil: 1930-1970 / W. Cano. – São Paulo, 1985.
42. Candino A. Radicalismos / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18.
43. Cândido A. A Revolução de 1930 e a cultura / A. Cândido // NE. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36.
44. Capelato M.H. Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva / M.H. Capelato // RBH. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32.
45. Carone A. A Segunda República, 1930 – 1937 / A. Carone. – São Paulo, 1973.
46. Carone E. O Estado Novo, 1937 – 1945 / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977.
47. Castro Gomes A. Construção de Homem Novo // Estado Novo: Ideologia e Poder. – Rio de Janeiro, 1982. – P. 151 – 166.
48. Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um partido de massa no Brasil (1932 - 1937) / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999.
49. Cavalcanti B. Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira / B. Cavalcanti. – Rio de Janeiro, 1986.
50. Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiências do Estado Novo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977.
51. Chasin J. O Integralismo de Plínio Salgado / J. Chasin. – São Paulo, 1978.
52. Chaves C.L. O ensaio literário no Rio Grande do Sul (1868 – 1960) / C.L. Chaves. – Brasília, 1979.
53. Chauí M. Cultura e democracia / M. Chauí. – São Paulo, 1980.

54. Chaui M. Brasil – Mito fundador e sociedade autoritária / M. Chaui. – São Paulo, 2000.
55. Chor M. O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945 / M. Chor // EH. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310.
56. Comblin J. Para uma tipologia do catolicismo no Brasil / J. Comblin // REB. – 1968. – Vol. 28. – Março. – P. 46 – 73.
57. Corvalho J.M. A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990.
58. Costa W.M. da, Estado e políticas territoriais no Brasil / W.M. da Costa. – São Paulo, 1985.
59. Coutinho C.N. A democracia como valor universal / C.N. Coutinho. – São Paulo, 1980.
60. Cupertino F. Classes e camadas sociais no Brasil / F. Cupertino. – Rio de Janeiro, 1978.
61. Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993.
62. Dreifuss R. 1964: a conquista do Estado / A. Dreifuss. – Petrópolis, 1981.
63. Duas modernistas esquecidas: Adalziria Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996.
64. Dulles J.F. O comunismo no Brasil 1935 – 1945: represão em meio ao cataclismo mundial / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985.
65. Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977.
66. Dulles J.F. A Faculdade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984.
67. Dutra E. O ardid totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997.
68. Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982.
69. Estudos do integralismo no Brasil / ed. G. Silva. – Recife, 2007.
70. Família, mulher, sexualidade e Igreja na história do Brasil / org. M.L. Marcilio. – São Paulo, 1993.
71. Fausto B. A Revolução de 1930: historiografia e história / B. Fausto. – São Paulo, 1970 (1997).
72. Fausto B. História do Brasil / B. Fausto. – São Paulo, 1997.
73. Ferreira A.C. A epopéia bandeirante: letrados, instituições, invenção histórica (1870-1940) / A.C. Ferreira. – São Paulo, 2002.
74. Ferreira de Castro Fr. Modernização e democracia (O desafio brasileiro) / Fr. Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969.
75. Ferreirara-Pinto Bailey A.C. O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990.
76. Figueiredo A. Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política: 1961-1964 / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993.
77. Flores M. A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasileira / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109.
78. Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983.

79. Fonseca P.C.D. Vargas: o capitalismo em construção, 1906 – 1954 / P.C.D. Fonseca. – São Paulo, 1989.
80. Freire Junior O. Sobre a relação entre regimes políticos e desenvolvimento científico: apontamentos para um estudo sobre a história da C&T durante o regime militar brasileiro / O. Freire Junior // FRHEC. – 2007. – Vol. 4. – No 3 // <http://revistafenix.pro.br>
81. Freyre G. Casa grande e senzala. Formação da família brasileira sob o regime de economica patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1936.
82. Gabriel de Resende P. Nacionalismo / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959.
83. Gertz R.E. O fascismo no sul do Brasil / R.E. Gertz. – Porto Alegre, 1987.
84. Gertz R. Os teuto-brasileiros e integralismo / R. Gertz. – Porto Alegre, 1989.
85. Gertz R.E. Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30 / R.E. Gertz // Relações internacionais dos países americanos / eds. A.L. Cervo, W. Doepcke. – Brasília, 1994.
86. Gertz R.E. Os luteranos no Brasil / R.E. Gertz // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 9 – 33.
87. Girardet R. Mitos e Mitologias Políticas / R. Girardet. – São Paulo, 1987.
88. Golbery do Couto e Silva. Geopolítica do Brasil / Golbery do Couto e Silva. – Rio de Janeiro, 1967.
89. Gomes A. de C. História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996.
90. Gómez de Souza L.A. Os cristãos e as instituições sociais / L.A. Gómez de Souza // Classes populares e Igreja nos caminhos da história. – Petrópolis, 1982. – P. 131 – 145.
91. Conçalves M. O anticomunismo no Brasil / M. Conçalves // HQD. – 2003. – No 39. – P. 277 – 281.
92. Goulart S. Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S. Goulart. – São Paulo, 1990.
93. Guilherme O. O nacionalismo e a política internacional do Brasil / O. Guilherme. – São Paulo, 1957.
94. Guimarães S.G. Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S.G. Guimarães. – São Paulo, 1984.
95. Gutfreind I. A historiografia sulrio-grandense e o mito do gaúcho brasileiro / I. Gutfreind // Nós, os gaúchos / orgs. S. Gonzaga, L. A. Flicher. – Porto Alegre, 1995. – P. 148 – 152.
96. História da Igreja no Brasil / ed. E. Hoornaert. – Petrópolis, 1977.
97. Henriques A. Vargas, o Maquiavélico / A. Henriques. – São Paulo, 1961.
98. Ideologia e Mobilização Popular / orgs. M. Chauí, C. Franco. – Rio de Janeiro, 1978.
99. As instituições brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1999.
100. Integralismo: novos estudos e reinterpretações / eds. R. Dotta, L. Passas, R. Cavalari. – Rio Aaro, 2004.
101. Jacinski E. Formação Filosófica na Diocese de Ponta Grossa: Dilemas na Construção de uma Nova Subjetividade Eclesial / E. Jacinski // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 115 – 130.
102. Jacks N. Mídia Nativa. Indústria cultural e cultura regional / N. Jacks. – Porto Alegre, 1998.

103. Jurema A. Sexta-feira, 13 – Os últimos dias do governo João Goulart / A. Jurema. – Rio de Janeiro, 1964.
104. Lanni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Lanni. – Rio de Janeiro, 1968.
105. Levine R. O regime de Vargas: os anos críticos / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.
106. Levine R. Pai dos pobres? O Brasil e a era Vargas. – São Paulo, 2001.
107. Lima M.R., Cerqueira E.D. O modelo político de Oliveira Viana / M.R. Lima, E.D. Cerqueira // RBEP. – 1971. – No 30. – P. 85 – 109.
108. Lins do Rego J. Notas sobre Gilberto Freyre / J. Lins do Rego // Região e tradição. – Rio de Janeiro, 1941. – P. 9 – 21.
109. Love J.L. O regionalismo gaúcho e as origens da Revolução de 1930 / J.L. Love. – São Paulo, 1975.
110. Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RIC FFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2. – P. 62 – 77.
111. Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctrinaires à história social das idéias / M.A. Lopes // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127.
112. Louro G.L. Gênero, sexualidade e educação: uma perspectiva pós-estruturalista / G.L. Louro. – Petrópolis, 1997.
113. Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990.
114. Madeiros J. Introdução ao estado do pensamento político autoritário brasileiro, 1914 – 1945. Oliveira Viana / J. Madeiros // RCP. – 1974. – Vol. 17. – No 2. – P. 31 – 87.
115. Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21.
116. Mainwaring S. Igreja Católica e Política no Brasil / S. Mainwaring. – São Paulo, 1989.
117. Marcílio M.L. Família, mulher sexualidade e Igreja na história do Brasil / M.L. Marcílio. – São Paulo, 1993.
118. Matta R. Carnavais, Malandros e Heróis. Para uma Sociologia do Dilema Brasileiro / R. Matta. – Rio de Janeiro, 1979.
119. Miceli S. Intelectuais e classes dirigentes no Brasil, 1920 – 1945 / S. Miceli. – São Paulo, 1979.
120. Miceli S. Intelectuais à Brasileira / S. Miceli. – São Paulo, 2001.
121. Moceli S. A elite eclesiástica brasileira / S. Miceli. – Rio de Janeiro, 1988.
122. Montalvão S. O intelectual e a política: a militância comunista de Caio Prado Junior, 1931 – 1945 / S. Montalvão // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 1. – P. 105 – 127.
123. Moraea E.J. de, A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica / E.J. de Moraea. – Rio de Janeiro, 1978.
124. Moraes A.C.R. Ideologias geográficas: espaço, política e cultura no Brasil / A.C.R. Moraes. – São Paulo, 1988.
125. Moraes D. de, A esquerda e o golpe de 1964 / D.de Moraes. – Rio de Janeiro, 1989.
126. Moreira Alves M. A Igreja e a política no Brasil / M. Moreira Alves. – São Paulo, 1979.

127. Moscateli R. Um Redescobrimento Historiográfico do Brasil / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1.
128. Motta R. Em guarda contra a “perigo vermelho”: o anticomunismo no Brasil, 1917 – 1964 / R. Motta. – São Paulo, 2002.
129. Moura G. Autonomia na dependencia. A politica externa brasileira de 1935 a 1942 / G. Moura. – Rio de Janeiro, 1980.
130. Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.
131. Nascimento D.M. Revisão crítica da tese do suicídio revolucionário / D.M. Nascimento // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 45 – 78.
132. Nedel L. A recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118.
133. Nogueira R.A. Nacionalização do vale do Itajaí / R.A. Nogueira. – Rio de Janeiro, 1947.
134. Olbiano de Melo A. A marcha da revolução social no Brasil, 1925 – 1954 / A. Olbiano de Melo. – Rio de Janeiro, 1957.
135. Oliven R.G. Brasil, uma modernidade tropical / R.G. Oliven // Etnográfica. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.
136. Oliveira Fr. de, Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes / Fr. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977.
137. Oliveira P.R. de, Catolicismo Popular e Romanização do Catolicismo Brasileiro / P.R. de Oliveira // REB. – 1976. – Vol. 36. – Março. – P. 131 – 141.
138. Oliveira P.R. de, Religiosidade popular na América Latina / P.R. de Oliveira // REB. – 1972. – Vol. 32. – Março. – P. 342 – 368.
139. Oliveira P.R. de, Religião e Dominação de Classe / P.R. de Oliveira // Gênese, estrutura e função do catolicismo romanizado no Brasil. – Petrópolis, 1985.
140. Oliveira R.S. de, “Perante i Tribunal da História”: o anticomunismo da Ação Integralista Brasileira / R.S. de Oliveira. – Porto Alegre, 2004.
141. Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156.
142. Parker Ph. 1964: o papel dos estados unidos no golpe de 31 de março / Ph. Parker. – Rio de Janeiro, 1977.
143. Pascoal I. José Bento Leite Ferreira de Melo, padre e político o Liberalismo moderado no extremo sul de Minas Gerais / I. Pascoal // VH. – 2007. – Vol. 23. – No 37. – P. 208 – 222.
144. Paschoal Guimarães L.M. IV Congresso de História Nacional: tendências e perspectivas da história do Brasil colonial (Rio de Janeiro, 1949) / L.M. Paschoal Guimarães // RBH. – 2004. – Vol. 24. – No 48. – P. 145 – 170.
145. Pécaut D. Os intelectuais e a política no Brasil. Entre o povo e a nação / D. Pécaut. – São Paulo, 1990.
146. Pedro J.M. Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: um questão de classe / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998.
147. Pelaes Mascaro L. Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo / L. Pelaes Mascaro // MRVH. – 2004. – Vol. 5. – No 10 // <http://www.seol.com.br/mneme>.
148. Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999.

149. Perrot M. Práticas de Memória Feminina / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18.
150. Pimenta Velloso M. Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo / M. Pimenta Velloso // O Brasil Republicano. – Rio de Janeiro, 2003.
151. Pinheiro Filho F.A. A invenção da ordem Intelectuais católicos no Brasil / F.A. Pinheiro Filho // TS(RS). – 2007. – Vol. 19. – No 1. – P. 33 – 49.
152. Presença pública da Igreja no Brasil. – São Paulo, 2003.
153. Raros M. Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzira Bittencourt / M. Raros // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37.
154. Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945) / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // Iniciação Científica Newton Paiva 2003-2004 / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133.
155. Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999.
156. Ribeiro J. História do Brasil / J. Ribeiro. – São Paulo, 1957.
157. Ridente M. O Fantasma da Revolução Brasileira: raízes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974 / M. Ridente. – São Paulo, 1994.
158. Roche J. A Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 1969.
159. Santos W. Sessenta e quatro: anatomia da crise / W. Santos. – Rio de Janeiro, 1986.
160. Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – São Paulo, 1982 (1988).
161. Schwartzman S. Estado Novo um auto-retrato / S. Schwartzman. – Brasília, 1983.
162. Serbin K.P. Diálogos na sombra. Bispos e militares, tortura e justiça social na ditadura / K.P. Serbin. – São Paulo, 2001.
163. Seyferth G. O regionalismo da tradição na perspectiva nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre / G. Seyferth // Anais do Seminário Internacional Novo Mundo nos Trópicos. – Recife, 2000. – P. 180 – 193.
164. Silva C.L. Anticomunismo Brasileiro: Conceitos e Historiografia / C.L. Silva // RTH. – 2000. – Vol. 2. – No 1. – P. 195 – 228.
165. Silva C.L. Onda vermelha: imaginários anticomunistas brasileiros (1931-1934) / C.L. Silva. – Porto Alegre, 2001.
166. Silva H. 1930 – A Revolução Traída / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1966.
167. Silva H. 1934 – O Constituinte / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1969.
168. Silva Gouvêa M.F. A História política no campo da história cultural / M.F. Silva Gouvêa // RHR. – 1998. – Vol. 3. – No 1.
169. Skidmore Th. Brasil: de Getúlio a Castelo / Th. Skidmore. – Rio de Janeiro, 1982.
170. Sodré N.W. O problema da unidade nacional / N.W. Sodré // CP. – 1941. – No 6.
171. Sodré N.W. Novos aspectos da circulação social no Brasil / N.W. Sodré // CP. – 1942. – No 20.
172. Sodré N.W. Primeiros documentos literários no Brasil / N.W. Sodré // CP. – 1942. – No 17.

173. Sodré N.W. Sentimento da nacionalidade na literatura brasileira / N.W. Sodré // CP. – 1943. – No 25.
174. Sodré N.W. Influência da terra na literatura brasileira / N.W. Sodré // CP. – 1943. – No 22.
175. Sombra L.H., Guerra L.F. Imagens do Sigma / L.H. Sombra, L.F. Guerra. – Rio de Janeiro, 1998.
176. Souto Maior L.A. O Brasil e o regionalismo continental frente a uma ordem mundial em transição / L.A. Souto Maior // RBPI. – 2006. – Vol. 49. – No 2. – P. 42 – 59.
177. Szmrecsányi T. Retomando a questão do início da historiografia econômica no Brasil / T. Szmrecsányi // NE. – 2004. – Vol. 14. – No 1. – P. 11 – 37.
178. Toledo C. O governo Goulart / C. Toledo. – São Paulo, 1982.
179. Torres V. Oliveira Viana. Sua vida e sua posição nos estudos brasileiros de sociologia / V. Torres. – Rio de Janeiro, 1956.
180. Trento A. Relações entre fascismo e integralismo: o ponto-de-vista do Ministério de Negócios Estrangeiros Italiano / A. Trento // CC. – 1982. – Vol. 34. – No 12.
181. Trento A. Fascismo Italiano / A. Trento. – São Paulo, 1986.
182. Trindade H. Integralismo: O fascismo brasileiro na década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.
183. Tucci Carneiro M.L. Sob a máscara do nacionalismo. Autoritarismo e anti-semitismo na Era Vargas (1930-1945) / M.L. Tucci Carneiro // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.
184. Valle E. Religiosidade popular: evangelização e vida religiosa / E. Valle. – Petrópolis, 1975.
185. Vasconellos G. Ideologia cupupira: análise do discurso integralista / V. Vosconcellos. – São Paulo, 1979.
186. Verissimo E. Um romancista apresenta sua terra / E. Verissimo // Rio Grande do Sul: Terra e Povo / ed. E. Verissimo. – Porto Alegre, 1969. – P. 3 – 13.
187. Vieira E.A. Oliveira Viana e o Estado corporativo (um estudo sobre corporativismo e autoritarismo) / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.
188. Vizentini P.F. Relações exteriores do Brasil (1945 – 1964) / P.F. Vizentini. – Petrópolis, 2004.
189. Zago Conçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Conçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164.
190. Zaidan Filho M. Comunistas em céu aberto / M. Zaidan Filho. – Belo Horizonte, 1989.
191. Zenha Machado F. Os últimos dias do governo de Vargas (A Crise política de agosto de 1954) / F. Zenha Machado. – Rio de Janeiro, 1955.
192. Zimbrão da Silva T. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100.
193. Zimmermann T.R., Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

На английском языке:

1. Alexander R. Communism in Latin America / R. Alexander. – New Brunswick, 1957.
2. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of the Nationalism / B. Anderson. – L., 1991.
3. Andreski S. On the Peaceful Disposition of Military Dictatorship / S. Andreski // JSS. – 1980. – Vol. 30. – No 9. – P. 3 – 10.
4. Arceneaux C.L. The Military in Latin America / C.L. Arceneaux // Developments in Latin America Political Economy / eds. J. Buxton, N. Miller. – Manchester, 1999. – P. 93 – 111.
5. Becoming National. A Reader / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996.
6. Benjamin J. The Machado and Cuban Nationalism, 1928 – 1932 / J. Benjamin // HAHR. – 1975. – Vol. 55. – No 1. – P. 66 – 91.
7. Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.
8. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975.
9. Borges D. Puffy, ugly, slothful and inert: degeneration in Brazilian social thought, 1880-1940 // JLAS. – 1993. – Vol. XXV. – No 2. – P. 235 – 256.
10. Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1993.
11. Brooker P. Non-Democratic Regimes: Theory, Government, Politics / P. Brooker. – NY., 2000.
12. Burns E.B. Nationalism in Brazil / E.B. Burns. – NY., 1968.
13. Castro C. The Military and Politics in Brazil: 1964-2000 / C. Castro. – Oxford, 2000.
14. Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972 / R.H. Chilcote. – NY., 1974.
15. Civil-Military Relations / ed. C.L. Cochran. – L., 1974.
16. Cleary D. Race, nationalism and social theory in Brazil: rethinking Gilberto Freyre. Paper of David Rockefeller Center for Latin American Studies Harvard University, Harvard University, 1999.
17. Davilla J. Under the Long Shadow of Getúlio Vargas: A Research Chronicle / J. Davilla // EIAL. – 2001. – Vol. 12. – No 1.
18. Dulles J.W. Vargas of Brazil / J.W. Dulles. – Austin, 1967.
19. Dulles J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983.
20. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.
21. Eley G. Reshaping of German Right / G. Eley. – Oxford, 1980.
22. Enloe C. Bananas, Beaches and Bases / C. Enloe. – L., 1989.
23. Farcau B.W. The Coup: Tactics and Seizure of Power / B.W. Farcau. – Westport, 1994.
24. Feaver P.D. The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civil Control / P.D. Feaver // AFS. – 1996. – Vol. 23. – No 2. – P. 149 – 178.
25. Ferreirara-Pinto Bailey A.C. Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women's Literature / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey // FUN. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41.

26. Ferreirara-Pinto Bailey A.C. *Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women's Literature* / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – West Laffayette, 2004.
27. Finer S.E. *The Man on Horseback: the Role of Military in Politics* / S.E. Finer. – Boulder, 1988.
28. Fitch J. *The Armed Forces and Democracy in Latin America* / J. Fitch. – Baltimore, 1998.
29. Frye A. *Nazi Germany and the American Hemisphere 1933-1941* / A. Frye. – New Haven, 1967.
30. McGee Deutsch S. *Counterrevolution in Argentina, 1900-1932: The Argentine Patriotic League* / S. McGee Deutsch – Lincoln, 1986.
31. McGee Deutsch S. *Las Derechas. The Extreme Right in Argentina, Brazil and Chile* / S. McGee Deutsch. – Stanford, 1999.
32. Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – L., 1983.
33. Giddens A. *The Nation-State and Violence* / A. Giddens. – Camb., 1985.
34. Goebel M. *Nationalism, the Left and Hegemony in Latin America* / M. Goebel // BLAR. – 2007. – Vol. 26. – No. 3. – P. 311 – 318.
35. Gómez de Souza L.A. *Latin America and the Catholic Church: points of convergence and devergence, 1960 – 2005* / L.A. Gómez de Souza. – [n.p.], 2007.
36. Goulet D. *A New Moral Order. Development Ethics and Liberation Theology* / D. Goulet. – NY, 1974.
37. Hechter M. *Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966* / M. Hechter. – L., 1975.
38. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies* / S.P. Huntington. – New Haven – L., 1968.
39. Huntington S.P. *The Soldier and the State* / S.P. Huntington. – NY., 1952.
40. Kadt E. de, *Catholic Radicals in Brazil* / E. de Kadt. – Oxford, 1970.
41. Karasch M. *Slave Life in Rio de Janeiro, 1808-1850* / M. Karasch. – Princeton, 1988.
42. Keating M. *State and Regional Nationalism: Territorial Politics in European State* / M. Keating. – N.Y. – L., 1988.
43. Keating M. *The New Regionalism in Western Europe* / M. Keating. – Cheltenham, 1998.
44. Kedourie E. *Nationalism* / E. Kedourie. – L., 1960.
45. Kemp K.W., Hudlin C. *Civil Supremacy over the Military: its Nature and Limits* / K.W. Kemp, C. Hudlin // AFS. – 1992. – Vol. 19. – No 1.
46. *Intellectuals in Politics: From the Dreyfus Affair to the Rushdie Affair* / eds. J. Jennings, A. Kemp-Welch. – L.-NY., 1997.
47. *Internal Peripheries in European History* / ed. H.-H. Nolte. – Göttingen, 1991.
48. Janowitz M. *The Professional Soldier* / M. Janowitz. – NY., 1960.
49. Jayawardena K. *Feminism and Nationalism in the Third World* / K. Jayawardena. - L., 1986.
50. *Latin American Institutional Development: Changing Military Perspectives in Peru and Brazil.* – Santa Monica, 1971.
51. Lai B., Slater D. *Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute initiation in Authoritarian Regimes, 1950 – 1992* / B. Lai, D. Slater // AJPS. – 2006. – Vol. 50. – No 1. – P. 113 – 126.

52. Lenski G. *The Religious Factor* / G. Lenski. – NY., 1961.
53. Levy-Bruhl L. *Primitive Mentality* / L. Levy-Bruhl. – Boston, 1966.
54. Loewenstein K. *Brazil under Vargas* / K. Loewenstein. – NY., 1942.
55. Love J.L. *Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism, 1882–1930* / J.L. Love. – Stanford (California), 1971.
56. Love J.L. *São Paulo in the Brazilian Federation* / J.L. Love. – Stanford (California), 1988.
57. Luttwack E. *Coup d'Etat. A Practical Handbook* / E. Luttwack. – Cambridge (Mass.), 1968.
58. Mainwaring S. *The Catholic Church and Politics in Brazil, 1916–1985* / S. Mainwaring. – Stanford, 1986.
59. Mann M. *The Sources of Social Power* / M. Mann. – Camb., 1993.
60. Mann M. *A Political Theory of Nationalism and its Expresses* / M. Mann // *Nations and Nationalism* / ed. S. Periwal. – Budapest, 1995.
61. Markusen A. *Regions: the Economics and Politics of Territory* / A. Markusen. – New Jersey, 1987.
62. Marx A. *Making Race and Nation: A Comparison of the United States, South Africa and Brazil* / A. Marx. – Cambridge, 1998.
63. Mattoso K. *To Be A Slave in Brazil, 1550-1888* / K. Mattoso. – New Brunswick, 1986.
64. *The Military and Nation-Building in the Age of Democracy* / ed. K. Koonings, D. Kruijt. – L., 2002.
65. *The Military and Democracy* / eds. L. Goodman, J. Mendelson, J. Rial. – Mass., 1990.
66. Murilo de Carvalho J. *Intellectual History in Brazil: Rhetoric as a Key to Reading* / J. Murilo de Carvalho // *PRHI*. – 1998. – No 2. – P. 149 – 168.
67. Nairn T. *The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism* / T. Nairn. – L., 1977.
68. Nairn T. *Faces of Nationalism* / T. Nairn. – L., 1997.
69. *Nationalism in Asia and Africa* / ed. E. Kedourie. – L., 1971.
70. *New Military-Civil Relations* / eds. J. Lovell, P. Kronenberg. – New Brunswick, 1974.
71. Nolte H.-H. *Comparing Internal Peripheries* / H.-H. Nolte // *Towards an International Economic and Social History* / ed. B. Etamad. – Genf, 1995. – P. 75 – 84.
72. Oliven R.G. *National and regional identities in Brazil: Rio Grande do Sul and its Peculiarities* / R.G. Oliven // *Nations and Nationalism*. – 2006. – Vol. 12. – No 2. – P. 303 – 320.
73. *The Political Influence of Military* / eds. A. Perlmutter, V. Plave Barette. – New Haven, 1980.
74. *Political-Military Systems* / ed. C. McArdle Kelleher. – Beverly Hills – L., 1974.
75. Pollard S. *Marginal Areas. Do they have a common history* / S. Pollard // *Towards an International Economic and Social History* / ed. B. Etamad. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.
76. Potashnik M. *Nacismo. National Socialism in Chile 1932-1938* / M. Potashnik. – LA., 1974.

77. Reis J.J. *Slave Rebellion in Brazil: The Muslim Uprising of 1835 in Bahia* / J.J. Reis. – Baltimore, 1993.
78. Rial J. *Armies and Civil Societies in Latin America* / J. Rial // *Civil-Military Relations and Democracy* / eds. L. Diamond, M. Plattner. – Baltimore, 1996. – P. 47 – 65.
79. Roszak Th. *The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition* / Th. Roszak. – NY., 1969.
80. Roszak Th. *Person / Planet: The Creative Disintegration of Industrial Society* / Th. Roszak. – L., 1981.
81. Schiff R.L. *Civil-Military Relations Reconsidered: a Theory of Concordance* / R.L. Schiff // *AFS*. – 1995. – Vol. 22. – No 1. – P. 7 – 24.
82. Silva P. *Searching for Civilian Supremacy: the Concertación Governments and the Military in Chile* / P. Silva // *BLAR*. – 2002. – Vol. 21. – No 3. – P. 375 – 395.
83. Showalter E.A. *A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing* / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.
84. Skidmore T. *Black into White: Race and Nationality in Brazilian Thought* / T. Skidmore. – Durham, 1993.
85. Skidmore T. *Politics in Brasil, 1930 – 1960* / T. Skidmore. – NY., 1967. Smelser N.J., Parsons T. *Economy and Society* / N. Smelser, T. Parsons. – L., 1956.
86. Smelser N.J. *Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Industry* / N.J. Smelser. – L., 1959.
87. Smelser N.J. *Theory of Collective Behavior* / N.J. Smelser. – L., 1962.
88. Smelser N.J. *The Sociology of Economic Life* / N.J. Smelser. – NJ., 1963.
89. Smelser N.J. *Sociological Theory: A Contemporary View* / N.J. Smelser. – NY., 1971.
90. *The Soldier and State in Latin America. Essays in Military-Civil Relations* / ed. P. Silva. – L., 2001.
91. Stepan A. *Rethinking Military Politics* / A. Stepan. – Princeton, 1988.
92. Stepan N. *The Hour of Eugenics: Race, Gender and Nation in Latin America* / N. Stepan. – Ithaca, 1991.
93. Sundhaussen U. *The Military: A Threat to Democracy?* / U. Sundhaussen // *AJPH*. – 1998. – Vol. 44. – No 3. – P. 329 – 349.
94. Szulc T. *The Twilight of Tyrants* / T. Szulc. – NY., 1959.
95. Triner G. *Race, With or Without Color? Reconciling Brazilian Historiography* / G. Triner // *EIAL*. – 1999. – Vol. 10. – No 1.
96. Vago S. *Social Change* / S. Vago. – NJ., 1989.
97. Wade P. *Race and Ethnicity in Latin America* / P. Wade. – L., 1997.
98. Ward R. *Modern Political Systems* / R. Ward. – NJ., 1963.
99. Wasburn Ph. *Political Sociology in the United States* / Ph. Wasburn // *HR*. – 1974. – Vol. XXVII. – No 4.
100. Weinstein B. *Brazilian Regionalism* / B. Weinstein // *LARR*. – 1982. – Vol. XVIII. – No 2. – P. 262 – 276.
101. Wirth J.D. *Minas Gerais in the Brazilian Federation* / J.D. Wirth. – Stanford (California), 1977.
102. *World Perspectives in the Sociology of Military* / eds. G.A. Kouvertaris, B.A. Dobratz. – Brunswick, 1977.

103. Young G.F. Jorge González von Marées: Chief of Chilean Nacism / G.F. Young // JGSWGL. – 1974. – Bd. 11. – S. 309 – 333.

На испанском языке:

1. Agüero F. Militares, civiles y democracia / F. Agüero. – Madrid, 1995.
2. Allende González R. El Jefe. La vida de Jorge González von Marées / R. Allende González. – Santiago de Chile, 1990.
3. Alvarez Z. El nacionalismo argentino / Z. Alvares. – Buenos Aires, 1975.
4. Atria R. Estado, militares y democracia / R. Atria // FAS. – 2000. – Vol. 15. – No 1. – P. 39 – 46.
5. Buchrucker Ch. Nacionalismo y peronsmo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955) / Ch. Buchrucker. – Buenos Aires, 1987.
6. Capelato M.H. Os intelectuais e o Poder No Varguismo e Peronismo / M.H. Capelato // HQD. – 1999. – No 13. – 5 – 39.
7. Ciria V.A. Política y cultura popular: la Argentina peronista, 1946-1955 / V.A. Ciria. – Buenos Aires, 1983.
8. Gaudig O., Veit P. El Partido Alemán Nacionalsocialista en Argentina, Brasil y Chile frente a las comunidades alemanas: 1933-1939 / O. Gaudig, P. Veit // EIAL. – 1995. – Vol. 6. – No 2.
9. Giudici E. Hitler conquista América / E. Giudici. – Buenos Aires, 1938.
10. Gerassi M.N. Los nacionalistas / M.N. Gerassi. – Buenos Aires, 1968.
11. Gertz R.E. Influencia política alemã no Brasil na década de 1930 / R.E. Gertz // EIAL. – 1996. – Vol. 7. – No 1.
12. Fiorucci F. ¿Aliados o enemigos? Los intelectuales en los gobiernos de Vargas y Perón / F. Fiorucci // EIAL. – 2004. – Vol. 15. – No 2.
13. Lima Motta P., Mello Barboza J. El nazismo eb el Brasil / P. Lima Motta, J. Mello Barboza. – Buenos Aires, 1938.
14. Mignone E.F. Iglesia y dictadura. El papel de la Iglesia a la luz de sus relaciones con el régimen militar / E.F. Mignone. – Buenos Aires, 1986.
15. Nascimbene M.C., Neuman Conicet M.I. El nacionalismo católico, el fascismo y la inmigración en la Argentina (1927-1943): una aproximación teórica / M.C. Nascimbene, M.I. Neuman Conicet // EIAL. – 1993. – Vol. 4. – No 1.
16. Ojeda Ebert G.J. El Movimiento Nacional Socialista Chileno. Presentación de fuentes diplomáticas inéditas / G.J. Ojeda Ebert // Estudios Latinoamericanos, 1982 – 1984. – Wroclaw, 1985. – P. 249 – 265.
17. Senkman L. Nacionalismo e Inmigración: La Cuestión Etnica en las Elites Liberales e Intelectuales Argentinas: 1919-1940 / L. Senkman // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.
18. Smith A.D. Nacionalismo e indigenismo: la búsqueda de un pasado auténtico / A.D. Smith // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 2.
19. Spektorowski A. Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera / A. Spektorowski // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 1.
20. Sznajder M. El Movimiento Nacional Socialista: Nacismo a la chilena / M. Sznajder // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.
21. Tejera A. Penetración nazi en América Latina / A. Tejera. – Montevideo, 1938.
22. Varas A. La autonomia militar em América Latina / A. Varsa. – Caracas, 1988.

На немецком языке:

1. Bartelt D. "Fünfte Kolonne" ohne Plan. Die Auslandsorganisation der NSDAP in Brasilien, 1931-1939 / D. Bartelt // IAA. – 1993. – Bd. 19. – No 1 – 2. – S. 3 – 35.
2. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt, 1995.
3. Bussche R. von den, Konservatismus in der Weimarer Republik. Die Politisierung des Unpolitischen / R. von den Bussche. – Heidelberg, 1998.
4. Der deutsche Faschismus in Lateinamerika 1933-1943 / hrsg. H. Sanke. – Berlin 1966.
5. Ebel A. Das Dritte Reich und Argentinien. Die diplomatischen Beziehungen unter besonderer Berücksichtigung der Handelspolitik (1933-1939) / A. Ebel. – Köln – Wien, 1971.
6. Harms-Baltzer K. Die Nationalisierung der deutschen Einwanderer und ihrer Nachkommen in Brasilien als Problem der deutsch-brasilianischen Beziehungen 1930-1938 / K. Harms-Baltzer. – Berlin, 1970.
7. Kossok M. Lateinamerika zwischen Emanzipation und Imperialismus. 1810-1960 / M. Kossok. – Berlin 1961.
8. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932 / A. Mohler. – Darmstadt, 1972.
9. Nationalsozialismus und Argentinien / hsgb. Holger M. Meding. - FaM., 1995.
10. Pfüller M. Historische Regionalanalyse / M. Pfüller // Historische Regionalanalyse als Grundlage der Strukturentwicklung / hrsg. von M. Wendt. – Schwerin, 1993. – S. 1 – 7.
11. Pommerin R. Das Dritte Reich und Lateinamerika. Die deutsche Politik gegenüber Süd- und Mittelamerika 1939-1942 / R. Pommerin. – Düsseldorf, 1977.
12. Provinzialisierung einer Region. Zur Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. von G. Zang. – Frankfurt, 1978.
13. Ritter E. Das Deutsche Ausland-Institut in Stuttgart 1917-1945 / E. Ritter. – Wiesbaden, 1976.
14. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918. und 1933. / K. Sontheimer. – München, 1994.
15. Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus / hrsg. C. von Schrenck-Notzing. – Berlin, 2000. – S. 119 – 139.
16. Weißmann K. Konservative Revolution – Forschungsstand und Unpolitischen / K. Weißmann // Schildt A. Konservatismus in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart / A. Schildt. – München, 1998.

На прочих языках:

1. Агеєва В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеєва. – Київ, 2003.
2. Грабович Г. Поет як міфотворець / Г. Грабович. – Київ, 1996.
3. Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.
4. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999.
5. Ільницький О. Український футуризм (1914 - 1930) / О. Ільницький. – Львів, 2003.
6. Тарнавський М. Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного / М. Тарнавський. – Київ, 2004.
7. Calmon P. *Storia della civiltà brasiliana* / P. Calmon. – Rio de Janeiro, 1939.
8. Carvalho R. *Piccola storia della Letteratura brasiliana* / R. De Carvalho. – Firenze, 1936.
9. *Au coeur de la crise moderniste, correspondance* / ed. René Marle. – Paris, 1960.
10. Droulers M., Engel Gerhardt T., Biaggi E. de, *Dynamique du peuplement et du developpement* / M. Droulers, T. Engel Gerhardt, E. de Biaggi // CAL. – 1995. – No 20. – P. 86 – 87.
11. Garcia A. *Les intellectuels et la conscience nationale au Brésil* / A. Garcia // ARSS. – 1993. – No 98. – P. 20 – 33.
12. Poulat É. *Intégrisme et catholicisme intégral* / É. Poulat. – Paris, 1969.

Сокращения

AFS = Armed Forces and Security	HR = The Human Relations
AJPH = Australian Journal of Politics and History	LARR = Latin American Research Review
ARSS = Actes de la Recherche en Sciences Sociales	MRVH = Mneme – Revista Virtual de Humanidades
AS = Azioni Sociale	NE = Nova Economia
BLAR = Bulletin of Latin American Research	NR = Novos rumos
BMTIC = Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio	PB = Problemas brasileiras
BRIL = Brasília. Revista de Informação Legislativa	PRHI = Prismas. Revista de História Intelectual
CAL = Cahiers des Ameriques Latines	RBCS = Revista Brasileira de ciências sociais
CC = Ciência e Cultura	RBE = Revista Brasileira de Educação
CI = Contexto Internacional	RBH = Revista brasileira de história
CM = Correio da Manhã	RBPI = Revista Brasileira de Política Internacional
CO = A Classe Operária	RBEP = Revista Brasileira de Estudos Políticos
CP = Cultura Política	RCP = Revista de Ciência Política
DL = Diálogos Latinoamericanos	RCM = Revista do Clube Militar
DN = Diário de Noticias	RIC FFC = Revista de Iniciação Científica da FFC
EA = Estudos Avançados	RHR = Revista de História Regional
ECB = Encontros com a Civilização Brasileira	REB = Revista Eclesiástica Brasileira
EIAL = Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe	RECH = Revista Eletrônica Cadernos de História
EH = Estudos Históricos	RPPC = Revista de Pesquisa e Pós-Graduação
ES = Estudos de Sociologia	RTH = Revista Tempos Históricos
FAS = Fuerzas Armadas y Sociedad	TS(RS) = Tempo Social. Revista de sociologia
FRHEC = Fênix. Revista de História e Estudos Culturais	VH = Varia Historia
FS = Fôlha da Semana	
FUN = Feministas Unidas Newsletter	
IAA = Ibero-Amerikanisches Archiv	
IREL = Ipotesi: revista de Estudos Literários	
JB = Jornal do Brasil	
JGSWGL = Jahrbuch für Geschichtes von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas	
JLAS = Journal of Latin American Studies	
JSS = Journal of Strategic Studies	
HAHR = Hispanic American Historical Review	
HQD = História: Questões e Debates	
HP = História e Perspectiva	

Научное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

Авторитаризм, национализм и политический протест
(проблемы модернизации в Бразилии
1930 – 1980-х годов)

Монография

Издание публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 18. 02. 2009 г.
Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ.л. 9,75.
Уч.-изд. л. 9,5. Тираж: 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
